

ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТ
ВАЛЬДЕМАР ЭРФУРТ

ПОБЕДА
С ПОЛНЫМ УНИЧТОЖЕНИЕМ
ПРОТИВНИКА

ВОЕНИЗДАТ НКО СССР
1941

ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТ
ВАЛЬДЕМАР ЭРФУРТ

ПОБЕДА С ПОЛНЫМ УНИЧТОЖЕНИЕМ ПРОТИВНИКА

Перевод с немецкого

ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
НАРОДНОГО КОМИССАРИАТА ОБОРОНЫ СОЮЗА ССР
МОСКВА — 1941

Ген.-лейт. ВАЛЬДЕМАР ЭРФУРТ

ПОБЕДА С ПОЛНЫМ УНИЧТОЖЕНИЕМ ПРОТИВНИКА

Книга немецкого генерала В. Эрфурта вышла в свет во второй половине 1939 г. Она представляет собой сборник обработанных статей того же автора, опубликованных в германской военной периодической печати в последние годы. Автор подробно, на основе опыта войн со времен Фридриха II и до настоящего времени, исследует проблему взаимодействия войсковых соединений. Он резко подчеркивает различие в стратегических методах Наполеона и Мольтке, вызванное главным образом существенными изменениями в военной технике и численности армий. Будучи глубоким сторонником учения о войне Шлиффена, он настойчиво защищает идею современных, больших Канн.

Исследуя ряд крупных операций в последних войнах, он доказывает, что моторизация армий и появление парашютных войск („воздушная пехота“) позволяют полководцам более чем когда-либо добиваться решительной победы с полным уничтожением противника, оперируя на внешних линиях. Стараясь доказать, что это сулит скорую победу, автор все же вынужден признать, что в войнах последних лет „образцовые Канн“ — операции, закончившиеся полным уничтожением главных сил противника, удавались редко.

ПРЕДИСЛОВИЕ К РУССКОМУ ПЕРЕВОДУ

В настоящем труде автор, обер-квартирмейстер военно-исторического отдела Генерального штаба германской армии Эрфурт, анализируя эволюцию взглядов на ведение военных операций, формулирует условия, которые, по его мнению, необходимо учитывать при руководстве операциями, рассчитанными на полное уничтожение противника и ведущимися разьединенными армиями.

Главной идеей труда является утверждение, что при известных условиях возможно полное окружение противника. «Стремление к уничтожению противника, — говорит Эрфурт, — может получить свое наивысшее развитие лишь в концентрической атаке с нескольких сторон... Открытым оставался вопрос, каким образом следует вести наступление с нескольких сторон современными армиями. Лишь войны последней четверти века дали на него ответ».

Эрфурт, так же как и Шлиффен в своем труде «Канны», начинает свое исследование с анализа операций Фридриха II, но, в отличие от Шлиффена, освещает их в аспекте руководства современными армиями и развития взглядов по этому вопросу в германском Генеральном штабе. Под этим же углом зрения Эрфурт рассматривает и операции, проводившиеся осенью 1915 г. в Сербии и в конце 1916 г. в Румынии, а также операции последующих войн.

Не отрицая значения действий по внутренним операционным линиям (в оперативном смысле), Эрфурт, однако, считает, что для осуществления полного окружения и уничтожения противника нужны концентрические действия.

Высказанная в свое время Клаузевицем мысль «о преимуществах сосредоточенности и внутренней линии», по мнению Эрфурта, потеряла свое прежнее значение. Устаревшим считает он и возражение против концентрических операций, высказанное Жomini, который отмечал как недостаток таких операций невозможность постоянной связи командования с отдельными колоннами. Современные средства связи, — заявляет Эрфурт, — целиком устраняют этот недостаток.

Какие же условия нужны, по мнению Эрфурта, для осуществления окружения, а следовательно, и для полного уничтожения противника? Не вдаваясь в излишнюю детализацию, определяемые автором условия, необходимые для полного окружения, можно свести к следующему: охватывающее начертание границ; внезапность удара и превосходство в воздухе и на земле; отсутствие препятствий, могущих задержать наступление одной из армий, действующих в концентрических направлениях; наличие подвиж-

ных средств, быстро преодолевающих пространство современных театров военных действий; единое командование; дисциплинированность низших начальников и их оперативная грамотность; энергичные действия армий и корпусов, не ожидающих помощи из тыла, и, наконец, использование парашютных войск.

Все эти условия, вплоть до действий мото-механизированных соединений, «воспроизведших» действия конницы Гасдрубала, были в 1939 г. налицо. Известно также, что германская армия одержала победу над Польшей. Таким образом, как будто оправдалось «пророчество» Эрфурта, заявившего, что «учения Клаузевица, Мольтке и Шлиффена обеспечат в настоящей войне германскому руководству прежде превосходство».

На самом деле это не совсем так. Читатель, который некритически воспримет эту точку зрения Эрфурта, впадет в ошибку. Главным условием победы германской армии на полях Польши и Франции явилось не то, что германское военное руководство следует учениям перечисленных военных деятелей, а то, что военно-политическое руководство Польши и Франции воспроизвело действия Теренция Варрона¹, способствуя этим собственному поражению.

Что же касается сформулированных автором условий, то наличие их лишь ускорило это поражение.

Было бы, конечно, неправильно умалять их значение. Не подлежит сомнению, что они являются важнейшим фактором победы.

Эрфурт придает большое значение парашютным войскам. Однако, как известно, парашютные войска были применены германским командованием только в Норвегии, Голландии и Бельгии, но не были использованы в оперативном тылу французской армии. Почему? Не будет ошибкой предположить, что этому препятствовала насыщенность французского оперативного тыла войсками.

Эрфурт не сделал сколько-нибудь подробного разбора восточно-прусской операции 1914 г., а ограничился только ссылкой на нее, как на одну из операций, заслуживающих внимания с точки зрения исследуемой проблемы.

Идея обороны Восточной Пруссии в 1914 г. методом действий по внутренним операционным линиям возникла на основе идейного наследства Шлиффена, в частности его «восточных планов».

Между тем неудачные действия 1-й и 2-й русских армий в Восточной Пруссии в 1914 г. вовсе не являются результатом особого совершенства «восточных планов» Шлиффена или порочных планов русского командования (последнее признает и сам Эрфурт), а являются следствием ошибок, допущенных русским командованием в ходе самой операции.

Несмотря на указанные недостатки, труд Эрфурта, издаваемый нами в несколько сокращенном объеме, представляет для советского читателя значительный интерес, поскольку высказанные в нем положения нашли в известной степени свое отражение в операциях германской армии в Польше в 1939 г.

Полковник Лобанов

¹ Римский консул, разбитый Ганнибалом в битве при Каннах.

Предисловие

Первый военно-исторический отдел Большого генерального штаба опубликовал в 1903 г. исследование о путях достижения успеха на поле сражения в европейских войнах со времен Фридриха II. В результате исследования «старая истина, что удар, направленный против фланга противника, и одновременная угроза его тылу сулят наибольший успех», была вновь подтверждена.

В настоящей работе проводится аналогичное исследование. Выясняются условия достижения в современной обстановке победы с полным уничтожением противника. Речь идет не просто о победе на поле сражения, но о достижении наивысшей цели полководца — о полном уничтожении сил противника в генеральном сражении.

Постановка вопроса в книге «Успех на поле сражения и пути его достижения» была слишком общей, а выводы весьма ограниченными. Когда велось это исследование, Генеральный штаб находился под сильным влиянием предшествующего спора в печати о различии в методах ведения военных операций Наполеона и Мольтке. В связи с этим книга «Успех на поле сражения» не могла внести полную ясность в основную проблему — руководство операциями, проводимыми расчлененными войсковыми соединениями. Мысль, что стремление к уничтожению противника может получить свое наивысшее развитие лишь в концентрической атаке с нескольких сторон (*konzentrischer Angriff von mehreren Seiten*), еще не получила признания. Чтобы достигнуть больших успехов, как правило, недостаточен охват противника и угроза его тылу. Атака со всех сторон с древнейших времен является наиболее надежным способом достижения полной победы. Шлиффен первым правильно это оценил и доказал в своем исследовании о Каннах. Если невозможно, учил он, наступать против фронта, обходя флангов и тыла противника, следует быть скромнее и ограничиться наступлением с трех или даже двух сторон. Такое наступление при благоприятных обстоятельствах может привести к окружению противника, но идеальным планом, позволяющим рассчитывать на максимальный успех, всегда остается атака с четырех сторон. Открытым оставался вопрос, каким образом следует вести наступление с нескольких сторон современными миллионными армиями. Лишь войны последней четверти века дали на него ответ.

Колоссальными современными армиями на гигантских театрах военных действий, в продолжительных решающих сражениях уже невозможно осуществлять местный охват и окружать противника, наступая с близлежащей линии фронта. Окружение надо начать из глубины оперативного района, наступая на отдельных фронтах. Таким образом, предварительные операции готовят сражение. Если удастся наступающие в различных направлениях части соединить к сражению так, что противник будет испытывать концентрическое давление с нескольких сторон, — значит, полководец, как и во времена Мольте, достиг наивысших результатов. Следовательно, взаимодействие расчлененных войсковых соединений,двигающихся из разных пунктов, является и в наше время основной предпосылкой операции, имеющей целью победу с полным уничтожением противника. Несомненно, основные условия сражения остались без изменения с древнейших времен. Но пути и средства, ведущие к полной победе, изменились. Как современный полководец окружает и уничтожает своего противника, нельзя выяснить на основе хода сражения при Каннах. Это можно сделать, изучая походы, давшие решающие результаты: операции лета 1914 г. в Восточной Пруссии, осенью 1915 г. в Сербии, в конце 1916 г. в Румынии и в настоящее время против Польши. Изучение новейшей истории войн заставляет положительно оценивать концентрические операции в современной войне. В этом духе был написан в «Военно-научном обозрении» ряд статей на тему «Взаимодействие расчлененных войсковых соединений». Основные их положения расширены и даны в настоящей книге.

Автор считает, что издание этих статей отдельной книгой будет способствовать исследованию и развитию исторической проблемы концентрического наступления. Концентрическое наступление, ведущее к полному уничтожению противника, впервые было предпринято главным штабом силезской армии. Будучи составной частью учения Клаузевица, развитое Мольте и Шлиффеном, оно привело нас к сражению при Танненберге. Надеюсь, что и в настоящей войне оно обеспечит германскому руководству его прежнее превосходство.

1 сентября 1939 г.

Автор

Введение

В военной печати последнего столетия до мировой войны часто возникал оживленный спор по вопросу сосредоточения боевых сил к сражению. Почти все военные писатели того времени высказали свое мнение по этому вопросу. Увеличение числа сражающихся с начала XIX в. привело к тому, что боевые силы приходилось расчленять на первых этапах операций и продвигать походным порядком. Задачей командования являлось своевременное сосредоточение к сражению отдельных войсковых частей. Какое место следует выбрать для соединения? Должно ли оно находиться впереди, на территории, где при продвижении армии может оказаться противник, или в пределах его расположения? В этом заключалась сущность проблемы. Приверженцы стратегии Наполеона считали необходимым сосредоточивать войска перед полем сражения. Последователи стратегии Мольтке рекомендовали сосредоточивать войска лишь на поле сражения. Преимущества первой заключались в большей безопасности от частных поражений. Вторая стратегия хотя и была более рискованной, но сулила бóльшие успехи.

Эти споры скоро переросли основную проблему. Начали обсуждать, следует ли предпочесть операции, ведущиеся на внешних линиях, операциям на внутренней линии. Линией операции (в вышеуказанном стратегическом понимании сокращенно называемой линией) с конца XVIII в.¹ военной теорией обозначаются пути, по которым войска движутся от оперативной базы к оперативной цели. Если одна армия сосредоточена между двумя или несколькими отдельными частями другой армии, то по обозначению, предложенному в военной теории Жюмини, первая находится на внутренней линии, а отдельные части другой передвигаются по внешним линиям. Операциям, производимым по внутренней линии, старая, наполеоновская, стратегия отдавала предпочтение. Она ставила себе целью последовательно разбивать соединенными силами разъединенные части противника. Сторонники стратегии Мольтке считали, что операции на внешних линиях дают особые преимущества вследствие концентрического действия атак, произведенных с нескольких сторон. Если противник, находящийся на

¹ Это условное обозначение впервые появилось в «Военных мемуарах» английского генерала Ллойда (ум. в 1783 г.).

внутренней линии, быстрыми уничтожающими ударами последовательно не разобьет наступающие на него с внешней стороны войсковые части, он будет стратегически окружен и в конце концов тактически зажат в клещи. Операции, проводимые на внешних линиях, — так указали их защитники, — при удаче одним ударом позволяют достигнуть результатов, о каких только можно мечтать. Что такие операции всегда связаны с большими опасностями, никогда не отрицали даже их защитники.

Спорный вопрос о сосредоточении к сражению разъединенных войсковых частей, т. е. о преимуществах и недостатках внутренней и внешних линий, окончательно не был решен до начала мировой войны. Поэтому интересно сделать обзор этой дискуссии и установить, какой ответ дали мировая и последующие войны на теоретические рассуждения.

Проблема во времена Фридриха II

В первой половине XVIII в. считалось непреложным законом стратегии, что силы, которыми мог располагать полководец для определенного сражения, в случае их рассредоточения на обширной территории следовало объединять под единым командованием и концентрировать до начала сражения. Когда в войне принимало участие несколько сторон, то имелось столько же театров военных действий. В то время ни одному полководцу не приходила мысль объединить союзные армии для совместных действий из разных направлений на одном поле сражения. Если требовалось увеличить силы на одном театре войны, одна армия по безопасным путям приближалась к другой и соединялась с ней, чтобы совместно с ней решиться на сражение. Это считали правильным Мальборо и принц Евгений во время войны за испанское наследство. Таким же образом развивались операции армий, действовавших против Фридриха II, который в общем придерживался этого положения стратегии. Выставленные им против русских и французов войска в большинстве случаев стратегически не увязывали своих действий с операциями главных сил, направленных против австрийцев. Однако изредка Фридрих II уклонялся от этого установленного принципа его времени и продвигал на поле сражения отдельные отряды из разных направлений. Это имело место, например, при войне за порядок наследования в Баварии. Оперативный план Фридриха II поразительно сходен с планом, по которому Пруссия в 1866 г. ввела свои войска в Богемия (схемы 1 и 2). Австрийская армия в конце июля 1866 г. была расположена почти так же, как и в 1778 г. Несмотря на это, были достигнуты совершенно различные результаты, соответствовавшие другим целям войны и изменениям в состоянии армии и в военном деле.

Замечательный пример операции разъединенных частей армии представляет собой вступление войск Фридриха II в Богемия в 1757 г. (схема 3). Избранный им способ соединениядвигающихся отдельно воинских частей на территории врага был в то

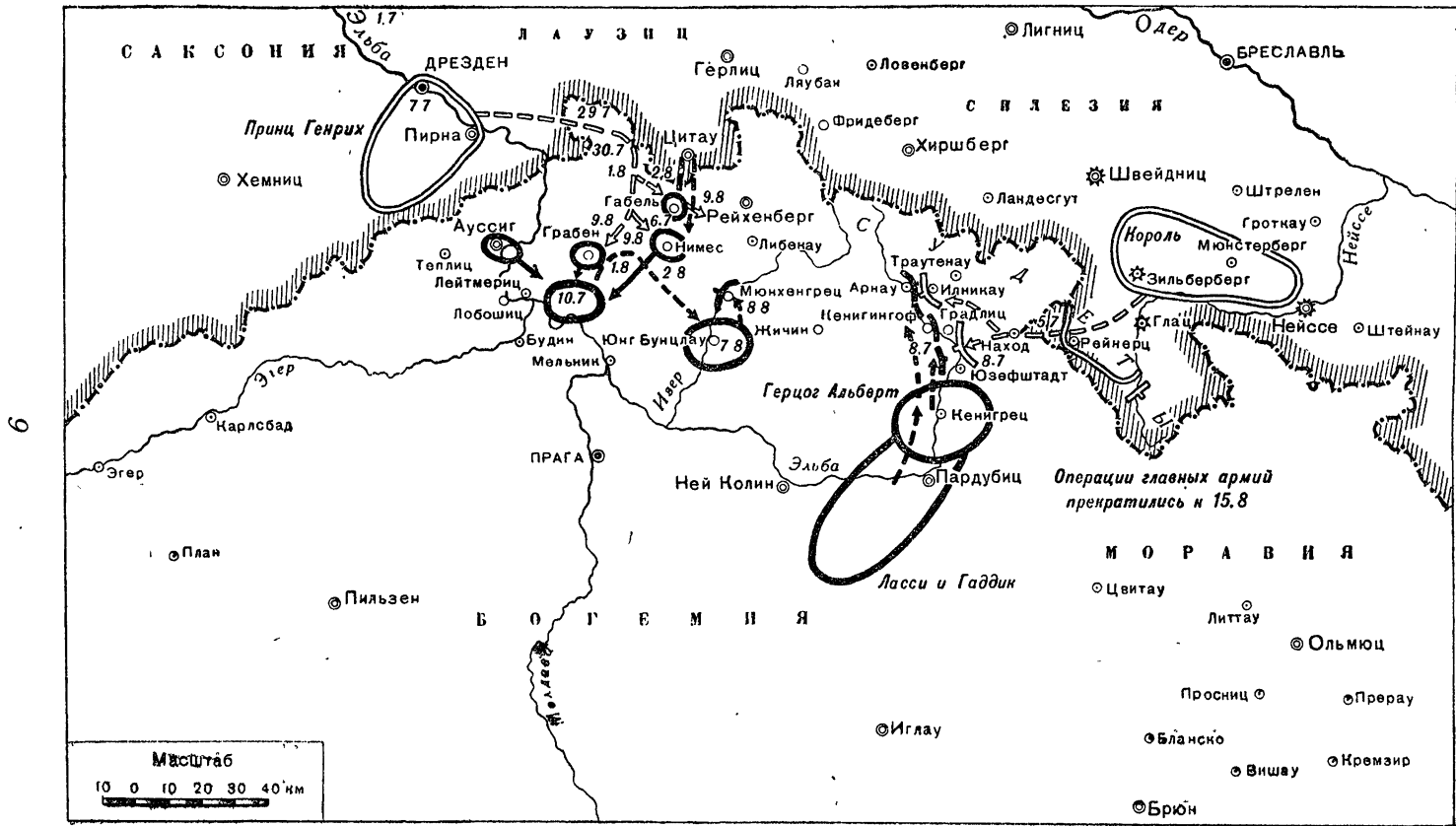

Схема 1, Кампания 1778 г.

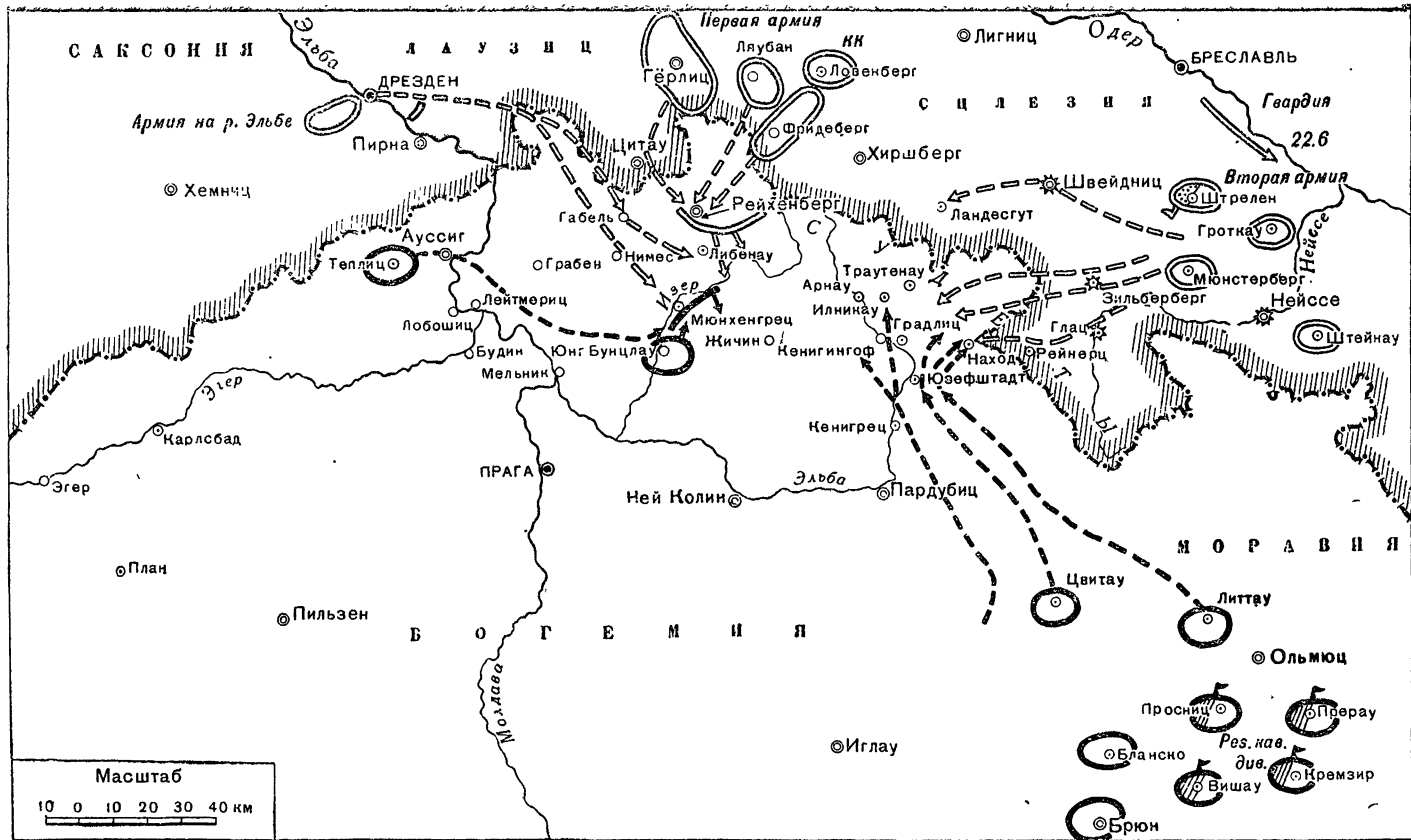

Схема 2. Сосредоточение войск на 18.6 1866 г. (передвижение войск до 27.6)

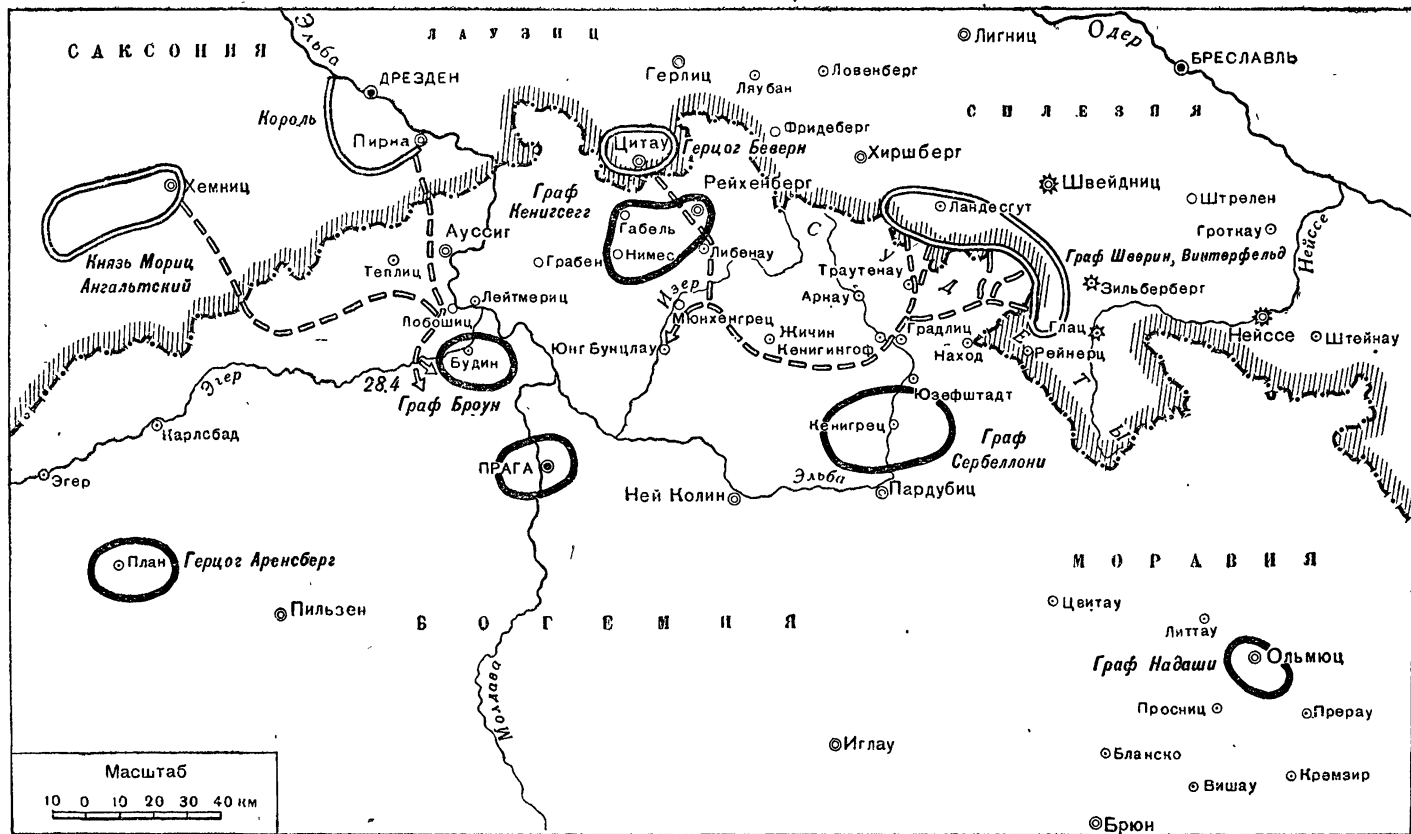

Схема 3. Начало Семилетней войны в 1757 г. Положение в начале апреля!

время совершенно необычным. Его отрицательно оценивали теоретики даже в более позднее время.

При этом критика допускала ошибку, приписывая Фридриху II мысли, соответствовавшие лишь более позднему времени. «Правильно критически рассматривать решения полководца можно, определив взгляды на войну того времени, влиявшие на его действия. Подобный анализ почти всегда позволяет правильно выяснить причины успеха или неудачи и во многих отношениях более поучителен для последующих поколений, чем военные действия, которые редко можно правдиво восстановить»¹.

Прусские войска в 1756—1757 гг. расположились на зимние квартиры в Саксонии, Лаузице и в Силезии. Когда выяснилось, что опасность со стороны французов не является угрожающей, Винтерфельд и Шверин посоветовали Фридриху по отношению к австрийцам взять инициативу в свои руки и захватить их склады в Северной Богемии. Фридрих, решив, что удар по складам принудит австрийцев принять сражение вне района их укреплений, вторгся в Богемию всеми своими силами. Таким образом, исторический план получил окончательное выражение. Он предусматривал вступление в Богемию четырех отдельных войсковых частей из Западной и Средней Саксонии, Лаузица и Силезии, объединение их в две группы между Лобошиц — Будин и Юнг Бунцлау и последующие соединения этих групп при концентрическом продвижении на поле сражения. Клаузевиц хотя и не был знаком с перепиской Фридриха, совершенно правильно определил его намерения, приписывая Фридриху вторжение в Богемию, чтобы «путем значительных потерь, причиненных австрийцам, достигнуть превосходства в последующей части похода». Без сомнения, Фридрих, выиграв сражение против австрийцев, использовал бы внутреннюю линию для направления войск против других противников. Но Фридрих II в 1757 г. вторгся в Богемию, конечно, не с целью дать решительное сражение у Праги, как это он впоследствии утверждал². Успешные совместные действия отдельных войсковых частей, двигающихся со всех сторон, привели к совершенно неожиданной вначале победе в сражении у Праги. Это придало плану Фридриха большое значение. При более позднем рассмотрении похода кажется, что успех был достигнут заранее задуманным охватным движением, сжавшим австрийцев у Праги. Однако такой ход мысли был чужд тому времени.

О том, что одновременное продвижение из Саксонии и Силезии и фронтальная атака могли быть связаны с нападением с тыла, Фридрих ничего не пишет³. В переписке Фридриха имеются лишь мысли, что при концентрическом продвижении войск из различных мест отдельные части должны полностью поддерживать одна дру-

¹ Из предисловия к «Тактико-стратегическим статьям Мольтке за 1857—1871 гг.», Берлин, 1900, стр. VIII.

² Военное завещание Фридриха Великого. Осень 1768 г.

³ Клаузевиц придерживается мнения, что подобная мысль отнюдь не была основной («О войне», стр. 478). Он считает все же возможным, что подобные действия концентрического наступления Фридрих имел в виду.

гую. В письме к фельдмаршалу Шверину от 24 марта 1757 г. по поводу намеченного вторжения в Богемию Фридрих определил его «как одновременное усиленное концентрическое вторжение», «позволяющее одной колонне облегчить положение другой так, что противник не сможет определить, в каком направлении ему надлежит действовать».

Но Фридрих был далек от мысли возможно дольше воздержаться от соединения отдельных войсковых групп, чтобы иметь возможность одновременно атаковать противника с фронта, флангов и тыла. Для него соединение всех сил до сражения было настоятельно необходимо. Поэтому он предупреждает Шверина и Винтерфельда, что они ответят своей головой, если не будут стремиться исключительно к соединению с принцем фон-Беве́рн у р. Изар, взятию Юнг Бунцлау и затем двигаться на соединение с армией Фридриха на Эльбе у Леймерича или Мельника.

Фридрих II решился применить новые методы стратегии в первую очередь благодаря расположению границы Австрии с Пруссией (включая занятую прусскими войсками Саксонию). Глубокое вклинивание части страны в территорию противника, естественно, должно было найти отражение в стратегии. Когда Фридрих II разрабатывал план кампании 1757 г., расположение прусских войск, охватывающих Богемию, наводило на мысль о наступлении на находившихся в Богемии австрийцев одновременно с разных сторон. Предварительное соединение прусских войск на главной линии вызвало бы потерю времени и лишило преимущества неожиданного нападения. А на неожиданность особенно рассчитывал Фридрих. «Броун здорово растеряется, — так писал он 10 апреля 1757 г. королю Англии, — когда услышит, что мы продвигаемся в Богемию со всех сторон, его войска будут бежать к нему отовсюду, он потеряет все свои склады и будет принужден сражаться вне своих позиций». Как большой знаток военной истории Фридрих II хорошо знал, что неожиданное нападение на врага обычно влечет за собой успех. Развитие операции вполне подтвердило его ожидания. Опасность, которую влекла за собой операция, проводимая разьединенными силами вблизи противника, стоящего на внутренней линии, была, без сомнения, совершенно ясна Фридриху. Повидимому, этой опасности он не придавал большого значения, так как знал, что австрийцы размещены на зимних квартирах в разных местах, и рассчитывал предупредить их соединение. Прусская армия была также лучше обучена, более многочисленна и состояла из опытных войск.

Во всяком случае новую идею проведения операции отдельными войсковыми группами при тогдашнем развитии военного дела современники и последующие поколения правильно расценивали, как весьма рискованную. Наполеон в критических замечаниях о Семилетней войне считал, что наступление Фридриха несколькими колоннами, удаленными одна от другой на 35 км, и объединение их после длительного похода под стенами крепости, на глазах противника, является ошибкой, потому что противоречит принципу, что «соединение отдельных корпусов никогда

не должно происходить вблизи врага». «Счастью было угодно, — так писал Наполеон в изгнании на острове св. Елены, — осыпать Фридриха своими дарами, по существу же его войска должны были бы быть разбиты по частям, до их соединения, и каждая его армия выгнана из Богемии». Прусский генеральный штаб в своем труде о Семилетней войне также считал, что главные оперативные линии прусской армии должны были исходить из Лаузица.

Проблема в эпоху Наполеона

Изучение военной истории невольно вызывает удивление тому, как медленно завоевывают признание новые идеи. Взаимная поддержка отдельных колонн сейчас сама собой разумеется. Поколение учеников Фридриха II не освоило уроков похода 1757 г. На это указывает ход революционной войны в конце XVIII в. Исключением является лишь французский поход весной 1796 г. В нем мы обнаруживаем своеобразное сочетание новых и старых идей. По плану Карно предполагалось образовать три самостоятельные армии: одну под командованием Наполеона в Италии, другую под командованием Моро на Верхнем Рейне и третью под командованием Журдана на Среднем Рейне до Дюссельдорфа. Этот план содержал совершенно новую идею ведения операций путем взаимодействия сил, находившихся на итальянском и германском театрах военных действий¹.

Правда, Карно не имел в виду, что все три французские армии, как это предложил впоследствии фельдмаршал Мольтке для германских и итальянских сил, продвигаются из различных мест и объединяются на одном поле сражения для уничтожения врага. Но Карно кое-что извлек из похода Фридриха в 1757 г. Он рассчитывал при взаимной поддержке разъединенных армий, постоянно угрожая флангам противника, заставить его отступать все дальше и дальше, отдавая территорию. Таким путем Карно надеялся, постоянно окружая противника с флангов, лишить его складов и привести к поражению. В действительности получилось наоборот. При движении отдельных групп постоянное особое затруднение представляет согласование их движения. Это было особенно трудно в те времена, когда всадник являлся быстрейшим способом передачи известий. В 1796 г. главное командование не могло само строго согласовать движения войск. Победы Бонапарта в Северной Италии оказали стратегическое влияние на события севернее Альп. Журдан потерпел у Вюрцбурга поражение от эрцгерцога Карла и отступил к Рейну. Стоявший на р. Изар Моро, располагавший вдвое большим количеством войск, нежели его противник, не счел необходимым, под влиянием событий в соседней армии, перейти в энергичное наступление на германском театре военных действий и повернуть их в благоприятную

¹ По Гансу Дельбрюку, История военного искусства, ч. IV, Берлин, 1920, стр. 498.

сторону. Напротив, он последовал примеру Журдана и отступил на исходные позиции. Впоследствии Наполеон определял французский поход в Германию в 1796 г. как войну, которая велась неправильными методами, противоречащими основным принципам. Это порицание относилось в меньшей степени к поведению Моро, чем к разделению французских сил, назначенных на германский театр военных действий, на две самостоятельные армии. Наполеон, согласно убеждениям того времени, в большинстве сражений пользовался лишь одной оперативной базой и стремился добиться успеха массовым давлением на один из участков фронта противника.

Если французские боевые силы в начале похода состояли из отдельных групп, Наполеон обращал особое внимание на их соединение до сражения. Правда, французский император, обладавший большим опытом, использовал представлявшиеся случайные возможности для совместной атаки неприятеля с различных сторон, отдельными войсковыми частями (например при Бауцене). Только в единичных, редких случаях Наполеон предусматривал совместное действие разьединенных частей в сражении. Так, например, в декабре 1806 г. Наполеон предполагал дать русским бой между Наревом—Бугом и нижним течением р. Вкры. Он намеревался атаковать русских с фронта, в то время как Бернадот должен был напасть на правое крыло противника по нижнему течению р. Вкры. Расстояние между французскими войсками составляло 170 км. Таково было расстояние между основными переправами через р. Вислу—Варшавой и Торном. Как часто случается при движениях дальнего охвата, главные силы противника находились не там, где предполагал Наполеон. Наступление одного корпуса закончилось безрезультатно, другой натолкнулся на превосходящие силы противника, а третий несвоевременно прибыл в намеченный пункт. В пултусский поход решающего поражения русским нанесено не было.

При наступлении на Алленштейн в конце января и начале февраля 1807 г. Наполеон намеренно возможно дольше не соединял свои силы, стремясь уничтожить армию Бенигсена атаками с фронта и охватом обоих флангов. Русский полководец, однако, своевременно оставил свои позиции у Ионкендорфа. Директива Наполеона привела лишь к слишком раннему и ненужному сосредоточению войск, которые пришлось вновь разъединить, чтобы получить свободу оперирования.

У Регенсбурга, в апреле 1809 г. (схема 4), император отказался от предполагавшейся концентрации своих армий за линиями и не продвинул свой правый фланг (Массена) к центру армии. Наоборот, он заставил его действовать через Ландесгут и Экмюль в качестве отдельной армейской части против операционных линий противника и добился этим больших успехов. Победа при Экмюле была одержана в результате осуществления заранее принятого решения полководца о взаимодействии оперативно разъединенных соединений на одном поле сражения. Мысль Фридриха II о взаимной поддержке отдельных колонн, высказанная им в 1757 г., здесь была развита

до нового метода стратегии, применение которого привело к решительной победе¹.

Из приведенных примеров системы руководства военными действиями Наполеона можно сделать стратегические выводы, подтверждаемые многочисленными примерами из последующих войн и правильные до настоящего времени. Со времени сражения при Экмюле твердо установлено, что успешную атаку на двух фронтах легче всего выполнить путем охватывающего наступления из глубины оперативного района.

Ход этого сражения показал, что одного охватывающего наступления недостаточно, чтобы поставить противника на поле сражения между двух огней. Успеха можно достигнуть скорее, лишь когда противник стремится сосредоточить свои силы и тем самым, — как выразился Шлиффер, — способствует созданию положения, которое приводит к сражению на уничтожение.

Пултуский поход свидетельствует о том, что операция, проводимая отдельными войсковыми группами, может не удалиться при слишком

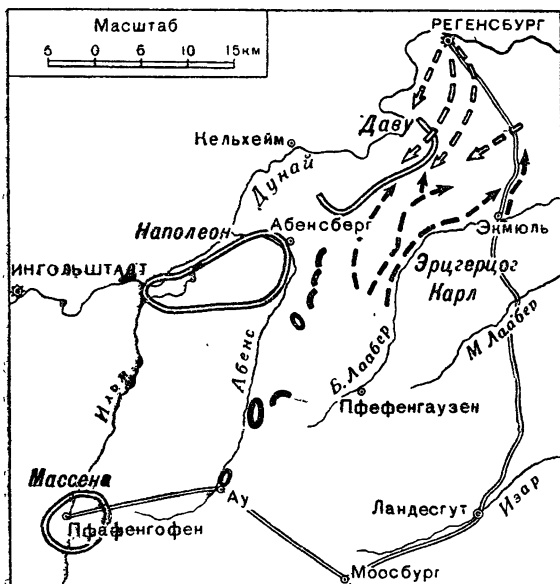

Схема 4. Регенбургский поход. Положение вечером 19 апреля 1809 г.

глубоком охвате, затрудняющем совместные действия отдельных частей. Сеть, в которую должен попасть противник, разрывается, если она очень растянута или ее петли настолько расширяются, что противник может сквозь них ускользнуть. Своевременное отступление, как это сделал Бенигсен при Алленштейне, часто применяется для того, чтобы избавиться от угрожающего охвата или окружения.

У противников Наполеона в то же время также возникла мысль вести стратегические операции расчлененными силами. Шарнгорст весной 1807 г. после битвы при Прейсиш-Эйлау предложил на совещании в Бартенштейне следующее выступление союзников с различных фронтов: помимо двух экспедиционных

¹ Наполеон был введен в заблуждение ложными донесениями и не имел ясного представления о неприятеле. В противном случае при Экмюле он добился бы победы с полным уничтожением противника. Как доказывал Шлиффер, Наполеон был в состоянии атаковать противника не только с двух, но с трех сторон. Поэтому он мог достигнуть того, что впоследствии Мольтке называл наивысшим достижением полководца.

корпусов — одного английского в Ганновере и шведского в Померании, совместно с прусско-русской армией в Пассарге и Але, должен был оперировать четвертый, ожидаемый союзник — австрийцы, посылающие один корпус вверх по реке Эльбе, до Дессау. Главные силы австрийцев, подкрепленные русскими войсками, предполагалось сосредоточить в Галиции, в верховьях р. Вислы. Шарнгорст требовал, чтобы все эти войсковые группы не были бездеятельны, а наоборот — постоянно беспокоили противника. «В противном случае неприятель, находившийся между ними, мог ударить превосходящими силами на каждую группу в отдельности, не испытав давления со стороны других»¹.

Операции, производимые разделенными войсковыми соединениями до момента их соединения, чреваты опасностью. Войсковые соединения могут подвергнуться нападению превосходящих сил противника и быть разбиты. Это совершенно отчетливо представлял начальник прусского генерального штаба, предлагая план операций на внешних линиях. В действительности своевременно произведенные операции на внутренней линии являются единственным средством против концентрических операций разделенных войсковых сил.

Шарнгорст пошел еще дальше по этому пути. В начале марта 1813 г. он разработал и лично доложил в Главной квартире русских войск в Калише план операции. Он предусматривал, что одна армия, под командованием Витгенштейна, должна наступать из Померании через Берлин на Магдебург, другая армия, под командованием Блюхера, должна наступать из Силезии через Лаузиц на Дрезден, а главные силы — продвигаться в середине между ними на расстоянии трехдневного перехода от каждой из них.

Они должны были оказывать поддержку по мере надобности армиям Витгенштейна и Блюхера.

Предложенный метод ведения операций значительно отличался от обычно принятого. Необычность метода вызвала затруднения в его выполнении.

Главные силы значительно отстали от армий, находившихся на флангах, отчего решительный удар против находившегося в Магдебурге вице-короля Италии стал невозможен.

Несомненно, предложенное Шарнгорстом оперативное разделение войск не было вызвано стремлением провести сражение на уничтожение атакой с разных сторон. Такие стратегические мысли были абсолютно чужды тому времени и возникли в военных кругах лишь после 1866 г. Применение разделенных воинских соединений Шарнгорстом и во времена Фридриха II обусловливалось географическим положением. В то время считали недопустимой неизбежную потерю времени, связанную с подтягиванием сил к главной линии. Во время Наполеона операции с разделенными войсковыми силами рассматривались как неизбежное зло². Этот метод стратегии при состоянии военного дела в то время (слабо развитая

¹ Макс Леман, Шарнгорст, 1886—1887, т. I, 508—509.

² Это определение впервые было дано Клаузевицем в книге «О войне», т. VIII, гл. 9, стр. 144. В таком же духе в последнее время высказался Зигфрид Метте в работе «Взгляды немецких полководцев», Цюрих, 1938.

сеть дорог, отсутствие современных средств связи и ненадежность младших командиров) был, несомненно, весьма опасен. Им можно было пользоваться лишь в исключительных случаях. Тем не менее стратегические планы Шарнгорста доказывают, что он учитывал возрастание численности войск и стремился найти новые, более гибкие формы руководства большими войсковыми соединениями.

Длительные войны начала XIX в. отчетливо подтвердили необходимость организации продвижения больших армий разделенными группами. Высказанный впоследствии Мольтке принцип, что «существо стратегии состоит в организации продвижения отдельными группами с учетом их своевременного сосредоточения»¹, фактически уже стал ясен во времена Наполеона. В учении Мольтке он представляет лишь «оживление военного опыта, забытого в течение длительного периода мира»². Приписываемый впоследствии Мольтке принцип «продвигаться раздельно, бить всем вместе» принадлежит, как это доказано, Шарнгорсту. Этот крупный мыслитель поразительно рано высказал мысль, сформулированную следующим образом: «Мнение, что во время войны следует держать свои силы сосредоточенными, что неразделение является одним из основных положений военного искусства, в корне неправильно. Наоборот, общее правило более искусных полководцев состоит в осторожном разделении своих сил, принуждении противника последовать этому примеру и, сосредоточивая свои силы, бить его по частям»³. Основной принцип стратегии, следовательно, таков: «Никогда не стоять сосредоточенно, но всегда бить объединенными силами». Эту мысль Шарнгорста Мольтке развил еще дальше, написав: «Каждое скопление больших масс само по себе является бедствием. Оно допустимо и оправдывается лишь тогда, когда ведет непосредственно к сражению. Опасно вблизи врага разделять свои силы, недопустимо долгое время оставаться в таком положении. Сложная задача хорошего руководства заключается в умении держать раздельно массы войск и одновременно обеспечить их своевременное объединение. Для достижения этого нет определенных правил. Задача в каждом случае будет своеобразной»⁴. Мысль, что сложность задачи заключается не в совместном пребывании вооруженных масс, а в их взаимодействии, впервые ясно была высказана лишь Мольтке. Когда в начале XIX в. начали продвигать армии отдельными группами, безусловно не стремились создать новую систему стратегии. Это вызвали новые требования руководства войсками. Численность, которой достигли армии во время Наполеона, примерно в 1805 г., не позволяла передвигать их совместно в течение длительного времени. Переход от снабжения системой складов к реквизиции потребовал разделять войска не только на стоянках, но и при наступлении. Наполеон также часто пользовался методом

¹ «Тактико-стратегические статьи», стр. 237.

² Фон-Фрейтаг-Лоринхгофен, Высшее командование в мировую войну, Берлин, 1920, стр. 44.

³ «После сражения при Маренго», изд. 1802 г.

⁴ «Военный еженедельник» («Militär-Wochenblatt»), 1867 г., № 18.

разделенного продвижения войск. Наиболее характерно в этом отношении наступление на Дунай в 1805 г. Основной принцип: «продвигаться раздельно, бить всем вместе», следовательно, является не новым методом стратегии, а лишь основным правилом в руководстве крупными армиями.

Новой вехой в развитии проблемы проведения операции разьединенными силами является оперативный план осеннего похода 1813 г., вошедшего в историю под названием Трахенбергской операции. Славу составления этого плана поделил целый ряд лиц¹. Его возникновение представляет особый интерес. Первый проект в Главной квартире составили прусский генерал-адъютант Кнезебек и русский генерал князь Волконский. Он предусматривал совместные действия двух отдельных армий против двигавшегося по среднему течению р. Эльбы Наполеона. Одна русско-прусская армия должна была действовать с севера, а другая — южная — в гористой местности между Шлезвигом, Силезией и Богемией. В то время когда Наполеон наступал бы на одну из этих армий, другая угрожала бы его флангу. Инициативу предполагали предоставить Наполеону. План не указывал, как должна была вести себя армия, атакованная Наполеоном: сражаться или уклониться от боя. Однако в плане говорилось, что не подвергаясь атаке армия должна немедленно наступать на фланг и тыл французов.

Во время перемирия Радецкий, начальник Генерального штаба Шварценберга, представил (10 июня 1813 г.) меморандум, в котором указывал, что основной задачей является поражение главных сил Наполеона. Поэтому он считал нецелесообразным наступление австрийцев сразу из Германии и Италии и требовал максимального усиления главных австрийских сил на германском театре военных действий. Радецкий ожидал, что Наполеон будет наступать в первую очередь на австрийцев. В связи с этим начальник австрийского Генерального штаба считал необходимым усилить австрийскую армию войсками союзников, чтобы она стала самой сильной. Главным силам следовало поставить задачу наступления на Наполеона, другим воинским соединениям — занять оборонительное положение до момента разгрома главных сил противника. Радецкий предлагал предоставить французскому императору инициативу и ожидать его наступления.

Совместные действия отдельных войсковых соединений план Радецкого не предусматривал.

Одновременно в новой Главной квартире союзников в Рейхенбахе русский генерал Толь составил (9 июня 1813 г.) план, значительно отличавшийся от предложенных прежде. По этому плану, в Богемии, Силезии и южнее Берлина предполагалось сконцентрировать три отдельные группы войск. Толь подчеркивал значение

¹ Из обширной литературы по этому вопросу следует особенно обратить внимание на работу Густава Вольфа, Возникновение плана осеннего похода 1813 г. («Военный еженедельник», 1892 г., № 58—60). Помимо этого, большое произведение Фридриха «История осеннего похода 1813 г.» (т. I, Берлин, 1903) содержит подробное описание стратегического положения союзников до начала похода.

взаимной поддержки, но также требовал стойкого сопротивления атакующей Наполеоном армии. Войну должно было решить генеральное сражение с участием всех сил. План получил одобрение монархов-союзников и был передан в ставку австрийского полководца. Шварценбергу обещали подкрепление в размере 25 000 человек из войск союзников в случае нападения на него Наполеона в первую очередь. 14 июня Шварценберг и Радецкий согласились с проектом Толя. Таким образом, с идеей взаимной поддержки отдельных частей согласились все участники.

Однако в ближайшее время принятое решение подрывали поступающие всевозможные новые планы. Австрийцы считали, что им угрожает особая опасность, и требовали движения союзной армии из Силезии в Богемию. Генерал-адъютант Кнезбек поддерживал требование австрийцев увеличить их силы и рекомендовал объединить с ними в Богемии армию союзников, находившуюся в Силезии. Против этого возражали другие прусские офицеры. Они считали, что Берлин находится под особой угрозой. Это последнее обстоятельство требовало создания сильной армии на севере под командой шведского кронпринца. Принятие этого предложения означало разделение войск союзников на две части и не так, как договорились Толь и Радецкий. Вместо расположения войск в Силезии и Богемии (причем Берлин получал лишь незначительную защиту) их предполагалось направить в Богемию и в Бранденбург. По плану же Толя в Богемии следовало сосредоточить две трети, а в Бранденбурге лишь одну треть всех сил союзников. Последнее исключало влияние Пруссии на ход военных операций, и следовательно, такое предложение было совершенно неприемлемо для прусского короля.

Сторонников наступательных действий становилось все меньше. Шварценберг не хотел наступать из Богемии, а хотел лишь занять угрожающее положение, сконцентрировав свои силы за р. Эгер. Говорилось об «умеренном наступлении» соединенных русских и прусских сил на Эльбу. Лишь Бернадот должен был «мощным наступлением» отсечь императора с левого берега р. Эльбы. Разногласия потребовали созыва общего военного совета. Он состоялся в Трахенберге (11 и 12 июля). По Трахенбергскому протоколу все три армии союзников (самая крупная в Богемии, менее сильная, под командованием Бернадота, — южнее Берлина и слабая — в Силезии) должны были наступать в направлении местонахождения главных сил врага и там соединиться. Каждая армия должна была принять бой в надежде на помощь остальных. Только силезской армии предлагалось действовать осторожно и не вступать в серьезный бой. Новый план войны коалиции против Франции представлял значительный шаг вперед. В этом плане стратегической целью движения всех трех армий являлся не географический пункт, а главные силы Наполеона.

Это смелое решение, однако, было несколько изменено. 7 июля Радецкий выдвинул более осторожное предложение, которое было принято союзниками, как окончательный оперативный план. То, что Трахенбергский протокол предписывал лишь для самой слабой

армии, сделали обязательным для всех трех армий. Основной мыслью нового плана являлось то, что ни одна армия не должна была вступать в бой с превосходящими силами противника. Только в случае занятия Наполеоном оборонительного положения русско-пруссские силы и шведская армия должны были одновременно перейти в наступление. Задачей австрийской армии и в этом случае оставалась оборона, до момента сближения с противником, когда превосходство сил союзников обеспечивало им верную победу. Следовательно, основная мысль Трахенбергского соглашения — общее наступление всех трех армий — была полностью отброшена. Инициатива целиком предоставлялась Наполеону.

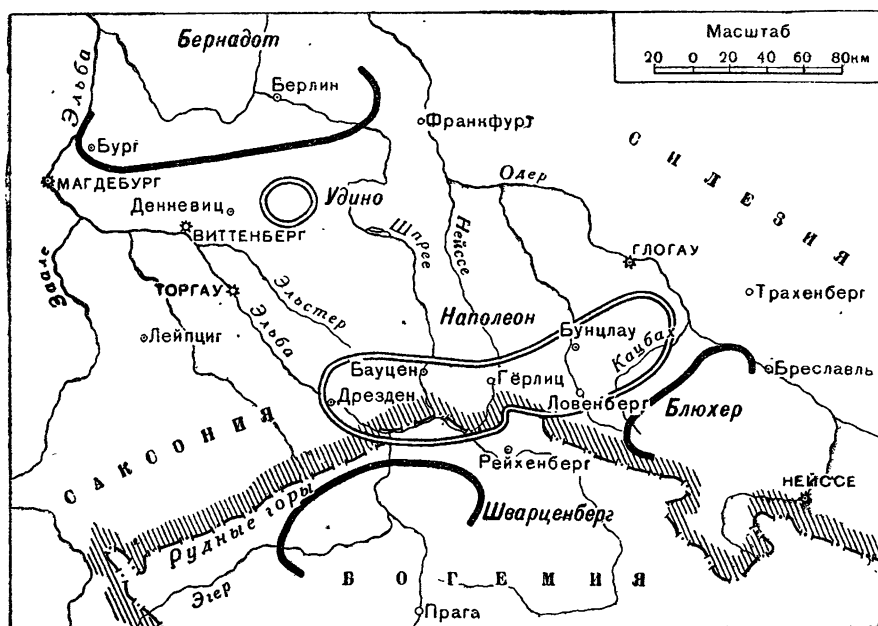

Схема 5. Кампания 1813 г. Положение в середине августа

Таковы основные идеи похода союзников осенью 1813 г. (схема 5). В этом походе впервые в военной истории была сделана попытка сосредоточить на поле сражения воинские части,двигающиеся раздельно, друг другу навстречу. История возникновения оперативного плана союзников ясно показывает, что о признании новых стратегических методов не может быть и речи. На составление плана повлияли разнообразные факты: первоначальное расположение крупных сил, необходимость быстрых и совместных действий, особые политические интересы союзников и главным образом боязнь напасть на талантливого императора.

Проведение согласованного плана очень скоро показало, что отдельным армиям уклониться от французских главных сил не так-то легко. Передвижение силезской армии взад и вперед в дни боев у Кацбаха, совершенно невиданное в военном искусстве,

вызвало большие людские потери. Генералы возражали против этих бессмысленных передвижений, приводивших войска в полное расстройство. Йорк пожаловался за день до боя королю: «Поспешное, непоследовательное командование Блюхера, благодаря незнанию практических элементов ведения войны, более необходимых, чем возвышенные взгляды, привело армию за восемь дней новой кампании в состояние, при котором энергичное наступление противника добра не принесет»¹. Без сомнения, новый метод ведения войны принес войскам много трудностей и лишений. Преследуя отступающие войска французских маршалов, силезская армия в любое время могла натолкнуться на Наполеона и его гвардию. Поэтому требовалось соблюдать величайшую осторожность. События нельзя было предусмотреть даже на один день вперед. В соприкосновении с противником целый день находился лишь авангард. Выступавшие рано утром корпуса отдыхали несколько часов среди дня. Передвижение во второй половине дня они начинали, получив дополнительные приказы главного командования².

По достигнутым союзниками соглашениям о новом методе ведения войны отдельные армии выигрывали сражения у маршалов и генералов Наполеона, но отходили при наступлении его самого. Этот метод ведения военных действий требовал весьма твердого и решительного руководства. Он потерпел неудачу под Дрезденом, где император своевременно оказал помощь своим тесным маршалам. Здесь, понеся тяжелые потери, главные силы союзников были вынуждены отступить в Богемию. Шварценберг настоятельно потребовал у штаба Блюхера прислать ему в помощь 50 000 солдат силезской армии. Обоснованный отказ Блюхера, составленный Гнейзенау, указывал на полное отклонение от традиционных взглядов стратегии. В письме говорилось, что наступление из Силезии на р. Эльбу гораздо вернее облегчит положение главной армии в Богемии, чем продвижение на соединение с ней части силезской армии через горный хребет. В этом случае силезская армия перестала бы существовать, и следовательно, едва ли удалось бы убедить шведского кронпринца наступать на Эльбу.

Армия Блюхера сохранила свои силы и повторила старую игру в кошку и мышку, как и перед сражением у Кацбаха, когда Наполеон вновь стал наступать. Император учел невозможность заставить Блюхера сражаться. После повторного безрезультатного наступления на главную армию в Богемии он прекратил наступление, оттянул свои силы на левый берег р. Эльбы, где и занял выжидательную позицию. План союзников предоставлял инициативу противнику, и поэтому операции приостановились. Для прекращения длительного перерыва в военных действиях потребовалось новое соглашение о взаимодействии союзных армий. Требовалось

¹ Ганс Дельбрюк, Жизнеописание фельдмаршала фон-Гнейзенау, т. I, Берлин, 1894, стр. 340.

² Мольтке, Тактико-стратегические статьи, стр. 225. Здесь описывается поход корпуса ген. Йорка перед сражением при Кацбахе (стр. 299—303). Подсчитано, что корпус за 14 дней изнурительного марша и ночевок в условиях плохой погоды потерял около 6 000 солдат.

решить вопрос, каким образом можно соединить все три армии, между которыми находился Наполеон, в один и тот же день на поле сражения. По этому поводу появились самые странные предложения. Они подтверждали, что положение армии, находящейся на внешней стороне, считалось необычайно тяжелым, и взгляды штабов этих армий весьма расходились в вопросе выбора путей и способов продолжения войны (схема 6).

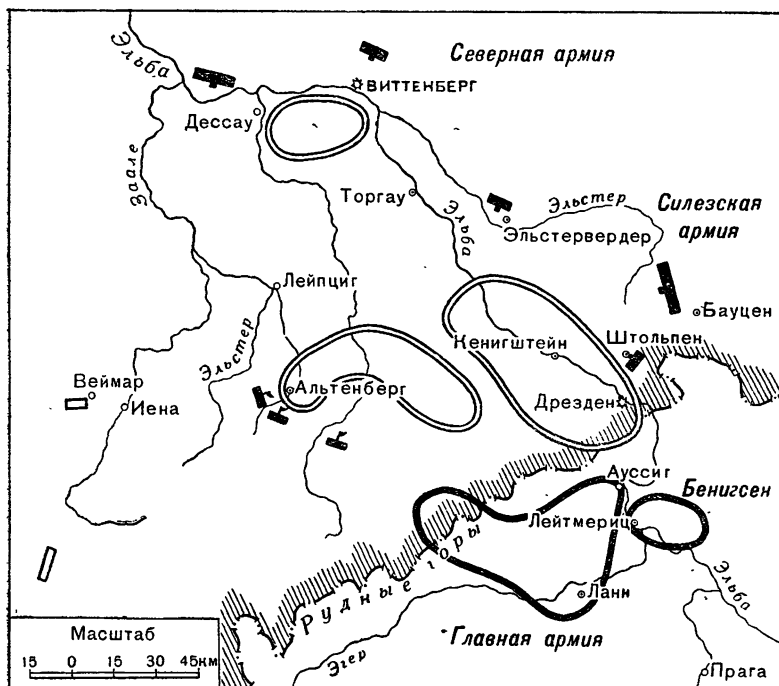

Схема 6. Положение армий союзников и французской 27 сентября 1813 г.

Гнейзенау хотел, как при осаде крепости, приблизиться к армии Наполеона, создав ряд укрепленных позиций. Он совершенно правильно рассчитал, что ввиду большой быстроты решения судьбы сражения в открытом поле и малой оборонительной силы армий того времени последние легко попадут в тяжелое положение. Другие предлагали ограничиться против Наполеона обороной и отправить глубоко в обход отдельные отряды, которые, приблизившись к французским главным силам, начали бы действовать против их тыловых коммуникаций. Шварценберг снова стремился приблизить к себе силезскую армию, но Блюхер отказался отправиться в Богемию.

Своеобразно и сильно осложняло положение союзников отсутствие у них единого командования армиями. В результате дипломатических переговоров главное командование поручили князю Шварценбергу. Однако его положение осложнилось тем, что

русский император потребовал, чтобы каждое принимаемое важное решение получало его одобрение. Он отдал приказ Блюхеру двинуться в Богемию.

13 сентября 1813 г. монархи и Шварценберг собрались на военный совет в Теплице. Генералиссимус предложил концентрически наступать всеми армиями на Лейпциг. В тот же день Блюхер сообщил главной квартире свой отказ. К письму Блюхера прилагался доклад Гнейзенау, в котором предлагалось отправить силезскую армию на соединение с Бернадотом, который после победы при Денневице 6 сентября 1813 г. согласился продвинуться за р. Эльбу. Гнейзенау считал, что если северная армия перейдет через р. Эльбу между Виттенбергом и Магдебургом и продвинется до Лейпцига, то можно надеяться, что Наполеон покинет свои позиции у Дрездена. На вторичном совещании монархов с Шварценбергом было решено продвинуть вперед армию Блюхера. 14 сентября вечером последовал отрицательный ответ Блюхера на письмо русского императора, содержавшее требование продвинуться в Богемию. В сопроводительном частном письме Блюхер просил поддержки у генерал-адъютанта Кнезебека «для общего блага и благополучия». Блюхер писал: «Предохраните меня от соединения с большой армией. Что будет делать такая огромная масса на опустошенной территории? Здесь же я буду активен и полезен. Если я отклонюсь от сообщенного шведскому кронпринцу оперативного плана, он потерпит поражение вместо энергичного наступления». Письмо достигло своей цели. Долго лелеянный план продвижения силезской армии в Богемию был отклонен. Вместо этого резервная армия, под командованием Бенигсена, получила приказ продвинуться в Богемию. Вскоре возникло новое затруднение. Бернадот неохотно осуществлял обещанную после победы при Денневице переправу через р. Эльбу. Поэтому французская армия не начинала отступать. Затишье в военных операциях не прекращалось.

Наконец, Гнейзенау выдвинул новый план, по которому главные силы переходили Рудные горы, поворачивали к р. Эльбе и приближались к силезской армии на расстояние, позволявшее установить связь сигнальными ракетами и непосредственно поддерживать друг друга¹.

Эта операция показалась Шварценбергу слишком рискованной. Наполеон, не имея серьезной угрозы с тыла, мог удерживать верхнее течение р. Эльбы небольшими частями и одновременно бросить превосходные силы на главную армию. Недостатка в планах и предложениях не ощущалось, но стратегия союзников зашла в тупик, ибо сомнения и страх сражения с Наполеоном подавляли любое решение до его проведения в жизнь.

Командующий силезской армией решил, наконец, в связи с тем что Наполеон господствовал над р. Эльбой от Кенигштейна до Торгау, выполнить давно обдуманый план перехода через р. Эльбу между Торгау и Виттенбергом. Он надеялся приблизиться к север-

¹ Подробнее см. у Дельбрюка, цит. соч., стр. 368.

ной армии и увлечь ее в энергичное наступление. Опасность этой операции была очевидна. Базирующимся в Силезии войскам угрожала потеря всех своих тыловых коммуникаций. Но если бы главные силы Наполеона не удалось удержать, они могли разбить по частям находившиеся в Силезии войска и оттеснить их с театра военных действий. Отрицательные стороны плана в глазах Блюхера и Гнейзенау тускнели перед блеском возможного успеха. Решив, что его миссия заключается в увлечении своими действиями других армий, Блюхер выступил 26 сентября и неделю спустя форсировал переправу через р. Эльбу у Вартенбурга. Через день (4 октября) северная армия также перешла р. Эльбу у Дессау и Акена.

Особое значение имеет меморандум Блюхера от 5 октября. В нем он делает шведскому кронпринцу следующие предложения о совместных действиях силезской и северной армий: армия, атакованная Наполеоном, должна отступить только на расстояние дневного перехода, а затем повернуть и атаковать противника; в это время другая армия должна оказать ей поддержку, атаковать фланг войск Наполеона. Ввиду того что обе союзные армии подошли близко одна к другой, не было основания, по мнению Блюхера и Гнейзенау, избегать атаки французских главных сил. При оставлении против главной армии союзников нескольких корпусов под командованием Мюрата и нападении Наполеона на Блюхера Гнейзенау считал желательным отступление силезской армии на подготовленные позиции у Вартенбурга под защиту предместных укреплений. Северная армия в это время обязана была атаковать левый фланг французов. Силы Наполеона определялись в 130 000—140 000 человек. Блюхер не располагал и половиной таких сил. Бернадот мог выставить примерно 90 000 человек. Через несколько дней в тылу у императора могла появиться и богемская армия, т. е. могло создаться положение, которое во времена Мольтке и даже сейчас рассматривается как весьма опасное для Наполеона. Однако в то время участвовавшим в операциях полководцам оно таковым не казалось. Кронпринц категорически отклонил предложение наступать на Наполеона и советовал переправить обе союзные армии обратно за р. Эльбу. Когда в штабе Бернадота офицер штаба Блюхера категорически заявил, что силезская армия ни при каких обстоятельствах не перейдет обратно р. Эльбу, кронпринц предложил совместное отступление обеих армий за р. Заале. Блюхер тотчас согласился на это предложение, хотя прекрасно отдавал себе отчет о последствиях потери всех своих тыловых коммуникаций. Предложение Блюхера о наступлении северной армии вверх по течению Галле, чтобы приблизиться к богемской армии и попытаться дать совместное с ней сражение, казалось Бернадоту слишком рискованным. При личной встрече обоих полководцев 10 октября Блюхер заявил о готовности взять на себя роль, предложенную им северной армии. Силезская армия двинулась на Галле, а северная армия расположилась вниз по течению за р. Заале. Этот маневр, при помощи которого противник уклонился от сражения, был для Наполеона совершенно нежиз-

данным. Когда положение в ночь с 12 на 13 октября стало ему ясным, уже было невозможно разбить поочередно северную и силезскую армии. В это время главная армия союзников оттеснила к Лейпцигу оставленный Наполеоном в тылу слабый заслон войск неаполитанского короля. Император оставил Блюхера и Бернадота и быстро повернул свои главные силы к Лейпцигу. Объединению трех армий противника он уже не мог помешать. Стратегическое

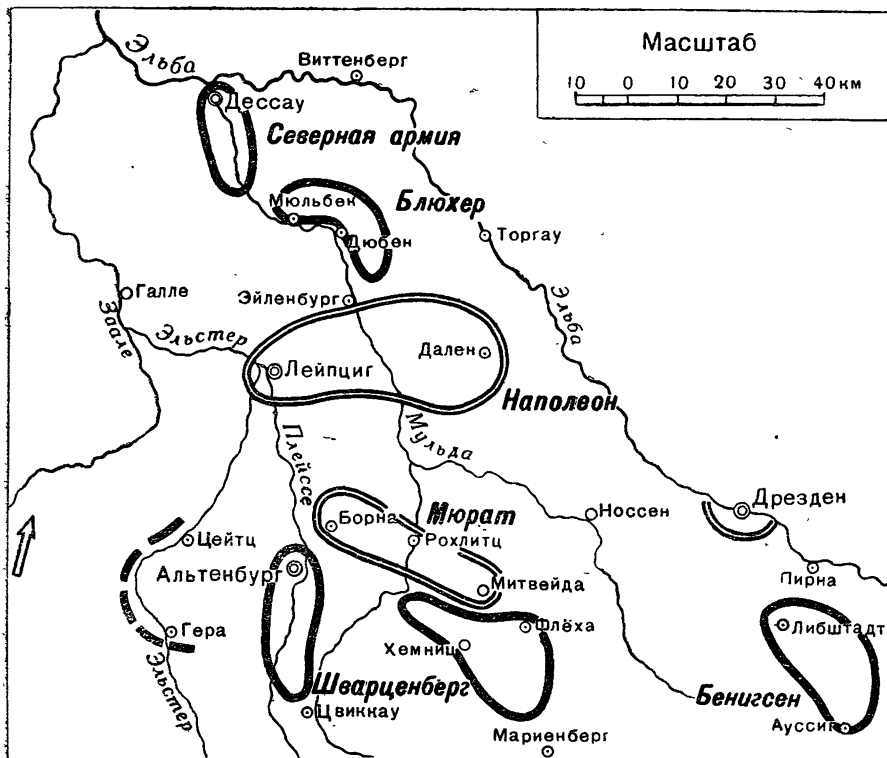

Схема 7. Положение армий союзников и французской вечером 8 октября.1813 г.

окружение императора скоро должно было превратиться в тактическое.

Союзники лишь частично осознали выгодность своего положения (схемы 7 и 8). Бернадот, узнав, что 11 октября французские войска у Виттенберга продвинулись на правый берег р. Эльбы и что Дессау находится в их руках, решил, что его пути отступления оказались под угрозой, и поэтому начал быстро отступать на Акен. Его приказа следовать за ним туда Блюхер не выполнил. Вопрос о том, кто из них должен повиноваться другому, был неясен. Во всяком случае Блюхер повиноваться категорически отказывался. 14 октября кронпринц созвал военный совет, который большинством голосов принял решение о расположении северной

армии на левом берегу р. Эльбы с целью объединения с другими армиями для совместных действий.

В результате взаимодействия всех трех армий в решающем сражении не было обеспечено. Накануне дня сражения у Лейпцига бесспорно имелась возможность полностью окружить французскую армию и ее уничтожить. Но мысль об окружении противника у союзников никому не приходила в голову, за исключением штаба

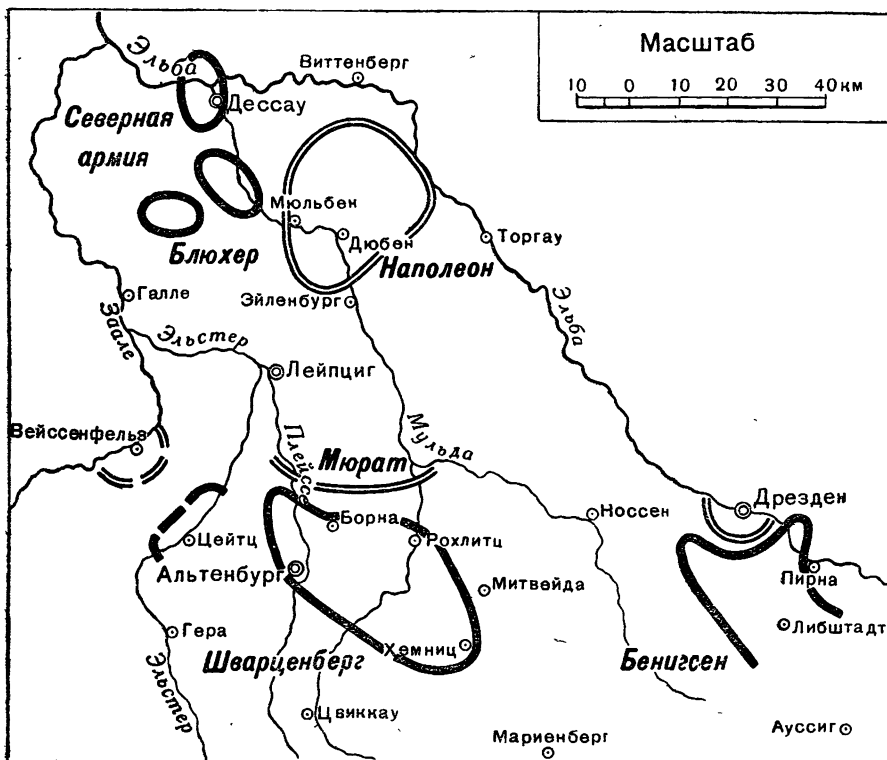

Схема 8. Положение армий союзников и французской вечером 10 октября 1813 г.

силезской армии¹. Наступление на поле битвы в двух направлениях, а не в одном, было бы совершенно новым. Неудача, постигшая богемскую армию у Дрездена, заставляла Шварценберга быть осторожным. Страх перед могучим полководцем, стоявшим во главе французской армии, парализовал всякую смелую идею в главном штабе.

13 октября вечером Шварценберг решил приблизить главные силы слева к силезской и северной армиям, чтобы заставить Наполеона принять арьергардный бой, в то время как резервная армия

¹ Блюхер уже 11 октября написал князю Шварценбергу: «Три армии теперь стоят так близко друг от друга, что можно осуществить одновременную атаку на пункт сосредоточения сил противника».

Бенигсена должна была наступать на его тыл. Это решение было изменено по желанию русского императора. Основные силы главной армии были направлены восточнее рек Эльстер и Плейссе. Такое расположение главной армии — основная причина неосуществления возможного окружения и уничтожения французской армии у Лейпцига. Корпус Гуалая, находившийся западнее Лейпцига, на путях отступления Наполеона к Рейну, был слишком слаб для выполнения поставленных ему задач и получил приказ

отступить перед атакой превосходящих сил (схема 9).

Шведский кронпринц все время боялся, что главный удар Наполеона будет направлен против него. Обеспеченный ложными и преувеличенными сообщениями, он стремился держаться в отдалении от противника. Дело дошло до того, что находившиеся в его штабе уполномоченные союзников и посол Англии принуждены были умолять его «принять участие в сражении, которое должно решить судьбу Европы». Когда армия Блюхера 16 октября сражалась у Мёк-

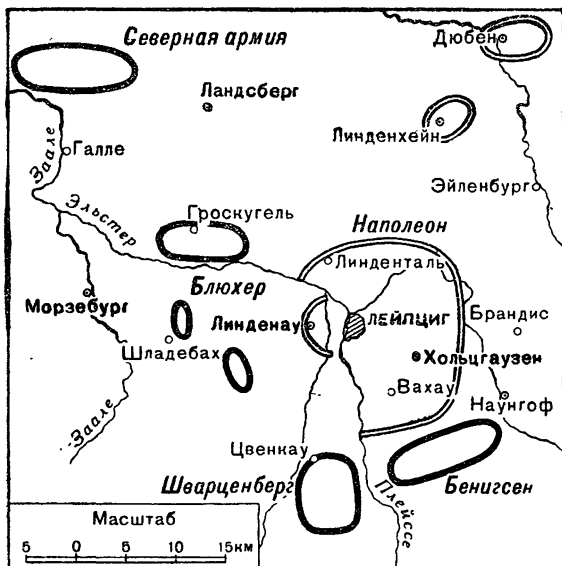

Схема 9. Положение армий союзников и французской в ночь с 15 на 16 октября 1813 г.

керна, северная армия нерешительно подошла примерно на 3 мили к полю сражения. В этот день вечером Наполеон был так тесно окружен, что, как выразился бы Мольтке, преимущества предыдущего положения на внутренней линии превратились в невыгоды окружения со всех сторон. Спасти из такого положения можно было только прорывом. На следующий день резервная армия союзников под командованием Бенигсена достигла поля сражения. Соотношение сил 18 октября стало 3 : 2. Союзники получили значительный перевес над силами противника.

Чтобы принудить медлительного Бернадота, продолжавшего цепляться за разные отговорки, принять в этот же день участие в сражении, Блюхер рано утром 18 октября лично направился в штаб кронпринца. Лишь после длительных переговоров Бернадот согласился подойти к левому флангу силезской армии и пересечь р. Парте. Правда, он потребовал, чтобы Блюхер поддержал его 30 000 солдат. Чтобы добиться содействия Бернадота, Блюхер великодушно уступил и передал в его подчинение более половины своих войск, ослабленных сильными боями при Мёккерне.

Рассматривая все трудности, которые требовалось преодолеть для осуществления первой концентрической операции разделенными соединениями, начинаешь представлять, как чужда и необыкновенна для военачальника в 1813 г. была такая операция. Этим объясняется своеобразная неуверенность и медлительность военных операций союзников. Общий план «битвы народов» хотя и был правилен, но явился следствием стечения обстоятельств, а не планом, созданным главнокомандующим. Для совместных операций разделенных войсковых соединений не хватало крепкого и целеустремленного руководства генералиссимуса, рассматривающего в целом все положение. Все следовало скорее естественным законам поведения находящихся в бою масс, причем выделялись лишь отдельные командиры и отряды¹.

Однако заслуги штаба силезской армии совершенно ясны. Он сумел осуществить решение, принятое в Трахенберге, в «битве народов» под Лейпцигом. Гений Гнейзенау и воинственность Блюхера дали совершенно иное направление осеннему походу 1813 г., чем предполагалось по осторожному плану похода, принятому в Трахенберге. Становится понятной гордость, с какой Гнейзенау на заре 18 октября сообщил своей жене: «Я пишу тебе в утро битвы, которой нет равной на протяжении всей мировой истории. Мы совершенно окружили французского императора... Полмиллиона людей стоят на небольшом пространстве и готовы уничтожить друг друга». «Битва народов» при Лейпциге действительно была сражением, которого до сего времени история не знала.

Она могла быть, по определению Шлиффена, образцовым сражением на уничтожение, которое было бы столь же совершенным, как и Канны, если бы малодушие не открыло побежденному ворота, через которые он смог уйти от полного уничтожения². Во всяком случае Наполеона постигла большая катастрофа. Результаты новой стратегии союзников — соединение на поле сражения разьединенных армий — превысили все ожидания, которые они лелеяли в начале похода. Можно было предположить, что этот прием отныне завоюет себе в военном искусстве прочное положение.

От Наполеона до Мольтке

Действительным победителем Наполеона история признала Гнейзенау лишь позднее. Значение оперативного приема, примененного союзниками и приведшего к сражению у Лейпцига, долгое время не признавали современники и деятели мирной эпохи, наступившей за освободительной войной. Люди, стоявшие в первой половине XIX в. во главе армий и армейских корпусов, считали самым существенным в стратегии Наполеона соединение всех сил

¹ Фридрих, История осеннего похода 1813 г., т. III, стр. 188.

² «Канны», стр. 39, русский перевод, изд. 1938 г., стр. 61. — Прим. ред.

до начала сражения¹. С новыми идеями в стратегии осеннего похода 1813 г. они не могли примириться. Все помнили невероятное напряжение войск, постоянно возникавшие с начала операции до сражения под Лейпцигом критические положения. Мнения многих генералов были выражены словами, написанными Йорком при преследовании французов после Лейпцига, что его армейский корпус «стал игрушкой настроения и тщеславия штаба Блюхера».

Поход 1814 г. показал, что продвижение разъединенных

армий не является непривычным, но отсутствует стратегический план, координирующий движение отдельных воинских частей и объединяющий их для общего сражения. Клаузевиц порицал движение союзных армий во Франции за то, что они, вступив на неприятельскую территорию, немедленно расхотались по эксцентрическим радиусам. Союзники не проиграли похода лишь благодаря слабости Франции. Разъединение союзников

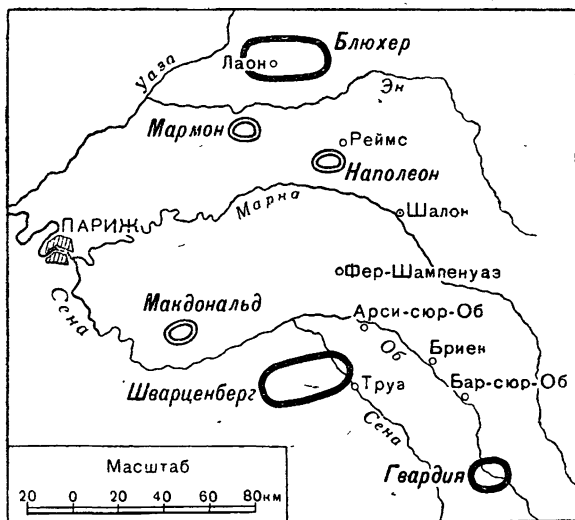

Схема 10. Положение армий союзников и французской в середине марта 1814 г. после сражения у Лаона

в феврале 1814 г. позволило Наполеону, стоявшему на внутренней линии, разбивать один за другим корпуса силезской армии. Поэтому штаб князя Шварценберга смалодушествовал, решив соединиться с армией Блюхера и отступить. Вновь повторились все недоразумения предшествующего осеннего похода. Блюхер отказался продвинуться к главным силам и предложил продолжать операцию разъединенными армиями. Ему удалось добиться согласия монархов. Таким образом, силезская армия как в 1813 г. при движении на Лейпциг, так и в 1814 г. при наступлении на Париж явилась маховым колесом союзных сил. К решающему сражению с объединением окружающих Наполеона отдельных армий, как при Лейпциге, это не привело, хотя обстоятельства этому несколько раз благоприятствовали. Примером может служить положение в середине марта 1814 г. после сражения при Лаоне (схема 10). Наполеон располагал тогда немногим более 30 000 человек. Им противостояли

¹ В качестве примера стоит привести один оперативный план прусской армии, составленный в 1805 г., в котором говорилось: «Безусловно необходимо сосредоточить свои силы и начать фронтальную атаку большими массами, не допуская известных маневров, вроде окружения противника, атаки на его фланги и разрыва его предполагаемых коммуникаций».

100 000 солдат войск союзников, способных их окружить. Свежие воспоминания несчастий, постигших силезскую армию в феврале 1814 г., усиливали нежелание наступать с двух сторон отдельными воинскими частями. Союзное командование предпочло, избегая сражения, соединить главную и силезскую армии и начать совместное наступление на Париж.

Сейчас невозможно сказать, что армии Веллингтона и Блюхера в начале похода 1815 г. в Голландии были расположены раздельно. Даже по взглядам современников эти армии были почти объединены. Сражение при Бель-Альянсе является примером наступления с окружением, при котором предназначенные для окружения части действуют не по заблаговременно составленному плану, а на основе благоразумного использования благоприятной обстановки, при которой наступление оказалось направлено на фланг противника. Такая атака была, правда, применена при Бель-Альянсе не впервые (при Люцене Наполеон также попробовал использовать стратегическое разъединение частей для тактического охвата, при Эмюле и Ландесгуте он достиг в этом самых больших успехов), но до 18 июня 1815 г. ни в одном бою таким способом не были достигнуты столь решающие результаты.

К возникавшим в конце эпохи Наполеона мыслям о взаимодействии разъединенных войсковых соединений на поле сражения долгое время относились отрицательно. Метод, которому Наполеон оказывал предпочтение, — объединять свои силы возможно теснее при наступлении на врага, чтобы иметь возможность в любое время и в любом направлении наносить сосредоточенные удары, — казался большинству в то время сущностью стратегии.

Жомини из войн Наполеона сделал заключение, что операции разъединенных соединений в различных направлениях и без связи между ними являются ошибочными. Наступающая колонна имела приказы лишь на первый день. Ее операции на второй день зависели от положения главной колонны. Таким образом, она теряла время, ожидая новых приказов, или действовала по собственному усмотрению. Следует признать, что для главного командования, располагавшего в то время для связи только конными ординарцами, было чрезвычайно трудно планомерно управлять разъединенными войсками. Но Жомини не являлся узким приверженцем операций по внутренней линии, составлявших основу большинства планов сражений Наполеона. Атаку с фланга, как например в сражении у Лейтена, он считал ключом военных знаний. Он рекомендовал при значительном превосходстве сил использовать разъединенные армии, действующие на разных оперативных линиях, особенно если эти последние проходили в концентрическом направлении, а руководство обеспечивало взаимодействие отдельных частей для решительного удара¹. Жомини считал, что его взгляды подтверждали концентрические движения армий союзников в осеннем походе 1813 г., потому что они обладали значительным превосходством

¹ Жомини, Очерки военного искусства, пер. фон-Богуславского, 1881 г., стр. 136.

сил. Впрочем, этот поход Жомини считает «редким случаем, имевшим место лишь раз в столетие».

Клаузевиц в своих исследованиях операций на внутренней линии противопоставил их концентрическому движению и атаке¹. Он вполне соглашался с высокой оценкой, данной Жомини операциям на внутренней линии. «Если защита (стр. 354) учла принцип движения (движение, которое начинается несколько позднее, чем движение нападающего, но всегда достаточно рано, чтобы разорвать пути пассивного оцепления), то это преимущество более крупного сосредоточения на внутренних линиях становится решающим и в большинстве случаев ведет к победе надежнее, чем концентрическое нападение».

В определении возможностей, которые представляло концентрическое движение на поле сражения, Клаузевиц шел значительно дальше Жомини. Он возражал против одностороннего определения стратегических приемов и предостерегал от мысли, что один или другой метод (концентрические операции или операции на внутренней линии) заслуживает большего предпочтения (стр. 569). Оба метода одинаково ценны, и наилучшим окажется наиболее правильно примененный. Ввиду этого Клаузевиц отрицал тезис Жомини, что различные стратегические методы являются отдельными ступенями, ведущими к совершенству. Наоборот, он считал, что все методы равноценны, а выбор метода для каждого отдельного случая определяется создавшейся обстановкой. Когда возникает опасение, что вследствие концентрического движения разъединенных сил противник, оперируя на внутренних линиях, может добиться равенства сил, этот метод рекомендовать нельзя. Но в пользу разъединения боевых сил на отдельные отряды при движении говорят веские факты. Это разделение могло быть следствием (как в начале осеннего похода 1813 г.) исходного расположения войск, а также географического положения нападающих государств. Большое протяжение театра военных действий также может вызвать разъединение войск. Это значительно облегчает снабжение войск, что является очевидным преимуществом. Но все же Клаузевиц рассматривал операции разъединенных войсковых соединений, если они были вызваны исходным их расположением, только как неизбежное зло (стр. 659). Только в самом конце Клаузевиц указывал, что концентрическое движение разъединенных войсковых соединений может привести к значительным успехам.

Клаузевиц первый среди теоретиков посленаполеоновского периода пришел к заключению, что, несмотря на большой риск концентрического наступления, оно дает большие шансы на значительный успех. Удачное применение этого метода позволяет не только отеснить противника, но и полностью его уничтожить. Победа будет тем значительнее, чем полнее удастся окружить врага. «Концентрическое нападение всегда будет наиболее успешным, но ввиду оперирования отдельными частями и расширения

¹ Выражение «внешние линии» в книге «О войне» встречается очень редко, например на стр. 355. В военной терминологии как стратегическое понятие оно упрочилось только с 1866 г.

театра военных действий и наиболее рискованным». В этих немногих фразах Клаузевиц удивительно кратко и отчетливо сформулировал все своеобразие и поучительность операций сражения при Лейпциге.

Все сводится к тому, чувствует ли нападающий себя достаточно сильным, чтобы стремиться к одной большой цели — полной победе. Только если нападающий обладает физическим и моральным превосходством, а противник не располагает достаточной ударной силой, по Клаузевицу, оправдываются концентрические действия. Для более слабого такие действия невозможны, и ему выгоднее использовать преимущество внутренней линии. Слабый должен больше концентрировать свои силы. С точки зрения стратегии тот, кто находится между врагами, занимает более выгодное положение, чем тот, кто окружает своего противника, и особенно если располагает равными или более слабыми силами.

Клаузевиц, наконец, указывает, что преимущества действий на внутренних линиях возрастали с увеличением пространства, на которое эти линии распространялись. С уменьшением этого пространства возрастают преимущества войск, стоящих на внешних линиях. Если им представится возможность объединить свои силы на поле сражения, войска, стоящие на внутренней линии, будут окружены и раздавлены превосходящими их силами.

Обстановка начала XIX в. заставила Клаузевица видеть особые трудности для наступающих отдельных отрядов в невозможности согласованно ими руководить. Нельзя было обеспечить постоянно согласованные действия отдельных частей, значительно удаленных одна от другой. Если обстоятельства требовали стратегического наступления колоннами, удаленными одна от другой на значительные расстояния, следовало отказаться от постепенного согласования их действий и поставить каждой самостоятельную задачу (стр. 673). Страна, решившая наступать разъединенными войсковыми соединениями, должна каждому из них совершенно точно указать направление удара. «Задача заключается в том, чтобы удар был нанесен со всех сторон, а не в том, чтобы все части достигли относительных преимуществ». Как Клаузевиц представлял себе наступательные операции, производимые разъединенными войсковыми соединениями, показывает составленный им, вероятно в 1828 г., план военных действий армии в 725 000 человек против французских войск численностью примерно в 300 000 человек.

Объединение в одну армию всех действовавших против Франции боевых сил соответствовало взглядам того времени. Но по разным причинам (обходные пути, потеря времени и трудности снабжения) это объединение нельзя было осуществить. Поэтому Клаузевиц предложил сосредоточить одну половину боевых сил в Бельгии, а другую в верхнем течении Рейна. Клаузевиц рассматривал огромные территории, которые обе армии должны пройти до соединения во Франции, как два отдельных театра военных действий. Сначала обе армии действуют совершенно самостоятельно. Северная армия продвигается на Париж и дает французам генеральное сражение. Южная армия одновременно открывает дей-

ствия в верховьях Сены и далее продвигается на Луару, чтобы там также дать противнику генеральное сражение. Большой путь проходила южная армия. Северная армия двигалась через Париж на юг до соединения с южной и перехода в совместное наступление.

Каждой армии Клаузевиц дает цель для наступления. Численность армии превышает силы противника. В связи с этим она двигается быстро и способствует операциям другой армии.

Если противник разделит свои силы на две весьма неравные части, превосходными силами атакует и разобьет одну из армий, то успех другой компенсирует это поражение. В этом заключается, по Клаузевицу, действительное взаимодействие двух наступающих армий.

По вопросу соотношения сил, расположенных на внешней и внутренней сторонах, у Жомини и Клаузевица существовало полное единодушие. Оба считали, что, не имея значительного превосходства, нападающий не вправе поставить себя в невыгодное положение, вызывающее разделение его собственных сил и объединение войск противника. Концентрация сил, маневрирование по внутренним линиям значительно усиливают обороняющегося, если он использует принцип движения. Никогда невозможно рассчитывать на неподвижность противника. Во всяком случае ловить всегда труднее, чем прорываться (стр. 330).

Книга «О войне» сначала не произвела заметного впечатления. Автор, находившийся вне окружения Шарнгорста, был мало известен; в освободительной войне он не выдвинулся и в дальнейшем занимал незначительные посты. Лишь спустя значительное время широкие круги признали книгу оригинальным классическим произведением. Г. Дельбрюк метко сравнил Клаузевица «с далекой звездой», которую глаза обывателя замечают много позднее после ее передвижения с места, на котором она находилась»¹. В самом деле, произведения Клаузевица и в настоящее время изучаются значительно меньше, нежели они этого заслуживают по своей ценности. Взгляды Клаузевица лишь постепенно распространились среди офицеров германской армии, «как будто бы ветер рассеял семена его идей, и где они падали, появлялись всходы»².

Учение Жомини в течение долгого времени господствовало над военной мыслью в Германии. Концентрические операции, осуществленные при Лейпциге и Бель-Альянсе и показавшие свое превосходство над системой Наполеона, были забыты в течение половины столетия. Мастерство императора, его операции на внутренней линии и методы соединения всех сил перед сражением теоретики считали образцовыми. Теория Жомини господствовала в прусском Генеральном штабе во времена его первого начальника. Все это мешало сделать из великих событий эпохи Наполеона стратегические выводы для последующего времени. Указанный Гнейзенау путь — добиваться решающей победы на поле сражения

¹ Ганс Дельбрюк, Исторические и политические статьи, Берлин, 1907, а) Генерал фон-Клаузевиц, стр. 209.

² Макс Иенс, История военных наук, т. III, 1891, стр. 2852.

объединением своих сил, раздельно наступающих против фронта и флангов, — не отвергали генералы Мюффлинг и Краузенек на занятиях Генерального штаба.

Генерал Краузенек даже установил принцип, что «боевые силы надо максимально сосредоточивать, чтобы, встречая главный удар, быть достаточно мощным»¹. На руководимых им полевых занятиях изучали не длительные наступательные операции и искусные передвижения войск перед сражением, а простые положения непосредственно до тактической встречи противников. Овладение искусством руководства боем считалось основной целью занятий офицеров Генерального штаба в период пребывания генерала Краузенека на посту начальника. Необходимость сосредоточивать силы особенно подчеркивалась. «Обходные движения», т. е. продвижение против фланга или тыла «противника», учил Краузенек, «не являются абсолютно выгодными для обходящего и полностью невыгодными для обходимого. Все зависит от обстановки, складывающейся в момент встречи противников на тактической территории. Кто, не будучи достаточно силен, разделит свои силы и начнет обходное движение, будет разбит, если противник достаточно искусен и сосредоточил свои войска».

Генерал Рейхер дал определенное направление полевым занятиям, начало которым положил его предшественник Краузенек, и тем самым облегчил работу своего великого последователя. Поэтому Шлихтинг назвал его апостолом следующего за ним великого мастера. Но только Мольтке вывел прусский Генеральный штаб из тупика, в который его завело учение Жомини, и открыл для него методы мышления Клаузевица, Гнейзенау и Шарнгорста. Он успешно развил учение о стратегии Клаузевица, учтя большие сдвиги в технике в XIX в. Так были заложены совершенно новые основы подготовки к войне в прусском Генеральном штабе.

Разрешение проблемы Мольтке

В 36-м томе истории войн, составленной Генеральным штабом («Подготовка и проведение военных операций Мольтке», Берлин, 1905), сообщалось, как тщательно и неутомимо разрабатывал свои оперативные планы Мольтке, используя историю войн и военную теорию, добросовестно учитывая труды своих предшественников. В упомянутой книге было доказано, что в оценке расположения прусских боевых сил против Австрии, сделанной Фридрихом II, Клаузевицем, Рейхером и Мольтке, имеется много общего.

На оперативных планах, разработанных Мольтке² (записки 1860 и 1862 гг.), безусловно сказалось влияние идей генерала Рейхера (записка от 1852 г.). На планы обоих начальников Генерального штаба также влияли мысли Клаузевица, высказанные им

¹ Мнение генерала фон-Краузенека (в 1830—1848 гг. он был начальником штаба армии) перепечатано из его жизнеописания, Берлин, 1852.

² «Военная корреспонденция Мольтке». Из служебных записок периода войны 1866 г.

в 1827 г. в письмах о задачах генерала Мюффлинга¹. У всех них был в памяти поход короля Фридриха в 1757 г.

Мольтке вновь занялся проблемой взаимодействия разъединенных войсковых частей, возникшей при Фридрихе II и забытой с времен Лейпцига и Бель-Альянса. Над этой проблемой он работал с момента своего назначения на пост начальника прусского Генерального штаба. Он учитывал происшедшие изменения в условиях ведения войн (изменение путей сообщения, действие оружия и большая самостоятельность младших командиров) и постепенно подошел к их разрешению. Он создал твердые правила, обоснованные теоретически и практически. Эти правила впоследствии подтвердил опыт войн 1866 и 1870—1871 гг.² Вскоре после вступления в исполнение обязанностей начальника Генерального штаба Мольтке отменил существовавший обычай, по которому при начале полевых занятий Генерального штаба противники перед боем ставились непосредственно друг против друга. «Этому должна предшествовать весьма важная часть полевых занятий. В письменных работах офицеры Генерального штаба должны отработать подготовку операции: подход издалека к полю сражения, дислокацию, сосредоточение и лишь после этого место встречи противников. Одновременно требовалось определить и место встречи офицеров, принимающих участие в занятиях» (из замечаний о полевых занятиях Генерального штаба, март 1858 г.). Еще яснее в марте 1864 г.: «Соединение, наступление и развертывание боевых сил, стремящихся добиться определенного решения, являются вопросами, которые следует изучать и практически готовить в мирное время. Подготовка к бою в широком смысле составляет главную тему полевых занятий Генерального штаба. Поставить условных противников с самого начала в непосредственной близости друг против друга значит отказаться от самой поучительной части полевых занятий. Хорошо разработанная основная идея приведет через несколько дней операции к необходимости сражения, оно явится ее концом, но ни в коем случае не началом». Кульминационного пункта своего развития учение Мольтке достигло в его замечаниях от 16 сентября 1865 г. о глубинедвигающихся колонн. В них изложены основные принципы оперативного искусства Мольтке. «Трудности, возникающие при движении войсковых частей, — говорится в дополнениях к его мартовским замечаниям 1858 и 1864 гг., — возрастают с увеличением войсковых частей. В течение суток по одной дороге нельзя продвинуть больше одного корпуса. Трудности возрастают с приближением к противнику, когда сокращается число дорог, которыми можно пользоваться. Отсюда можно сделать вывод, что армейские корпуса обычно должны двигаться разъединенно. Их объединение

¹ «Военно-научное обозрение» (Militärwissenschaftliche Rundschau), специальный выпуск, март 1937 г.

² Такого же мнения придерживается и фон-дер-Гольц в своем труде «Верховное и армейское командование», 1901, стр. 290.

является ошибкой, за исключением случаев, когда оно имеет определенную цель.

Длительное сосредоточение, хотя бы с точки зрения питания войск, является бедствием и часто вообще невозможно.

Такое сосредоточение вынуждает завязывать бой, и поэтому его надо избегать, если время для боя не наступило. Сосредоточенная армия не может вообще совершать переходы только по дорогам, а должна передвигаться напрямик. Для того чтобы она снова смогла двигаться точно по плану, ее необходимо разделить на отдельные части, что вблизи неприятеля делать опасно. Если необходимо объединить все боевые силы для сражения, сущность стратегии заключается в даче распоряжений о движении отдельными колоннами с расчетом их своевременного прибытия в определенный пункт». Этими словами Мольтке на фундаменте, заложенном Шарнгорстом, начал возводить здание нового оперативного учения.

Когда Мольтке в 1866 г. двинул прусскую армию в Богемия, опорой его мероприятий едва ли была признанная теория Жомини. Нет также ни малейшего основания полагать, что план похода 1866 г. в Богемии, разработанный Мольтке в виде расположения прусской армии по дуге вокруг Саксонии и Богемии, вызван возникшей во времена Наполеона оперативной теорией действий против врага, находящегося на внутренней линии. Можно доказать, что Мольтке считал движение отдельных войсковых соединений вдоль границы неудобным¹, но не считал себя ответственным за него. Начальник Генерального штаба считал правильным сосредоточение прусских вооруженных сил в Верхней Силезии с целью движения на Вену, если бы удалось явиться на поле сражения прежде и многочисленнее австрийцев². Этот оперативный план, однако, провести было невозможно. Нельзя было надеяться получить от короля предварительное согласие на наступление в Австрию. Наоборот, он желал, чтобы Пруссия до последнего момента занимала оборонительное положение. Действительно, Австрия опередила Пруссию в военной подготовке. Поэтому она могла быстрее сосредоточить армию в Богемии, в то время как Пруссия не могла противопоставить ей равных сил, сосредоточенных в одном пункте. Чтобы наверстать упущенное время, было решено использовать все пять прусских железных дорог, идущих к саксонско-австрийской границе. Взгляды Мольтке на развертывание прусских сил против Богемии после войны были освещены в трудах Генерального штаба. Это было естественно и не явилось заранее подготовленным стратегическим наступлением армии, а лишь неизбежным этапом к последнему. Следовало ли из этого исходного положения стремиться сблизить отдельные воинские части путем передвижения по периферии или осуществлять операции по направлению к центру,—

¹ Клаузевиц обозначал такое положение, как «необходимое зло» (цит. соч., стр. 659).

² Фон-Леттов-Форбек, История войны в Германии, т. III, Поход в Богемия, стр. 21.

зависело от решения придерживаться оборонительных или наступательных действий.

Раздавалось много осуждающих и предостерегающих голосов, считавших невероятно легкомысленным сосредоточение прусской армии четырьмя группами на кривой длиной 60 миль, проходящей через Зейц—Торгау—Герлиц—Нейссе. Это раздробление войск, расположенных по кордонной линии, противоречило оперативным методам Наполеона, которые к тому времени превратились из теории в догму. «Многие военные, правильно оценивавшие положение, — писал впоследствии Мольтке в своих воспоминаниях, — могли быть испуганы расстановкой боевых сил на линии длиной 50 миль, если они считали это мероприятие стратегическим наступлением, в то время как оно являлось лишь неизбежной подготовкой к последнему». Мольтке полностью сохранил принятое им расположение прусской армии, несмотря на протесты своего Генерального штаба, приближенных короля и командующих частями. Командир 5-го армейского корпуса генерал Штейнмец 29 мая 1866 г. написал возмущенное письмо Мольтке и требовал значительно более тесного сосредоточения прусской армии. Ответ Мольтке от 1 июня 1866 г. был прост и ясен: «Преимущество в шесть недель, которым обладает Австрия, можно сгладить только одновременным использованием всех железных дорог. Образование кордонов в исходных пунктах вызвано необходимостью. Помимо этого, не следует забывать о географическом положении, вследствие которого австрийцы в Богемии могут действовать по внутренним операционным линиям между Силезией и Бранденбургом. Корректив для наших разъединенных на исходных пунктах сил, не совершающих стратегического наступления, заключается в сосредоточенном движении вперед. Когда перевозка войск будет закончена, то лишь передвижением походным порядком будет совершено то, чего нельзя осуществить железной дорогой, — стратегическое развертывание». Из письма Мольтке ясно виден ход мысли начальника Генерального штаба: разъединенное расположение войск на первых этапах вызывалось разными причинами, но наступление для сосредоточения сил впереди было целью, намеченной Мольтке с самого начала. Такое же определение дал генерал Верди, писавший по окончании войны о начальном расположении прусских войск в 1866 г.: «Войска были соединены лишь на территории противника путем оперативного наступления, вернее, это соединение произошло лишь на поле сражения у Кениггреца»¹. Критики Мольтке не смолкли даже и после победы у Кениггреца. Они продолжали защищать догму, что надежными являются лишь операции, производимые на внутренней линии, как это делал Наполеон.

В феврале 1867 г. в одном австрийском журнале появилась статья², автор которой нападал на руководство Мольтке воен-

¹ «Учение о войне», ч. III, Стратегия, кн. 5, стр. 29.

² Статья была опубликована без подписи. Ее автором был лейтенант-фельдмаршал фон-Наги. Стратегические планы прусского верховного командо-

ными операциями в 1866 г., ввиду того что не все силы Пруссии были объединены до начала похода в Лаузице. Без сомнения, находившийся на внутренней линии Бенедек, говорилось в работе, мог разбить раздельно наступающие части прусской армии, если бы он поступил, как Наполеон в 1807 г. и в феврале 1814 г. Конечно, и в этом суждении есть доля истины. Операции на внешних линиях всегда связаны с риском, особенно большим в то время, ибо средства связи в те времена были весьма несовершенны. Мольтке на это ответил (анонимно) 17 апреля 1867 г. в № 18 журнала «Военный еженедельник», что соединение прусских армий в надлежащий момент прусский Генеральный штаб никогда не считал гениальной идеей. Оно не являлось следствием какой-то глубокой комбинации, а было лишь правильно организованной и энергично выполненной операцией, имевшей целью выйти из неблагоприятного положения, вызванного исходным положением. В связи с запозданием приказа о мобилизации прусской армии нельзя было терять времени. Пришлось наметить несколько пунктов сбора войсковых частей, что позволило полностью использовать железные дороги. Теория требовала сосредоточить все силы. На практике для этого приходилось жертвовать богатой Силезией, оставить ее без защиты, позволить ее захватить противнику, сосредоточившемуся у границ. Далее Мольтке возражал против утверждения, что наступление отдельных войсковых соединений является необдуманно рискованным.

Он писал, что местом соединения разбегавшихся наступающих армий в 1866 г. было выбрано местечко Гитчин, потому что неприятель не мог достигнуть его с превосходными силами прежде прусских войск.

Мольтке в своих возражениях Наги подробно доказывает, что австрийские основные силы в течение 28 июня могли у Жозефштадта принять бой, если бы последний был им там предложен. Однако не могло быть и речи о наступлении австрийцев на Горич, Милетин¹ или Кениггрец. Оно могло начаться 29-го, а в течение этого дня обе прусские армии достигли Гитчина и Градлица, т. е. расстояние между ними составляло всего 5 миль. Следует учесть, что в то время невозможно было точно определить положение австрийских сил. Также можно было ожидать затруднений в районе производимой операции. «Кто на войне хочет быть обеспечен во всех отношениях, — писал Мольтке, — тот едва ли достигнет поставленной цели». Затруднения, упомянутые Мольтке, действительно имели место. Развитие операции в Северной Богемии, как и на западном театре войны, доказало, «какие трудности, даже при наличии железных дорог и телеграфа, встречаются при выполнении сложных согласованных наступательных операций далеко

вания он считал немного более чем посредственными. Только исключительно счастливое стечение обстоятельств, утверждает он, помогло прусским войскам, и «гениальный стратегический план» не потерпел решительного фиаско.

¹ Юго-восточнее Кениггингофа.

удаленными одна от другой группами»¹. Потребовалась значительная помощь верховного командования, чтобы наконец 1 июля было достигнуто положение, при котором каждая из армий, удаленных одна от другой на расстояние короткого перехода, перестала подвергаться опасности нападения противника в связи с тем, что соседняя армия ударяла по его флангу. Существовало еще разногласие между Генеральным штабом и командованием 2-й армии по вопросу очередных операций. Командование армии в духе учения Наполеона стремилось возможно скорее перейти р. Эльбу и соединиться до сражения с 1-й армией, Мольтке же считал необходимым не соединять обе армии и в дальнейшем. Расхождение во взглядах дополнялось затруднениями, вызванными незнанием расположения противника и тем, что в связи с передвижением армии часто более поздние приказания поступали раньше отданных прежде². Обеспечение взаимодействия всех прусских сил на поле сражения при Кениггреце было вележкой задачей. Впоследствии возникли предположения, что Мольтке наметил Гитчин целью движения обеих армий и собирался соединить их в районе Гитчина до начала решающего сражения. В таком случае законы теории были бы строго соблюдены. Нет никаких сомнений в том, что соединение частей армии лишь на поле сражения не было заранее задумано Мольтке. Он стремился лишь возможно скорее вывести прусские войска на линию Гитчин — Кенигингоф. Лишь в процессе развития операций собственных сил и действий противника создавалась возможность нападения с двух фронтов, которая и вызвала концентрические движения. Мольтке своевременно и правильно определил положение, поэтому движение прусских армий было правильно рассчитано, и при Кениггреце действительно удалось соединить разъединенные войсковые соединения на поле сражения, что является «высшим достижением полководца» (письмо Мольтке к Трайчке, 1881 г.).

Движение на поле сражения с двух сторон ведет к вероятному охвату из глубины театра военных действий и поэтому оказывает огромное влияние на исход боя. Эти оперативные действия придали наступлению силу, которую оно могло потерять в середине прошлого столетия вследствие применения нового оружия. Мольтке встал во главе прусского Генерального штаба в начале периода значительных изменений вооружения европейских армий, материальной части и организации артиллерии.

Начальник Генерального штаба внимательно следил за изменениями тактики, вызванными улучшением огнестрельного оружия. У него не оставалось сомнения, что нападение в открытом поле становится все труднее, а тактическая оборона приобретает большие выгоды. Мысль «стратегически нападать, тактически защищаться», чтобы наступать лишь на ослабленного противника, стала

¹ Ф он - Верди - дю - Вернуа, Учение о войне, ч. III, Стратегия, вып. 8, Берлин, 1909, стр. 72.

² Ф он - Верди - дю - Вернуа, В главной квартире второй армии в 1866 г., Берлин, 1900.

его основной установкой перед кампанией 1866 г.¹ Создать такое положение было всегда трудно. Наступление с боем требовало создания возможно более благоприятной обстановки. Было совершенно ясно, что при фронтальной атаке можно достигнуть малого успеха, но понести большие потери. Поэтому, указывая Мольтке (например в Инструкции для высшего командования), следует действовать против флангов позиции противника, так как при большой силе огня значение обходного движения возрастает. Обороняющийся будет силен, пока он располагает тактической свободой, может направить свои резервы, в зависимости от обстановки, в решающие пункты. Когда наступление ведется с нескольких сторон на сгущенного противника, концентрическое движение превращает преимущества обороняющегося в преимущества наступающего. В связи с этим наступление с двух фронтов и связанное с ним окружение противника обещают лучшие результаты. С 1866 г. влияние концентрических действий на решение современного сражения стало вне всякого сомнения.

Поход 1866 г. с победой при Кениггреце и накопленный опыт руководства военными операциями изменили взгляды Мольтке на войну. В первую очередь изменились его взгляды на тактику пехоты. Хотя в дальнейшем он считал наиболее выгодным принудить противника наступать, он стал подчеркивать необходимость тактического наступления. Во всех оперативных планах Мольтке после 1866 г. предлагает наступательные действия. В войне 1866 г. имело место множество недоразумений и трений между верховным командованием и подчиненными ему начальниками. Стало необходимым придать взглядам Мольтке на руководство военными операциями силу закона. До этого времени они были представлены лишь «Замечаниями» начальника Генерального штаба его офицерам. Генералы школы Краузенека одного возраста и ранга: Штейнмец, Фогель, Фалькенштейн, Фойггс-Рец, Густав фон-Альвенслебен и другие, считали установленные Наполеоном принципы руководства военными действиями единственно правильными. Они считали победу при Кениггреце случайностью, возможной лишь вследствие плохого командования генерала Бенедика. Для достижения в ближайшей войне полного согласия между командующим и его подчиненными необходимо было составить руководство, обязательное для высшего командования. Возвратясь из похода, Мольтке немедленно принялся за выполнение этой задачи. В Инструкции для высшего командования от 24 июня 1869 г. он выразил в еще более резкой форме все основные принципы сосредоточения и разъединения сил. В замечании о глубинедвигающихся колонн от 16 сентября 1865 г. сказано²: «Очень крупные соединения войск являются бедствием. Сосредоточенную в одном месте армию трудно питать, никогда невозможно разместить. Она не способна

¹ «Тактико-стратегические статьи Мольтке за период с 1857 по 1871 гг.», предисловие, Берлин, 1900, стр. XI.

² Цитировано по тексту первого издания; приводится в «Тактико-стратегических статьях Мольтке за период с 1857 по 1871 гг.», Берлин, 1900, стр. 171.

двигаться, не может маневрировать и вообще не может существовать долго, а может только сражаться.

Только стремясь к определенной цели и желая достигнуть ясного решения, можно объединять все свои силы. В других же случаях это является ошибкой. Для достижения решения никогда нельзя быть достаточно сильным, поэтому подтягивание на поле сражения даже последних батальонов абсолютно необходимо.

При операциях воинские части следует держать разъединенными возможно дольше, но своевременно соединять их для достижения решения. В этом заключается задача руководителей больших армий».

Принципы, разработанные теоретически, в мирное время, Мольтке изменил в части управления боем, используя опыт сражения при Кениггреце: «Если армия сконцентрирована до сражения и приблизилась к противнику, всякое новое разделение войск для охвата или окружения неприятеля потребует флангового движения в районе его тактического действия. Если желательно избежать такого рискованного пути, остается лишь усилить фланг, которым будет нанесен удар, хотя последний обычно превращается в фронтальный. Это действие будет удачным, если можно отказаться от части резервов в центре и на другом фланге.

Несравненно более благоприятно складывается обстановка, если в день боя войска подходят к полю сражения из разных пунктов для сосредоточения на нем, т. е. когда можно напасть на противника одновременно с фронта и флангов, сделав лишь небольшой переход. Это является высшим достижением стратегической науки и дает блестящие результаты».

С установлением Мольтке этого закона учение о действиях разъединенных частей войск, идеи которого возникли в конце освободительных войн, получило дальнейшее развитие. Мольтке, таким образом, противопоставил свою идею методу Наполеона, считавшему, что соединение отдельных воинских соединений никогда не должно происходить вблизи противника. Идея Мольтке также не совпадала с мыслями Клаузевица, заявившего, что «объединение всех боевых сил является нормальным, а всякое разъединение их — отклонением от нормального, которое должно быть обосновано» (стр. 161).

В установленном Мольтке законе нет указаний, что для проведения операции разъединенными воинскими соединениями обязательно численное превосходство сил. Повидимому, он считал это важным, так как всегда подчеркивал, что такие операции весьма рискованны. В Инструкции для высшего командного состава имеется следующее замечание: «Большие успехи в войне не могут быть достигнуты без большого риска». Из этого видно, что у Мольтке не было сомнений по этому вопросу, но все же риск операций, проводимых разделенными войсковыми соединениями, повидимому, не казался ему столь большим, как опасность, кроющаяся в сосредоточении крупных соединений войск до сражения. «Слишком большое растягивание войск, — поучает Мольтке, — таит большую опасность, но одновременно и зародыш крупных успехов.

Центральные же или охватывающие положения всегда гораздо опаснее, чем возможность прорыва наших линий».

Без сомнения, Мольтке в 1866 г. сознавал свое превосходство над противником. Проведенные военные реформы позволили создать хорошие воинские части. Вооружение прусской пехоты ружьями, заряжаемыми с казенной стороны, ставило ее в более благоприятное положение. Это сознание превосходства прусских войск выражено Мольтке в его записках (стр. 423), когда он писал о Кениггреце следующее: «Это не могло быть иначе. Мы обладали численным превосходством, которое в войне нельзя недооценивать, и, наконец, наша вторая армия должна была появиться в тылу и на фланге австрийцев».

Следует обратиться к возражениям Мольтке в «Военном еженедельнике» от 18 апреля 1867 г. на статью Наги. В работах теоретиков в стратегии Мольтке включено положение, что для успеха операции, производимой расчлененными воинскими соединениями, необходимо, чтобы протяжение операционных линий, ведущих к намеченной цели, для всех отрядов было одинаково (об этом говорит, например, Шлихтинг в своем труде «Мольтке и Бенедек», 1900, стр. 16). Помимо этого, указывалось, что необходимо выбрать такое место соединения частей, к которому противник не смог бы прибыть с превосходными силами (так писал Кольмар фон-дер-Гольц в своем труде «Ведение войны и вождение армий», 1901, стр. 86). В 1866 г. в Богемии Мольтке безусловно придерживался этого принципа. Но операции, одновременно производившиеся в Западной Германии, были иными. Кениггрец не напоминает сражения при Лейпциге в части действий наступавших, после того как отдельные войсковые части концентрическим движением настолько приблизились одна к другой, что их взаимодействие в сражении было обеспечено. Если противник находится в центре круга и отдельные воинские части движутся из разных пунктов с противоположных сторон к центру, тогда все возражения, сделанные военными теоретиками после Мольтке, отпадают. Хотя в это время возникает неуверенность в операциях на внешних линиях, отражавшаяся на всем походе 1813 г., на одновременными концентрическими операциями таким путем были достигнуты наибольшие успехи. Мольтке не страшился и таких рискованных операций. Так, например, оперативное окружение ганноверской армии в 1866 г. было проведено, по образцу Лейпцига, движением расчлененных групп войск в противоположных направлениях к находившемуся в центре противнику. Ганноверские войска при соответствующем руководстве могли сначала одержать частичные победы над удаленными одна от другой частями прусских войск, но в конце концов под влиянием концентрических движений и превосходства противника (в ганноверской армии было 18 000 солдат, а в соединенных дивизиях прусских войск — 48 000) должны были потерпеть поражение. Успеха прусские войска достигли, преодолев бесчисленные трудности, несмотря на трения и недоразумения среди младших начальников, после многих маневров, больших лишений и напряжения участвующих в боях войск и проигрыша кровавого

сражения. Последнее между прочим было совершенно излишним, если бы прусские генералы, которым поручили разоружение ганноверской армии, послушались Мольтке. Но их решения основывались исключительно на методах руководства военными действиями Наполеона.

Примерно за год до Лангензальца лейпцигская операция с большим успехом была повторена на другом театре военных действий, за океаном. Ввиду того что в то время в Европе мало обращали внимания на опыт действий на других континентах, результаты гражданской войны в Соединенных штатах Америки слабо освещались в немецкой литературе. В середине сентября 1864 г. была одержана победа на фронте Теннесси. Генерал Шерман открыл себе путь в штат Георгию, т. е. в тыл театра военных действий. Эта ситуация сходна с положением центральных держав осенью 1918 г. после развала Балканского фронта.

Командующий войсками южан тогда принял твердое решение еще раз попытаться счастья смелой операцией на внутренней линии. Все боевые силы южане решили сосредоточить, чтобы разбить Шермана до его соединения с Грантом. Но для этого следовало сдать территорию от Ричмонда до Питерсберга. Это стратегически правильное решение обещало спасение, но президент Джефферсон Дэвис отказался его утвердить. По политическим причинам он считал невозможным покинуть Ричмонд — резиденцию правительства — и приказал в ожидании концентрического нападения удерживать позицию у Питерсберга. Генерал Шерман зимой пересек штат Георгию и достиг в начале 1864 г. города Саванны, расположенного на берегу Атлантического океана. Здесь с помощью флота Северных штатов он обеспечил снабжение своих войск и начал наступление вдоль побережья на север, чтобы совместно с генералом Грантом подготовить второе лейпцигское сражение для армии генерала Ли.

Когда генерал Ли понял приближавшуюся опасность, он попытался выйти из окружения и пробиться на запад, но обстоятельства были против него. Окруженный со всех сторон, генерал Ли признал беспечность дальнейшего сопротивления и капитулировал 9 апреля 1865 г. Армия погибла в результате наступления в противоположных направлениях превосходных сил противника, которые она не пыталась разбить поодиночке.

Позднее фельдмаршал Мольтке проявлял поразительную независимость в определении дистанции между частями, маневрирующими на внешних линиях. Это отметил генерал Шлихтинг, который написал: «Нельзя себе представить, чтобы выдвинутый Мольтке принцип (а именно руководить войсками таким образом, чтобы они по возможности действовали на различных фронтах и соединялись на поле сражения)¹ ограничивал расстояние между отдельными войсковыми соединениями». Мы находим подтверждение этих замечаний Шлихтинга во взглядах, высказанных Мольтке об использо-

¹ Генерал фон-Гауль, Генерал фон-Шлихтинг и его труды, 1913, стр. 277.

вании итальянских войск против Франции в случае войны Германии и Италии со своим западным соседом. «Самым верным средством защиты для Италии, — гласила записка Мольтке (октябрь 1875 г.)¹, — является наступление. Если даже относительно слабые итальянские войска, будучи уверенны, что найдут на французской территории крупные силы Германии, энергично атакуют противника на его собственной территории, то, как и в 1870 г., его средства обороны будут скованы и остальные операции как на море, так и на суше прекратятся. Вероятно, Франция направит свои главные силы против ближайшего наиболее сильного и угрожающего Парижу противника. Тогда итальянская армия, которой ничто не будет угрожать, сможет проникнуть в нее с юга. Если же Франция противопоставит ей превосходные силы, то она сможет свободно отступить за мощную гряду Альп, позволив нам выиграть время и достигнуть успеха над ослабленным врагом, от чего выиграет и Италия».

Во время дипломатических переговоров Германии и Италии зимой 1887 г. о совместных военных действиях против Франции осведомленный о переговорах фельдмаршал Мольтке сообщил свои предварительные соображения (опубликованные Шмерфельдом). В них он придерживался своих взглядов, высказанных в 1875 г., что итальянская армия лучше всего может поддержать операции германских войск косвенно, перейдя в наступление через Западные Альпы на юг Франции². Поскольку сначала армии будут действовать на различных театрах, составление единого оперативного плана невозможно. Важно лишь, чтобы союзники начали военные действия примерно одновременно.

Эту же мысль Мольтке защищал еще в 1866 г., когда велись переговоры о заключении союза с Италией против Австрии. Мольтке советовал канцлеру ничего не указывать в договоре о военных операциях. Союзники будут вести операции совершенно независимо друг от друга на отдельных театрах и в собственных интересах, что обеспечит их активность. Преимущество совместного выступления будет заключаться не в их сочетании, а в том, что они начнутся одновременно³.

Следует упомянуть о разработанных Мольтке оперативных планах военных действий против России (схема 11). Выдающийся на запад клин, какой представляла собой тогда западная граница России, требовал концентрических операций из Восточной Пруссии и Галиции против предполагаемого расположения русских главных сил восточнее Вислы. После заключения Бисмарком союза с Австро-Венгрией не существовало никаких разногласий между Генеральными штабами Берлина и Вены о том, как следует осуществить эти операции. Силы противника, расположенные между Брест-Литовском, Варшавой и Ивангородом, предполагалось обойти двумя

¹ Опубликовано Шмерфельдом: «Немецкие планы развёртывания 1871—1890 гг.», Берлин, 1929, стр. 57, 128.

² Между прочим французские пограничные части в Альпах были увеличены.

³ «Военная корреспонденция Мольтке в 1866 г.», стр. 48.

союзными армиями, наступающими в противоположных направлениях. Сжатого таким образом противника они принудили бы к «битве народов» на Висле¹. Несомненно, что перед глазами создателей этого оперативного плана вставал план похода союзников в 1813 г.

От основной мысли — взаимодействия германской восточной армии с австрийцами путем концентрического нападения с севера

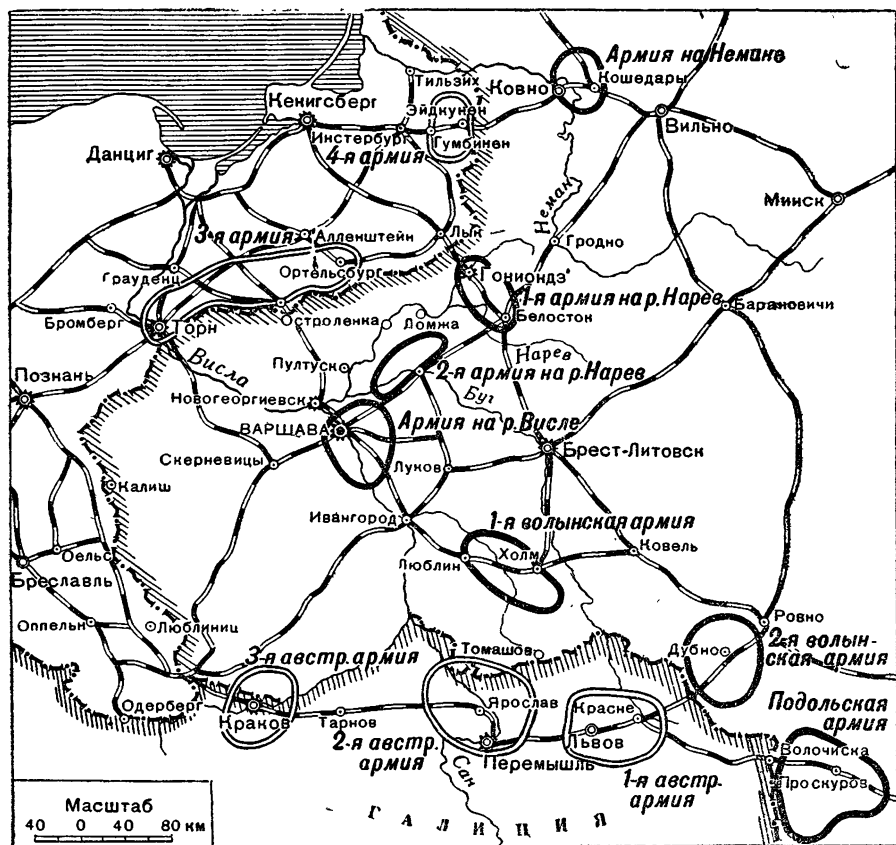

Схема 11. Оперативный план наступления на Россию, составленный Мольтке в феврале 1888 г.

и юга — Мольтке не отказывался и в своем последнем оперативном плане в феврале 1888 г.

В то время уже не предполагали, что русские войска будут сосредоточены в районе Варшавы. В связи с изменением взглядов на сосредоточение больших войсковых соединений решили расположить их на широком фронте по линии: Ковно — Белосток — нижнее течение р. Нарев — Варшава — Люблин — Дубно — Проскуров.

¹ Это выражение принадлежит главнокомандующему восточным фронтом эрцгерцогу Альбрехту.

Силы русской армии определялись примерно в 750 000 человек. Союзники должны были иметь превосходство в 200 000 человек. Рассчитывали, что перевес будет даже несколько большим вследствие ускоренного сосредоточения войск в начале войны. Чтобы полностью использовать это преимущество, союзные войска немедленно после сосредоточения переходят в концентрическое наступление. Главные силы австрийцев наступают по правому берегу Вислы на Люблин после устранения угрозы своему правому флангу со стороны сил противника, собранных в районе Проскуров—Дубно. Германская восточная армия прикрывает свой левый фланг войсками, сосредоточенными в Гумбинене против русской северной армии. Высаженные на 30-мильном фронте от Гогензальца до Ортельсбурга войска соединяются на территории противника и продвигаются по правому берегу Вислы в направлении нижнего течения р. Нарев на Пултуск—Остроленка с целью принудить русских к сражению на той или другой стороне реки.

Идею захвата в клещи расположенных в центре русских Мольтке разработал детально. Это видно из его ответа в 1887 г. на предложение Вены точно установить взаимодействие. «Оперативный план, — писал тогда начальник Генерального штаба, — можно предварительно набросать лишь в общих чертах. Ввиду значительности пространства, разделяющего обе армии, они будут вначале действовать отдельно, учитывая собственные интересы. Но, наступая на общего противника, они тем самым окажут одна другой неоценимые услуги. Только когда они обе одержат победы, станут возможны совместные операции». Повидимому, и в этом случае Мольтке рассматривал удаленные один от другого районы, в которых будут действовать армии союзников, как два отдельных театра военных действий, и считал правильными рекомендованные Клаузевицем¹ в подобных положениях совершенно самостоятельные действия обеих войск. «Битва народов» вблизи Варшавы могла произойти, по Мольтке, лишь на более поздних этапах похода.

Граф фон-Вальдерзее отодвигал сосредоточение германской восточной армии в Восточной Пруссии дальше на восток, чтобы захватить переправу через р. Нарев у Ломжи и, возможно, еще пройти по долине р. Бобра. Причину такой перемены следует искать в известии о новом плане сосредоточения русских, повидимому, решивших принять бой лишь на возвышенности Ломжи. Наступление германской армии предполагалось направить не только против сил, сосредоточенных у р. Нарев, но и против армии на Немане.

В связи с изменившейся обстановкой Мольтке дал согласие на этот план и 30 марта 1890 г. высказал о нем свое мнение в собственноручном письме к Вальдерзее, озаглавленном «Сосредоточение против России». Это был последний документ о взаимодействии расчлененных армий, написанный фельдмаршалом. В нем с классической краткостью и ясностью, подводя итог своей дея-

¹ Например в его плане войны с Францией, составленном в 1828 г.

тельности, Мольтке еще раз высказался о главной проблеме военного руководства массовыми армиями на основе своего опыта и глубоких размышлений. «Если мы предположим, что главные силы русских сосредоточены кругом Варшавы, — писал Мольтке, — то они находятся на внутренней операционной линии и могут направить свои удары на Восточную Пруссию, в Силезию и Галицию, что дает большое преимущество в наступательной войне, но столь же невыгодно в оборонительной. При оборонительной войне свобода выбора направления наступления превращается в опасность окружения противником. Поэтому и ввиду того что русским, несмотря на все их мероприятия, будут противопоставлены превосходящие силы Германии и Австро-Венгрии, необходимо немедленно и по возможности одновременно наступать на общего противника. Главные армии сначала наступают восточнее нижнего течения р. Нарев и Вислы. Русские, таким образом, сразу окажутся в невыгодном положении. Они не могут допустить, чтобы железнодорожные пути на Петербург, Москву и Киев были отрезаны, и выйдут из треугольника, образованного сильными крепостями, чтобы дать сражение. Нам необходимо, чтобы это сражение произошло возможно раньше. Для осуществления указанной операции необходимо сосредоточить наши боевые силы на линии Ортельсбург—Лык. Сосредоточение сил возможно дальше на востоке облегчает движение за р. Нарев, которую надо форсировать между Новоградом и Ломжей».

В кратких и ясных формулировках Мольтке снова заключены основные мысли, высказанные Клаузевицем о концентрическом наступлении и внутренней линии: центральное расположение в наступательной войне имеет много преимуществ. Но такого поведения Мольтке от русских не ожидал. Большое численное превосходство собственных сил позволяло ему рисковать, наступая на сосредоточившего свои силы противника по внешним линиям. Для уменьшения риска, связанного с каждой такой операцией, он хотел, чтобы сражение произошло возможно раньше. Вероятная пассивность русских позволяла захватить инициативу в свои руки и навязать им свою волю.

Развитие проблемы взаимодействия расчлененных воинских соединений Мольтке позволяет установить, что она берет начало в размышлениях штаба Блюхера в осенний поход 1813 г. и поход у Бель-Альянса. Военный опыт и сделанные из него Клаузевицем теоретические выводы являются, по видимому, фундаментом, на котором Мольтке воздвиг здание своего учения. Колоннами последнего является творчество Мольтке в годы его подготовки к роли полководца. Будучи таким образом подготовлен к выполнению задач, поставленных перед руководством военными операциями того времени, он в 1866 г. при Кениггреце применил оперативный маневр, совершенный при Бель-Альянсе. Этим он обратил особое внимание на своевременное сближение отдельных отрядов войск, чтобы избежать опасности разгрома каждого из них порознь.

За несколько дней до Кениггреца, у Лангензальца, он избрал примененный при Лейпциге маневр, в котором наступающие из

противоположных направлений части войск должны были соединиться лишь на самом поле сражения. В данном случае достаточно было начать операции на внешних линиях, чтобы парализовать сопротивление противника, расположенного на внутренней линии. На основе опыта походов в Северной Богемии и Западной Германии Мольтке расширил свое стратегическое учение. Он считал высшим достижением полководца умение руководить раздельно маневрирующими войсковыми частями. Наибольшего развития учение Мольтке достигло в его оперативных схемах, составленных в последние годы жизни. В письме от 30 марта 1890 г. проблема взаимодействия отдельных войсковых частей получила свое разрешение.

Дискуссия в германской печати на грани XIX и XX столетий

После смерти фельдмаршала графа Мольтке неоднократно обсуждался вопрос, существует ли принципиальное различие между системами руководства войсками Наполеона и Мольтке. Совершенно очевидно, что Мольтке применял стратегические методы, которыми Наполеон обычно не пользовался, и что в последнее время были достигнуты большие успехи в руководстве крупными войсковыми соединениями путем лучшей организации (разделение войск на армии) с помощью технических новшеств (телеграф, железные и усовершенствованные грунтовые дороги). Этого никто не отрицал. Некоторые теоретики в связи с этим выдвигали новые стратегические методы, основанные на опыте войн 1866 и 1870—1871 гг. Против такой точки зрения выступали авторитеты, которые и прежде считали великого корсиканца недостижимым образцом в организации войск для достижения стратегических и тактических побед. Помощники покойного фельдмаршала, принимавшие участие в походах 1866 и 1870 гг., в возникших по этому вопросу спорах в военно-научных кругах высказывались сдержанно и осторожно. Генерал Верди¹ обратил внимание на то, что преимущества внутренней линии сами по себе весьма значительны, в то время как концентрические действия на внешних линиях требуют благоприятных предварительных условий. Например, при сосредоточении австрийцев в Северной Богемии и расчлененном положении прусских боевых сил в Бранденбурге и в Силезии решить, какое положение является наилучшим, можно было, лишь учитывая все случайные обстоятельства, характерные для данной конкретной обстановки. Вклинивание части территории в таковую противника, как например Богемии в прусские владения, влияло на стратегические решения. При подготовке войны с Францией вклинивание Рейнских провинций и Пфальца потребовало расположить германскую армию на внутренней линии. Польские губернии России также представляли собой клин, проникший во владения своего западного соседа. Но каждое из этих географически сходных очертаний

¹ «Учение о войне», ч. II; Оперативные планы, тетр. 3, стр. 61, 1901 г.

границ имеет ряд особенностей. Возможность его использования определяется внешними условиями и особенностями этого района (крепости, направление течения рек, горные хребты, железнодорожная сеть и пр.). Эти мысли Верди вполне отвечали взглядам Мольтке. Фельдмаршал указывал, что наиболее трудно в руководстве войсками держать их расчлененными, но иметь возможность своевременно их сосредоточить. Желая, чтобы военные, мыслящие по трафарету, не попытались превратить его учение в мертвую доктрину, он предостерегающе добавил, что невозможно создать общие правила для решения задач, стоящих перед руководством войсками, ибо задача каждый раз будет новой¹.

Несомненно, первое время трудно было получить ясное представление о творчестве Мольтке. Его памятные записки, оперативные планы, составленные до 1870 г., и тактические и стратегические размышления периода 1896—1897 гг. были опубликованы лишь в 1900 г. Оперативные планы, составленные Мольтке после 1870 г., важные для понимания его операций, стали широко известны лишь в 1929 г., в издании Шмерфельда. Этим объясняются многие кривотолки и односторонние суждения, высказанные в печати на грани двух столетий. Научная дискуссия об оперативном искусстве Наполеона и Мольтке в конце концов свелась к вопросу, о том, что обеспечивает больший успех — операции на внешних или внутренней линиях. Наполеон рассматривался как мастер операций на внутренней линии, а фельдмаршал Мольтке — на внешней.

Первый военно-исторический отдел Большого генерального штаба принял участие в дискуссии, выпустив труд «Успех на поле сражения и пути его достижения» (Берлин, 1903). В этом труде опровергалось предположение, что между стратегией Мольтке и стратегией Наполеона существует принципиальное различие. Его авторы старались доказать, что оба полководца не имели особенной склонности вести операции на внешних или внутренней линиях.

Официальную точку зрения несколько раньше защищал Фрейтаг-Лоринхгофен в своем исследовании «Руководство военными операциями Наполеона и Мольтке» (Берлин, 1897). В нем на исторических примерах он стремился доказать, что «в руководстве военными операциями Мольтке основывался на системе Наполеона и лишь расширил и развил ее с учетом современных средств ведения войны». При этом он заявлял, что в системе ведения войны Наполеоном отсутствуют определенные принципы и что она является также «умением находить выход из положения», как характеризовал стратегию и Мольтке.

Труд Фрейтага и официальная точка зрения, высказанная в книге «Успех на поле сражения и пути его достижения», не внесли окончательной ясности в дискуссию. Было совершенно очевидно, что стратегические планы сражения со времени Мольтке подчинялись длительным заранее подготовленным маневрам войск, направляющихся к месту сражения. Во время войн за объединение

¹ «Тактико-стратегические статьи 1855—1871 гг.», Берлин, 1900, стр. 296.

Германии, когда войсковые соединения заблаговременно расчленились, самостоятельные действия младших начальников иногда угрожали выполнению общего плана, но директивы Мольтке всегда обеспечивали конечный успех. Взгляды Меккельса¹, что «пруссские военные операции в 1866 и 1870—1871 гг. вытекают из более смелых стратегических мыслей, нежели операции Наполеона», не отрицались в книге «Успех на поле сражения и пути его достижения». В том же духе высказывался и старый сотрудник Мольтке генерал фон-Блум, заявивший, что Мольтке мог бесспорно подчеркнуть значительную разницу между своей системой подготовки к сражению и наполеоновской, когда писал, что стратегия достигла наивысшего результата, если сумела подвести расчлененные войсковые соединения из разных мест на расстояние дневного перехода от поля сражения². Незадолго до начала мировой войны Блум написал, что Мольтке не придерживался узкого принципа «передвигаться раздельно — бить сосредоточенно»³. Например, в 1870 г., при наступлении на р. Мозель, он сознательно от него отказался. Однако он считает доказанным, что в своей военной практике Мольтке действовал в духе этого основного принципа, а Наполеон, напротив, был склонен сосредоточивать свои силы, что и отразилось на большинстве планов данных ими сражений.

Новые мысли высказал на грани столетий Кольмар фон-дер-Гольц. Он также считал правильным приписывание указанных выше действий Наполеону и фельдмаршалу Мольтке. На вопрос, какого образа действия следует держаться при соединении разделенных войсковых соединений (соединять войска прежде или на поле сражения), он давал следующий ответ. Степень неопределенности обстановки играла большую роль и влияла на обоих полководцев. Наполеон разделял массы, когда обстановка становилась ему ясна и их взаимодействие было обеспечено, Мольтке же предпочитал тесное соединение, когда считал положение неясным. Таким образом, каждый из них, будучи в одинаковых условиях, использовал принцип, обычно приписываемый другому⁴.

Гольц далее высказывал мнение, что операции на внутренней линии становятся все труднее, так как в настоящее время нельзя рассчитывать на быстрые и уничтожающие удары. Количественный рост современных армий также затрудняет использование внутренних линий. Единственным средством, с помощью которого можно показать противнику свое превосходство, является наступление с нескольких сторон. Таким образом, он пришел к выводу, что «труднее защищаться на внутренней линии, чем вести охватывающее или концентрическое наступление»⁵.

Следует обратить внимание также на его указание, что ввиду величины современной армии и необходимости сохранить свободу передвижения обороняющийся в общем принужден расчленить свои

¹ «Общее учение о вождении войск», 3-е изд., Берлин, 1890, стр. 203.

² Мольтке, глава «Воспитатель прусского войска», Берлин, 1907.

³ «Стратегия, ее задачи и средства», 3-е изд., 1912, стр. 32—33.

⁴ Фон-дер-Гольц, Верховное и армейское командование, 1901, стр. 85.

⁵ Фон-дер-Гольц, Вооруженный народ, 5-е изд., стр. 269.

войска, так, однако, чтобы при приближении решающих событий он мог их соединить. Расположение войск отдельными группами позволяет обороняющемуся поддержать атакованные врагом отдельные части наступлением во фланг. Эту мысль уже высказал фельдмаршал Мольтке, когда в 1867 г., возражая на статью лейтенанта-фельдмаршала Наги, написал, что снабжение, размещение и разрешение боевых задач австрийской армии были бы облегчены в случае ее сосредоточения у Ольмюца и в Праге, а не в одном пункте. Против учения Гольца выступил генерал Шлихтинг. Он подчеркнул, что стратегическая наука должна высказаться за один из этих двух методов. Военачальники должны знать, какой метод будет применяться. Сам Шлихтинг не сомневался, что применять можно лишь метод Мольтке. Идея сохранения расчлененного расположения армий до самого начала сражения, высказанная Мольтке, была для высшего командования совершенно новой. Мольтке, таким образом, придал нападению новые силы, которые оно теряло с применением противником скорострельного оружия. Тактическая опасность, погубившая Бенедека, Мак-Магона и Куропаткина, вытекала из учения Мольтке. (Шлихтинг в последнем случае имеет в виду сражение при Мукдене, в котором русские, несмотря на значительное превосходство сил, не смогли отразить одновременные атаки с трех сторон.) Такое учение совершенно не было освещено в старых учебниках¹. Мольтке открыл новую страницу военной истории. В связи с этим при обучении командного состава в настоящее время следовало совершенно оставить наполеоновский метод ведения операций.

Генерал Шлихтинг не хотел тем самым рекомендовать только операции на внешних линиях. Он не считал образцовым обеспечение при всех обстоятельствах внешних крыльев путем вытягивания фронта². Мольтке в руководимых им операциях никогда заранее не определял метод нападения, который следовало применить. Когда по ходу операции появлялась возможность использовать внешнюю или внутренние линии, он выбирал то, что было наиболее целесообразно. Но в целом система руководства войсками Мольтке была прямо противоположна взглядам Наполеона. Она заключалась в расчленении при наступлении с целью своевременного сосредоточения.

Со времени Мольтке успех на поле сражения стал результатом предыдущих операций. Последние тем самым давали основу для сражения. Этого обстоятельства, по мнению Шлихтинга, было совершенно достаточно, чтобы опрокинуть устаревшее представление Клаузевица о бое. Во времена Наполеона считалось, что только действиями на внутренней оперативной линии можно достигнуть единства во времени и пространстве. Поэтому появился принцип, что операции на внутренней линии имеют преимущества. Эта точка

¹ Фон-Гауль, Генерал фон-Шлихтинг и его труды, Берлин, 1913, стр. 353.

² «Основные законы современной тактики и стратегии», ч. II, «Руководство войсковыми частями», кн. 1, Операции 1898 г., стр. 16.

зрения в настоящее время совершенно неправильна, когда отпала необходимость большой затраты времени на получение сведений • противнике и передачу приказов для войск, действующих по внешней линии.

Как и Гольц, Шлихтинг считал, что прежние преимущества внутренней линии в настоящее время исчезли. Преимущества, которыми обладала внутренняя линия со времени Мольтке, грозили превратиться в недостатки, потому что в сосредоточении больших масс войск таилась большая опасность, чем в преувеличенном разделении сил.

Учения Шлихтинга и Гольца содержали родственные взгляды. Шлихтинг также считал необходимым иметь фронт надлежащей ширины при наступательных и оборонительных действиях. Если обороняющиеся следуют современным принципам ведения войны, нельзя уверенно рассчитывать, что противник, действующий на внешних оперативных линиях, сумеет дать сражение с окружением. Это скорее удастся, если нападающий прорвет в одном месте фронт противника. Эту мысль подтвердили в августе 1914 г. при Уздау наступление 1-го армейского корпуса и осенью 1914 г. в Кутно наступление 9-й армии.

Новое учение о расчленении сил возможно дольше, по Шлихтингу, распространялось и на оборонительные сражения. Поэтому он предлагал располагать резервы на значительном расстоянии в сторону от крыла. Что мог сделать Базен 18 августа 1870 г., спрашивал Шлихтинг, имея сильный армейский резерв, расположенный далеко справа в тылу. Он мог бы уничтожить обессиленных наступающих гвардейцев до подхода к ним саксонских частей. По учению Шлихтинга, в сентябре 1914 г. 6-ю армию, как предполагал генерал Фалькенгайн, следовало сосредоточить далеко в стороне от правого крыла, а в конце сентября 1914 г. наступление 9-й армии вести значительно левее австрийского фронта.

В конце концов Шлихтинг потребовал оперативного разделения сил современной армии и при отступлении. Вынужденное отступление происходит в направлении производившегося наступления, но командование должно создать безопасную оперативную базу, что можно сделать лишь быстрым расчленением отступающих войск. Этим путем вновь обретается свобода действий и скорейший отрыв от угрожающего противника. «Движение войск до сражения всегда будет концентрическим, а после него эксцентрическим. Этот принцип одинаково правилен и при победе и при поражении. Войска победителей все равно требуется оперативно разделить, чтобы получить возможность свободного маневрирования»¹.

Борьба, которую Шлихтинг вел с бессистемной стратегией своего времени для выполнения заветов Мольтке, безусловно имела огромное влияние на оперативное мышление его современников. Но в целом его точка зрения не победила.

¹ «Основные законы современной тактики и стратегии», ч. II, «Руководство войсковыми частями», кн. I, Маневры 1898 г., стр. 103.

Учение Шлиффена о войне

В научном мире появился великий человек, откинувший все споры о частично устаревших теориях и системах, создавший новое учение, полностью отвечавшее требованиям современной войны. Этот человек был Шлиффен. Разделяя взгляды фон-дер-Гольца, но выражая их более резко, Шлиффен боролся со всеми попытками приписать Мольтке определенную систему ведения войны. Фельдмаршал завещал, что «существует не один метод, не одно средство и не один способ выходить из положения, а много методов, средств и способов». Для каждого случая необходимо найти наиболее целесообразный. Вождю следует предоставлять полную свободу выбора пути для достижения полной победы¹.

Клаузевиц защищал ту же точку зрения, написав: «Мы убеждены, что нет определенных правил для маневрирования, нет приема, нет общего принципа, который мог бы определить образ действий». В конце длительного спора военных специалистов во времена Шлиффена вернулись к точке зрения Клаузевица. В настоящее время нам должно казаться очень странным, что как раз Шлиффена критика обвиняла в однобокости. Из его критиков назовем только Шлихтинга, Фридриха фон-Бернарди и графа Хазелера. В учении Шлиффена, в котором все проникнуто мыслью о нападении и окружении, усмотрели стремление, «при котором терялось представление о бесконечном разнообразии военных требований и все приносилось в жертву односторонней тенденции». Было бы чрезвычайно опасно добиваться успеха лишь исключительно путем окружения. «Чело того, кто отправляется в поход с мыслью добиться победы с помощью одной определенной системы, едва ли украсят лавры» (Бернарди). Непризнание обратилось у Шлихтинга в осуждение, что Шлиффен не воспринял и не развил школу Мольтке, а наоборот — переработал положения Мольтке в духе своих собственных принципов. В своих трудах по военной истории он приписал начальнику штаба во время войн за объединение Германии намерения, которых тот никогда не имел. Генерал Фрейтаг-Лоринхгофен, наоборот, считал, что главной заслугой Шлиффена является «дальнейшее развитие установок Мольтке». Потомство без всякого спора признало Шлиффена основоположником искусства современной войны.

Каковы же основы учения Шлиффена о ведении операций расчлененными войсковыми соединениями? Отличаются ли его взгляды на эту основную проблему современного руководства войсками от установленных фельдмаршалом Мольтке правил и законов? Материалом для исследования являются опубликованная часть служебных записок Шлиффена и его исследования в области военной истории, написанные уже в отставке. Заслуживает внимания поразительный факт. Шлиффен, будучи генерал-квартирмейстером, принимал деятельное участие в создании оперативного плана Валь-

¹ Речь на банкете в Генеральном штабе по случаю столетия со дня рождения генерал-фельдмаршала Мольтке.

дерзее против России в 1890 г. Заняв пост начальника Генерального штаба, он отказался от проекта своего предшественника, одобренного Мольтке 30 марта 1890 г. Из этого можно было сделать вывод, что взгляды Шлиффена на ведение войны сильно отклонились от взглядов фельдмаршала Мольтке.

В меморандуме в декабре 1892 г.¹ Шлиффен обосновывает изменение своих взглядов тем, что германское наступление из Восточной Пруссии через Нарев не захватит русских врасплох. России достаточно хорошо известны германские намерения, и в связи с этим она перераспределила свои силы. По сведениям Большого генерального штаба, Россия в последнее время предполагала направить большую часть своих войск против Германии. Ее главные силы будут находиться как раз за Ломжей, т. е. за пунктом, на который Германия намеревалась направить свой удар. Намеченный через р. Нарев прорыв становился почти невозможным. Если бы все же он удался, противник, вероятно, отступил бы на восток, а не на юг. Там он достиг бы конечных станций железных дорог, по которым он прибыл на театр военных действий. Таким образом, говорил Шлиффен, нам не удастся добиться решающего сражения и разгрома русских войск, а придется вести фронтальные бои с противником, которому остается открытым путь отступления в глубь гигантской страны.

Своевременная поддержка австрийской армии, удаленной в начале военных действий от них на 400 км, всегда казалась сомнительной, а при таком положении совершенно исключалась. Учитывая эти обстоятельства, нельзя придерживаться плана, трудно выполнимого даже при относительно благоприятных обстоятельствах, таившего серьезные опасности. Свои основные мысли Шлиффен изложил в ноябре 1893 г. в меморандуме: «Если Австрия из Галиции, а Германия из Восточной Пруссии начнут наступление в противоположных направлениях, будучи удалены одна от другой на 400 км, то и наступательные и оборонительные действия одинаково опасны. Во время медленной мобилизации и сосредоточения русских сил обоим союзникам следует, используя кратчайшие пути, напасть на слабые, еще полностью не сосредоточенные русские войска и не допустить развертывания армий. С момента отпадения возможности неожиданного нападения на русские войска едва ли целесообразно атаковать противника с противоположных сторон, не обеспечив достаточной связи и взаимной поддержки в связи с большим расстоянием между обеими отдельными группами войск».

После меморандумов Шлиффена (декабрь 1892 г. и ноябрь 1893 г.) могло показаться, что у Мольтке и Шлиффена есть разногласия по вопросу ведения операций на внешних линиях. Но это едва ли правильно. Причину уклонения Шлиффена следует в первую очередь искать в том, что летом 1892 г. он решил основные массы германских войск сначала направить против Франции, а про-

¹ Вольфганг Ферстер, Из взглядов германского Генерального штаба, Берлин, 1931, стр. 48.

тив России выставить лишь незначительные, требуемые обстановкой силы. Таким образом, значительное превосходство сил союзников, на котором основывался проект Мольтке в феврале 1888 г., больше не существовало. Чтобы успешно атаковать 22—24 дивизии русских войск, направленных против Германии, восточная германская армия должна была располагать силами, которые не могли быть ей предоставлены ввиду нападения на Францию. Для проведения операции на внешних линиях Шлиффен желал иметь численный перевес. На такой перевес на востоке в начале войны рассчитывать было нельзя. Больше невозможно было надеяться на неподготовленность русских в местах решительных сражений в случае нападения на них. Поэтому Шлиффен пришел к выводу, что следует отказаться от риска, вызванного операциями по образцу Лейпцига. Вместо концентрической операции с противоположных направлений он хотел действовать более осторожно, используя опыт операции Мольтке во время похода 1866 г. в Северной Богемии, рекомендованный Гольцем и Шлихтингом для операции на внешних линиях. Это было наступление отдельных войсковых частей, обеспечивающее соединение всех сил при нанесении главного удара до сосредоточения противником превосходных сил. Осуществление этого плана требовало сближения сил союзников еще во время наступления. Войска союзников предполагалось сосредоточить в Галиции. В конце 1892 г. Шлиффен решил, что силы германской восточной армии следует сосредоточивать не в Восточной Пруссии, а в Верхней Силезии и на юге Познани, а защиту Восточной Пруссии предоставить относительно слабым силам. Германская восточная армия должна была двигаться из района своего сосредоточения на Вислу между Варшавой и Ивангородом и соединиться с австрийцами, чтобы совместными силами дать русским сражение. Крупные силы австрийцев должны были наступать в районе Люблин — Холм. После такого сосредоточения своих сил в районе восточной части Вислы крупные силы союзников окажутся на внутренней линии между русскими армиями на севере, в Польше, и на юге — в Волынской и Подольской губерниях.

Таким образом, союзники будут в состоянии усилить любое крыло, чтобы превосходными силами перейти в наступление в выбранном направлении. План Шлиффена, составленный в 1892 г., вскоре потерпел значительные изменения, так как выяснилось, что ко времени прибытия германских войск на Вислу австрийцы еще ее не достигнут. Форсирование реки между Варшавой и Ивангородом вблизи неприятеля было не под силу одной германской армии. Эти соображения и поиски удобного места переправы привели к выбору таковой у Завиховта (расположенного ниже устья р. Сан). Здесь наметили переправу через р. Вислу германской восточной армии. Поэтому потребовалось сосредоточить войска в Верхней Силезии. Германские и австрийские боевые силы, следовательно, с самого начала были столь сближены, что ожидать от их соединения какого-либо оперативного эффекта стало невозможно (одновременное наступление на поле сражения с разных

сторон). Все это уже в 1895 г. заставило Шлиффена отказаться от своего плана, возникшего из идеи наступления соединенными силами, а не расчлененными. Вместо этого он развил новый план, основанный на предложенной австрийским Генеральным штабом большой операции. Последнюю предполагалось провести на внешних линиях тремя союзными армиями, концентрически наступаю-

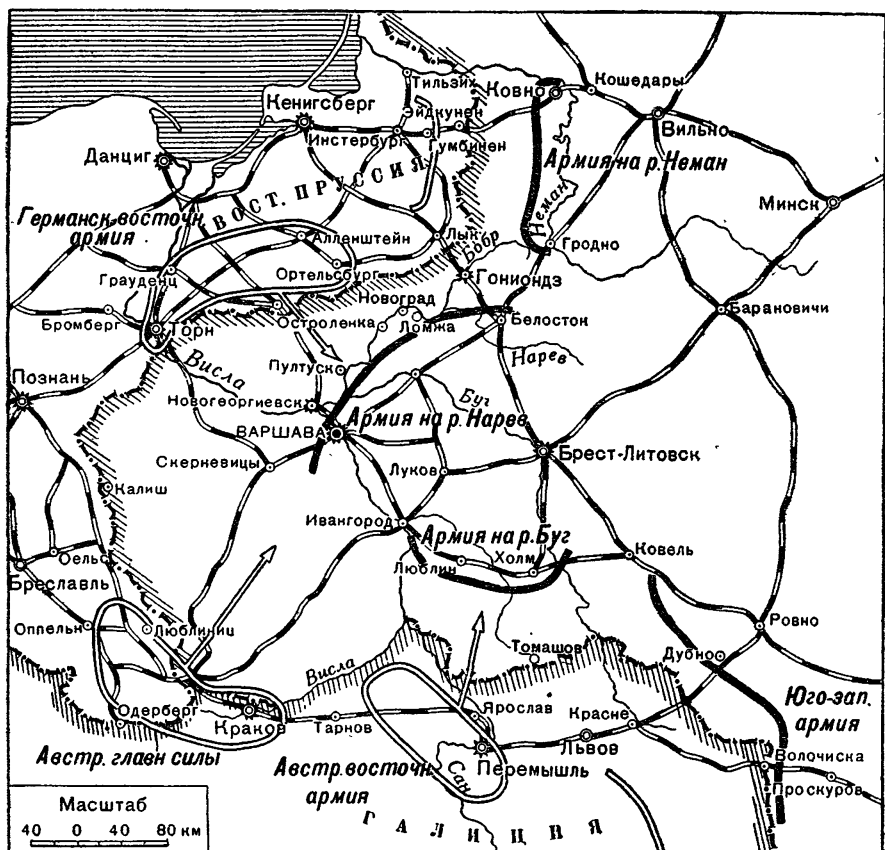

Схема 12. Оперативный план наступления на Россию, составленный Шлиффеном в 1895 г.

щими с севера, юга и юго-запада глубоко в Польшу, в то время как относительно слабые силы в Галиции и на востоке Восточной Пруссии (схема 12) удерживали русскую южную армию и армию, расположенную на Немане. Эти слабые силы должны были держаться до момента объединения на правом берегу р. Вислы.

Германская восточная армия, двигавшаяся от линии Торн — Ортельсбург на р. Нарев, могла прибыть туда до появления русских подкреплений. Можно было ожидать, что немцы легко сбросят русские дивизии, выдвинутые для защиты переправ.

Австрийские главные силы, по предложению Шлиффена, начинали наступление с линии Краков — Люблинец. Им приходилось пройти значительный путь до р. Вислы (подобно германской 9-й армии осенью 1914 г.). Несмотря на это, Шлиффен считал, что они могут достигнуть среднего течения р. Вислы не позднее чем при ранее намечавшемся движении восточнее р. Вислы от Ярослав на нижнее течение р. Вепрж. По новому плану Шлиффена им предстояло совершить сложный переход через реку, но отсутствовали значительные силы противника, которые могли бы ему помешать. Удачный переход р. Вислы австрийскими главными силами позволил бы им в зависимости от обстановки наступать туда, где их вмешательство дало решающий перевес. На правом фланге они могли начать совместные операции с австрийской восточной армией, наступающей с нижнего течения р. Сан на русскую армию на Буге. На левом фланге австрийские главные силы могли оперировать вместе с германской армией, наступавшей с нижнего течения р. Нарев.

В этом плане Шлиффен приспособил идею Мольтке о концентрическом нападении из Галиции и Восточной Пруссии на русские главные силы, сосредоточенные между Бугом и Вислой, к новым условиям. Образованием сильной центральной армии, двигавшейся через Польшу на среднее течение р. Вислы, устранялись все возражения против старого плана и создавалась отсутствовавшая ранее взаимная поддержка и связь между обеими фланговыми армиями. Направлением главного удара с линии Краков — Люблинец устранялось сосредоточение противника в месте основного наступления в связи с необходимостью бороться с охватывающими боковыми армиями.

План Шлиффена напоминает план похода союзников в 1813 г. В обоих случаях имелись большие опасности, но и возможность достигнуть решающих успехов. Начальник австрийского Генерального штаба фон-Бек считал, что предложенный Шлиффеном план распределения сил содержит больше опасностей, чем шансов на успех. Он придерживался мнения, что разделение австрийских войск при наступлении на две удаленные одна от другой армии чрезвычайно усложнит руководство операциями. Кроме того, он боялся поражения восточной австрийской армии, численно равной своему противнику, которое могло приостановить наступление главных сил. Это были старые возражения, постоянно приводимые в XIX в. против операций расчлененными войсковыми соединениями. Для проведения таких операций требовалась замена местного руководства верховным главнокомандующим всеми силами союзников, действовавших против России. По политическим соображениям этого едва ли можно было достигнуть. Вопрос, впрочем, не обсуждался, поскольку Шлиффену не удалось устранить возражения фон-Бека против расчлененного наступления австрийских войск.

В конце концов оба начальника Генеральных штабов согласились, ввиду отсутствия лучшего плана, принять старый, времен Мольтке, хотя они вполне отдавали себе отчет, что «будет очень тяжело преодолеть все затруднения в начале операций, возникаю-

щие из-за разделения союзных войск»¹. В самом конце прошлого века этот план, не удовлетворявший обоих союзников, был отвергнут. Шлиффен решил действовать совершенно независимо от австрийского Генерального штаба, который также отверг идею совместных операций. Восточная Галиция и Восточная Пруссия стали «двумя совершенно независимыми театрами военных действий»². В эти годы Шлиффен разработал план войны Австро-Венгрии против напавшей на нее России. В этой войне Германия была вынуждена оказать помощь своему союзнику, а Франция в первое время воздерживалась от выступления. Шлиффен для такой обстановки наметил совместное наступление австро-венгерской и германской восточной армий. В последнюю включилось более половины всех войск Германии. Шлиффен предполагал направить сильную германскую армию из Восточной Пруссии на р. Нарев. В это время более слабая армия обходным маневром атаковала русскую армию на Немане. Участие в операции крупных германских сил, по мнению Шлиффена, делало неопасным удаление войск союзников одно от другого на большое расстояние³. Остальную, меньшую, часть вооруженных сил Германии предполагалось сгруппировать в подвижные соединения, готовые к отправке, в зависимости от обстановки, на запад или на восток.

Подготавливая операции против России, Большой генеральный штаб во времена Шлиффена учитывал всевозможные политические и военные факторы. Большое значение безусловно имел тот фактор, что значительного превосходства, на которое рассчитывал Мольтке в войне с Россией, Шлиффен иметь не мог. Этим объясняется, почему последний план Мольтке вскоре после вступления Шлиффена на пост начальника Большого генерального штаба заменили другим, впоследствии многократно изменявшимся. Имелись достаточно веские основания для замены в 1892 г. смелого плана Мольтке, предусматривавшего наступление расчлененными армиями, более осторожным предложением Шлиффена — наступление соединенными силами. Отступление в оперативных планах Шлиффена от намерений Мольтке не позволяет сделать вывод, что взгляды обоих начальников Генерального штаба на совместные действия расчлененных войсковых соединений сильно различались. Оперативные планы Шлиффена содержат идеи и намечают пути, которые избрал бы Мольтке. Оба начальника Генерального штаба считали основной задачей стратегического искусства выбор в каждом отдельном случае, в зависимости от обстановки, операции, сулящей наибольший успех. Мы уже упоминали, что фельдмаршал Мольтке не только в своих планах против России, но и вообще при оценке обстановки проявлял большую независимость в части расстояний между отдельными войсковыми соединениями, маневрирующими на внешних линиях, чем это делал Шлиффен. В зависимости от обстановки фельдмаршал свободно намечал ширину

¹ Письмо фон-Бека Шлиффену от 8 января 1896 г.

² Одна из записок Шлиффена.

³ Генерал фон-Фрейтаг-Лоринхгофен, Генерал-фельдмаршал Шлиффен, Берлин, 1920, стр. 132.

фронта, на котором происходило соединение, и не отдавал предпочтения определенному виду операций. Шлиффен, наоборот, неоднократно подчеркивал необходимость тесного контакта отдельно маневрирующих войсковых частей. Он не оставлял без внимания возможности взаимной поддержки отдельно маневрирующих частей. При этом Шлиффен мог основываться на учении Клаузевица, писавшего следующее: «Если войска расположены на соседних, не отделенных один от другого естественными препятствиями театрах военных действий, то можно рассчитывать на решительное влияние одной части на другую; если же театры военных действий значительно удалены один от другого и между ними расположены нейтральные государства, горные цепи и т. д., то влияние операций одной армии на операции другой сомнительно и даже невероятно; если армии расположены в противоположных частях страны, в которой ведутся военные действия, и их влияние будет расходиться по эксцентрическим линиям, всякие следы взаимодействия исчезают»¹. К этой формулировке Клаузевица вернемся в следующем разделе, когда будем рассматривать концентрические операции в последних войнах.

По трудам Шлиффена можно, как нам кажется, проследить за развитием идей о важнейших проблемах руководства военными операциями в современной войне. Возможно, что сейчас удастся обрисовать лишь общие контуры его идей, которые станут отчетливо ясны лишь позднее, когда будут опубликованы остальные служебные записки Шлиффена. В течение своей жизни Шлиффен непрерывно занимался проблемой борьбы с превосходными силами противника. В поисках средств, с помощью которых Германия в предстоящей борьбе с превосходными силами противника могла бы одержать победу, он обратился в первую очередь к операциям по внутренней линии. На то, что они сулили слабейшему успех, указывали великие военные теоретики прошлых времен. Шлиффен не согласился с новыми взглядами Шлихтинга и Гольца, что преимущество внутренней линии на грани нашего столетия иное, чем в прежнее время. Наоборот, он положил в основу обучения офицеров Генерального штаба именно этот метод. Почти во всех составленных им задачах и частично на полевых занятиях Генерального штаба на востоке, которыми он лично руководил, Шлиффен искал решения проблемы борьбы против превосходных сил противника в операциях по внутренней линии. Шлиффена метко определяли как «учителя и даже как человека, практически подготовившего германский Генеральный штаб к проведению сложных операций по внутренней линии»².

С целью добиться быстрых и решающих успехов Шлиффен стремился охватить одно крыло противника и наступать на его тыловые коммуникации. Операции по охвату надо было проводить не слабыми силами, а одним или двумя корпусами, одной или несколькими армиями. В конце концов он стал требовать, чтобы

¹ Клаузевиц, «О войне», стр. 656.

² Генерал-полковник фон-Лееб, Оборона, Берлин, 1938, стр. 9.

полководец направил для обхода крыла противника все силы, которыми он мог располагать. Последнее позволяло принудить противника принять арьергардный бой и полностью его уничтожить. Битва при Лейтене особенно ему нравилась. Из нее он почерпнул основную мысль, которую внес в теорию одностороннего охвата, названного им «секретом победы»¹. В 1899 г. Шлиффен считал, что более слабая армия лишь тогда имеет шансы на успех, когда она бросит возможно более крупные силы, решающие исход боя, против одного из флангов более сильного и ввиду этого менее подвижного противника. В это время слабые силы должны сковывать фронт противника.

На развитие учения Шлиффена о войне оказали большое влияние маневры, проведенные в 1899 г. на востоке. С обеих сторон участвовало несколько вначале разделенных армий. Германским войскам, согласно наметенному исходному положению, отводились внешние линии. Руководитель германских восточных сил не решился использовать концентрическое действие сосредоточенных в Силезии главных сил совместно с войсками, собранными у Неца. Он, напротив, предполагал продолжительным фланговым движением силезской армии вдоль фронта противника приблизиться к армии, находившейся у Неца, ибо считал более целесообразным атаковать часть фронта соединенными силами вместо охвата фланга противника разъединенными силами. Необходимое для осуществления этого решения движение силезской армии влево кажется в настоящее время несколько странным. Однако Шлиффен его одобрил. Ему казалось, что для более слабых германских сил концентрические операции, проводимые разделенными армиями, слишком рискованны. В 1899 г. Шлиффен, повидимому, еще не был склонен возмещать слабость своих сил концентрическими операциями с атакой с нескольких сторон.

Лишь позднее он решился на двойной охват. Сначала его задачи и полевые занятия предусматривают оперирование на внешних линиях только противника. Ошибки последнего при наступлении отдельных отрядов используются для последовательного разгрома каждого из них порознь. На этих полевых занятиях русские армии, концентрически наступающие в Восточную Пруссию от Немана и Нарева, поочередно атакуются и разбиваются. Стремясь по возможности усложнить задачу и все же добиться успешного ее решения, маневры 1904 г. проводили с участием трех отдельных армий, наступавших на расположенную в Лигнице «синюю» армию. Последняя вышла победительницей, напав сначала на наиболее близко расположенную армию противника и одновременно обороняясь против другой армии, находившейся у нее в тылу. Шлиффен здесь дал возможность «синей» армии победить превосходящие силы противника, потому что одна из армий последнего несколько отстала, а две другие, сильные, стремились окружить слабого врага и не соединились. Таким образом, эти маневры должны

¹ Закон Шлиффена об одностороннем охвате был освещен особенно ясно в задаче, поставленной на занятиях Генерального штаба в 1901 г.

были выявить всю слабость и опасность операции на внешних линиях, проводимых разъединенными войсковыми соединениями.

Во время полевых занятий на востоке Шлиффен однажды успешно провел операции разъединенных войсковых соединений на внешних линиях. В 1903 г. начальник Генерального штаба, руководивший полевыми занятиями, наметил операции, в которых имевшие значительное превосходство силы немцев и австрийцев, состоявшие из пяти германских и трех австро-венгерских армий, концентрически наступали с разных сторон на расположенных по внутренней линии русских¹. Это полевое занятие закончилось окружением и уничтожением крупных русских сил в районе Варшавы. При разборе занятий Шлиффен привел (стр. 302) в качестве способа уничтожения противника стратегический прием, примененный Наполеоном в 1800, 1805, 1806 и 1807 гг. и к которому неоднократно стремился Фридрих II. Этим же способом союзники в октябре 1813 г. уничтожили господство Наполеона и покойный фельдмаршал Мольтке в августе и сентябре 1870 г. добился своих успехов. Таким способом Шлиффен считал «направление всех своих боевых сил или по крайней мере большей их части во фланг или тыл противника, принуждая его принять арьергардный бой и оттесняя его в невыгодном для него направлении. Если это нападение производится с двух сторон, как при Лейпциге, Гравелоте и Седане, то оно приводит или, по крайней мере, может привести к окружению армии противника». Мысль об уничтожении противника двойным охватом (события 1806, 1807 и 1813 гг.) в трудах, опубликованных с 1906 по 1908 гг., еще не высказывалась. Она появляется в 1909 г. в учении Шлиффена, где нападение с четырех сторон рассматривается как идеальное расположение в сражении.

В работе «Современная война»² резко высказано требование решающих и уничтожающих успехов в будущей европейской войне. Для этого необходимо нападение с двух или трех сторон, т. е. против фронта и одного или двух флангов. Такое нападение, говорит Шлиффен, сравнительно легко выполнимо для того, кто обладает численным превосходством. На такое превосходство в современных условиях едва ли можно рассчитывать. Из этих слов возможно сделать вывод, что в то время Шлиффен не рекомендовал концентрическое нападение слабой стороне и что он скорее соглашался с существовавшей теорией, что концентрические действия можно предпринять, лишь имея численное превосходство.

Описание сражения при Каннах, сделанное Гансом Дельбрюком в «Истории военного искусства», дало Шлиффену новое решение

¹ В том же году Шлиффен поставил в заключительной задаче занятий Генерального штаба проблему взаимодействия нескольких разъединенных армий. Положение было во многом сходно с наступлением немецкой армии в 1870 г. на реках Саар и Мозель. В заключительной задаче в 1903 г. Шлиффен дал большое превосходство немецким войскам, действовавшим на внешних линиях.

² Опубликовано в «Немецком обозрении» в январе 1909 г.

проблемы, которое он непрерывно искал ряд лет. Ход сражения Ганнибала открыл ему секрет, каким образом можно нанести окончательное поражение вдвое сильнейшему противнику и как удалось королю Фридриху при Лейтене совершенно уничтожить неприятеля. С этого времени¹ Шлиффен настаивает на атаке с разных сторон, двойном охвате, дополненном, если возможно, нападением с тыла.

Принцип Канн тактически продуман Шлиффеном. Он означает победу слабого над сильнейшим путем сражения с полным уничтожением противника. Сражение у Ауфиды он считал достойным восхищения не только потому, что оно привело к полному уничтожению противника, но особенно потому, что вопреки всяким теориям победа была одержана меньшими силами. Более слабый Ганнибал, хотя ему и не подобало, действовал не только против обоих флангов противника, но обошел его и с тыла. Из исторических примеров Шлиффен делал вывод, что, несмотря на изменение оружия и методов ведения войны, основные задачи сражений за 200 лет до нашего времени не изменились. Сегодня по плану, придуманному Ганнибалом, можно провести сражение на уничтожение. Предпосылкой успеха служат мероприятия противника, которыми он сам лишает себя преимуществ численного превосходства.

Ход сражения при Каннах показывает, говорит далее Шлиффен, путь к победе с полным уничтожением противника при неравенстве сил. Эта мысль, противоречащая всем основам теории, была существенным и новым словом, которое Шлиффен сказал в учении о войне. Правда, при дальнейшем изучении Канн Шлиффен не всегда придерживался этой мысли. Так, например, в своих заключительных рассуждениях Шлиффен указывал, что для любого вида Канн безусловно желательно располагать численным превосходством. В литературе, рассматривающей учение Шлиффена, часто опускалась первоначальная мысль о победе, достигнутой над превосходными силами противника. Однако значительным и оригинальным вкладом Шлиффена в теорию современной войны следует считать концентрические действия в виде атаки с разных сторон, которые может применить более слабая сторона и победить.

Критика возражала против того, что Шлиффен свое учение излагал на примере сражения, происшедшего в давно минувшие времена. Следует признать, что пример из столь отдаленного периода, когда способ ведения войны и боевые построения объяснялись иными обстоятельствами, внес много неясностей в рассуждения. В самом деле, трудно сравнить тактические действия в сражении при Каннах, в первую очередь задержанный охват фланговыми уступами карфагенян крыльев римлян, атаку конницей Гаструбала тыла противника, с оперативным окружением, развивавшимся из отдаленных районов, которым подготовлял свои победы Мольтке. Основная мысль Шлиффена, что сражение с охватом противника во все времена являлось философским кам-

¹ Первая часть труда о Каннах появилась в последней четверти 1909 г.

нем, была, по утверждению критики, полностью идей Мольтке. Но нельзя одобрить, что учение об охвате в наше время объединяется с аналогичными событиями в прежние времена. Шлиффен с самодержавной беззаботностью соединил в одно различные способы охвата, существовавшие в разные времена. Он не отличал местные охваты от окружений, произведенных из передней боевой линии, и атак с двух оперативно совершенно разделенных фронтов¹.

Неясности множились вследствие того, что изучение Шлиффеном Канн рассматривали как продолжение его предыдущих военно-исторических трудов (1806—1807 и 1813 гг.), в которых идеи Лейтена были перенесены в стратегию и стали основой размышлений. Поэтому сомнения в том, что следовало понимать под принципом Канн Шлиффена, еще возрастали. Следует пожалеть, что Шлиффену не удалось осуществить свое намерение — ввести в книгу «Канн» специальный раздел об осеннем походе 1813 г., который «представлял собой большие Канн». Вероятно, тогда многие из его выводов, прежде основанные на сражении Ганнибала и казавшиеся несколько искусственными и большей частью оставшиеся непонятыми, стали бы значительно естественнее и более убедительными. Поход на Лейпциг, вероятно, оказался бы основой, на которой учение Шлиффена о концентрической атаке удалось бы развернуть с большим успехом. На примере «битвы народов» стало бы понятным требование Шлиффена искать фланги противника не на концах крыльев, а в глубине и на всем протяжении его позиции. Трудности, которые в современной войне должны представлять части, расположенные на флангах и производящие тактическое окружение, нельзя иллюстрировать примером сражения из античной эпохи, в котором проблема пространства для командования никакой роли не играла. Этим объясняется, почему в учении Шлиффена не разграничены разнообразные формы окружения². Генерал Шлихтинг указывал, что основными положениями современного учения о войне, высказанными Шлиффеном в его труде «Современная война», являются следующие:

1) для достижения решающего сокрушительного успеха требуется наступление с двух или с трех направлений, т. е. с фронта и с одного или обоих флангов противника;

2) основная задача руководителя сражения заключается в том, чтобы задолго до встречи с неприятелем указать всем армиям и корпусам дороги, пути и направления, по которым они должны продвигаться, назначить примерные цели движения на каждый день.

Последнюю фразу Шлихтинг считал фундаментом, на котором покоится современное учение о сражении. Без сомнения, обе фразы отражают гений Мольтке. Согласно этим законам, сформулированным Шлиффеном, Мольтке неоднократно подводил свои силы

¹ Ф он - Га у ль, Генерал фон-Шлихтинг и его труды, Берлин, 1913, стр. 350.

² Здесь следует также указать, что граф фон-Шлиффен понимал под Каннами стратегическую цель — уничтожение противника через окружение и стратегический прием — атаку с нескольких сторон.

и вел сражение на различных фронтах. Если бы Шлихтинг дождался до опубликования труда о Каннах, он несомненно одобрил бы энергичную защиту Шлиффеном стратегии Мольтке. В противоположность «Успехам на поле сражения», выпущенным военно-историческим отделом Большого генерального штаба, и собственным изложениям событий 1806—1807 гг., Шлиффен в опубликованном в 1908 г. труде «1813 год» и появившейся в 1909—1913 гг. работе о Каннах резко отметил противоречия между системами ведения военных операций Наполеона и Мольтке. При этом он указал на многие помехи, которые мешали Мольтке при руководстве военными операциями 1866 и 1870—1871 гг., так как поколение 1870 г. жило традициями Наполеона и считало соединение всех сил до сражения необходимым условием победы. Он громко предостерегал («Канны», стр. 35) от ставшей излюбленной привычки сначала соединять расчлененные войсковые соединения перед фронтом противника, а потом уже переходить в наступление. Шлиффен ссылаясь на Мольтке, который задолго до 1866 г. возражал против такого метода руководства войсками, ибо он мог привести к ряду постепенно ослабевающих ударов против фронта противника. Помимо наступления с фронта, следовало во всяком случае, как при Кениггреце, наступать на оба фланга.

Эти фланговые наступления облегчались при расположении противника узкими, глубокими, сосредоточенными колоннами, подготавливаемыми к продолжительной обороне. Но основное решение могло дать расположение широким фронтом, допускающим охват и обладание численным превосходством. Слабейший может держаться примера Канн, если он отрицает положение Наполеона, что побеждает сильный, и стремится уничтожить своего врага, несмотря на его превосходство.

В настоящее время можно, как при Каннах, вытянуть крылья для окружения с целью уничтожения. Можно, однако, и надеяться, что противник, как Теренций Варрон при Каннах, Наполеон при Лейпциге и Бенедек при Кениггреце, скуденно расположит свои войска. Эти убеждения Шлиффена легли в основу его трудов. Пример Канн показал путь достижения победы с полным уничтожением противника. В общей операции при Каннах более подстать сильнейшей стороне, которая, правильно используя свое превосходство, одновременно наступает с фронта, флангов и по возможности с тыла. Но и слабейшая сторона может испытать свое счастье, идя по этому пути, и достигнуть успеха.

Иллюстрацией первой возможности служит пример Мольтке, а последней — пример Ганнибала. То, что Канны повторяются очень редко, было ясно Шлиффену. Когда диспозицию такого сражения дать нельзя, следует наступать против одного фланга (пример — Фридрих II при Лейтене). Из этого понятно высказывание Шлиффена, что нападение на фланг является существенным моментом истории войн. Наши правила, говорил Шлиффен, редко одобряют наступление с обоих флангов. «Но я того мнения, — заявлял он, — что это является нормальным для наступления, и если я его не предпринимаю, то должен укрепить оборону нена-

ступающего крыла. Тот, кто хочет атаковать оба фланга (исключая пример Лейтена), должен иметь превосходство в силах. Если этого нет, то надо так расположить свои силы и действовать, как будто это превосходство имеется, т. е. наступать возможно более широким и неглубоким фронтом»¹.

Критики упрекали Шлиффена в том, что он никогда не упоминал об основном положении Мольтке: «держатъ войсковые силы разъединенными до самого сражения». В самом деле, это высказывание Мольтке нельзя обнаружить в трудах Шлиффена и его речах. Можно предположить, что, изучая проблему современной войны и на основе опыта маневров на востоке, он правильно учел изменение соотношения между массами войск и расстоянием, происшедшее со времен Мольтке. При этом он пришел к выводу, что в предстоящей войне Германия часто не будет в состоянии вести наступление оперативно расчлененными войсками. В первую очередь он стремился воспрепятствовать отдельным колоннам и частям армии соединиться перед фронтом противника и лишитъ себя, таким образом, возможности охватить последнего. Он хотел наступать на врага широким боевым фронтом, загибая развернутые крылья за флангом противника. «Если по каким-либо причинам крылья отделены от средней части, то не следует их подтягивать к ней, чтобы совместно начать охватывающее движение. Их следует направить по ближайшей дороге во фланг и тыл противника. Это и есть то, что Мольтке называет соединением разделенных частей на поле сражения и считает наивысшим достижением полководца».

Таким образом, Шлиффен не отклоняет мысль Мольтке, что следует возможно дольше держать войсковые части оперативно разделенными, но придает ей несколько иное толкование, учитывая характер современной войны. При этом, совершенно в духе Мольтке, он упрекает всех полководцев и командиров, которые, боясь, что отдельные части войск могут быть разбиты, рьяно стремятся соединить их не на поле сражения, а до сражения и тем самым выпускают из рук возможность решающего успеха и удовлетворяются небольшим успехом или ничем. Ясно, что и здесь, в основном положении учения Мольтке о войне, с ним не расходится Шлиффен. Таким образом, фон-Фрейтаг-Лоринхгофен совершенно правильно определил, что основной заслугой Шлиффена является дальнейшее развитие оперативной идеи Мольтке. Новые условия ведения войны после 1890 г. потребовали влить новое содержание в старые законы и правила руководства военными операциями.

Современники, за редким исключением, признавали Шлиффена творцом методов ведения современной войны. Это его место в истории военного искусства, вероятно, никто не будет оспаривать. Главный успех его деятельности, повидимому, заключался в том, что всем выдающимся полководцам своей школы он рас-

¹ Письмо графа фон-Шлиффена 14.VIII.1912 генералу фон-Фрейтаг-Лоринхгофену.

крыл искусство Мольтке и выкорчевал страх перед операцией на внешних линиях, базировавшийся на устаревших теориях. Новые стратегические методы, которые предвидел Фридрих II и которым пытался следовать главный штаб силезской армии, были созданы Мольтке. Он создал новую военную теорию, развитую Шлиффеном согласно требованиям ведения войны на грани двух столетий. С большой смелостью он разработал новые законы о концентрических операциях. В стратегии Шлиффена нельзя найти осторожности и страха поражения. Он порицает Наполеона за то, что осенью 1806 г., во время польского похода, тот советовал своим маршалам «умело маневрировать, не вступая с неприятелем в сильные схватки». «Если бы Мольтке в своем приказе о соединении первой и второй армий в направлении Гитчина прибавил подобное указание, битва при Кениггреце вряд ли бы состоялась. Командующие армиями при таких поручениях отдадут себе довольно ясный отчет о сложности положения. Лишь четкий недвусмысленный приказ без упоминания об осторожности заставит их наступать». Выработанные в Трахенберге инструкции об эластичном уклонении армии от сражения в случае нападения на нее превосходящих сил противника, может быть, оправдывались в начале XIX в., но совершенно не подходили к стратегии начала XX в. Кто же мог, при наличии дальнобойного орудия, бездымного пороха, обмундирования защитного цвета и находившейся в зачаточном состоянии воздушной разведки, своевременно определить, располагает ли враг превосходящими силами? Если ставится высшая задача уничтожить врага, необходимо рисковать. Возрастающие силы обороны и слабейшему дают надежду при встрече с превосходящими силами врага на отпор в течение некоторого времени.

По старинному высказыванию, кто обходит, тот сам обойден. Но тот, кто решился на полное окружение противника, не должен бояться опасности. «Не желание не быть побежденным, но горячее стремление разбить врага должно принести решение».

Резко отрицал Шлиффен при обсуждении последних поставленных им задач (1905 г.), что идея об уничтожении врага может отпасть. Эта идея видна во всех сражениях Фридриха II, ею проникнуты все операции Наполеона, с ее помощью фельдмаршал Мольтке достиг своих беспримерных успехов. Если хочешь, как Мольтке, охватить, отрезать и уничтожить противника, надо иметь сильные и выдвинутые вперед крылья. Для достижения решающего успеха уничтожения противника необходимо наступать с двух или трех сторон, т. е. против фронта и одного или двух флангов. Все известные теоретики, современники Шлиффена, из примеров Мольтке делали вывод, что для концентрических операций, проводимых разделенными воинскими частями, последние должны находиться на одинаковом расстоянии одна от другой, а место соединения следовало выбирать, как в походе при Кениггреце, т. е. чтобы враг не мог в нем появиться с превосходящими силами. Шлиффен также рекомендовал придерживаться великих образцов Кениггреца и Седана. Для обеспечения концентрических операций он выдвигал лишь одно требование: «Задача верховного

командования — путем соответствующих распоряжений сократить промежутки времени между появлением одной части перед фронтом и других перед флангом и тылом противника». Этот основной закон учения Шлиффена о войне подчеркивал необходимость взаимодействия маневрирующих войсковых частей и возлагал ответственность за атаку с нескольких сторон на верховного главнокомандующего.

Задачей младших начальников является продвижение в заданном направлении. Если на своем пути они встретят противника, то должны вступить в бой, не рассчитывая на подкрепления. Даже части, обнаружившие на своем пути неприятеля, повидимому, располагающего превосходными силами, не имеют права ограничиваться сковыванием его сил, а должны наступать.

Сущность концентрических операций расчлененных сил, по Шлиффену, заключается в том, что они все наступают в заданном направлении и атакуют неприятеля, где бы они его ни встретили. Координирование движений отдельных частей для их взаимодействия является задачей полководца. Подчиненные ему командиры имеют лишь незначительную самостоятельность. Они должны быть дисциплинированы, хорошо знать свое дело и понимать замыслы полководца. Шлиффен обращал особое внимание на «порядок операций» и требовал от полководцев четкого и единообразного руководства армиями, план которых все командование должно было хорошо знать и понимать¹.

Шлиффен был последним крупным военным теоретиком Германии до мировой войны. Значение других военных писателей его времени было неизмеримо меньше. Влияние его учения на Генеральный штаб и полководцев, под командованием которых германская армия участвовала в мировой войне, было столь велико, что пережило многих его преемников на посту начальника Генерального штаба.

В заслугу Шлиффена следует поставить и то, что весь высший командный состав германской армии в 1914 г. гораздо однороднее оценивал основные вопросы руководства военными операциями, чем предшествующее поколение в начале войн 1866 и 1870 гг.

Идея Канн — самый поздний зрелый плод в учении Шлиффена о войне, но во всяком случае не является единственным методом ведения операций, таящим секрет победы. Рядом с ней, правда, отступая в последние годы на задний план, существуют другие методы: нападение на один фланг (на основе сражения при Лейтене) и операции по внутренней линии.

Наивысшее развитие идея уничтожения сил противника нашла у Шлиффена в концентрическом нападении с нескольких сторон при операциях на внешних линиях по образцу Канн и Лейпцига. Оправдало ли себя учение Шлиффена, возникшее из исследования истории войн и проблем победы с полным уничтожением противника, оправдали ли учение о Каннах дальнейшие исторические

¹ См. генерал-лейтенант фон-Цельнер, Завещание Шлиффена (специальный выпуск «Военно-научного обозрения», 1938, стр. 32).

события? Сыграли ли концентрические операции в мировую и последующие войны роль, которую им приписывал Шлиффен?

Эти вопросы мы исследуем в последней части нашей работы, учитывая, что учение Шлиффена еще не заменено новой теорией и является не рассуждением о событиях истории, а вкладом в решение особенно важной проблемы руководства военными операциями нашего времени.

Концентрические операции в новейших войнах

Многое из того, что было написано в военной литературе с 1866 по 1914 гг., не имело никакого значения во время мировой войны. Это особенно относится к большой дискуссии в довоенное время о преимуществах стратегии Наполеона и Мольтке. Но осталось еще много существенного в теории, что подтвердила практика войны. Сосредоточение сил к сражению потеряло, как предвидел Шлиффен в «Современной войне», свое значение при маневренной войне. Корпуса и дивизии двигались от мест высадки к месту сражения, указанному в приказе верховного командования. Встречая противника на своем пути, они вступали с ним в бой и продвигались вперед в указанном направлении, не заботясь о продвижении соседних колонн и не ожидая подкреплений. Крупные современные войсковые соединения могли вполне самостоятельно решать задачи и долгое время оказывать сопротивление превосходящим силам противника. Задача полководца теперь состояла в координации движений отдельных колонн.

Такая система руководства вытекала из стратегии Мольтке и была развита учениями Шлихтинга и Шлиффена. Пока силы обоих противников передвигались, эта система вполне оправдывалась, но когда следовало наступать на подготовившегося к обороне и укрепившегося на сильных позициях неприятеля, все силы до начала сражения требовалось соединить и подготовить для совместного наступления.

Подготовка для наступления в таких случаях должна была быть особенно тщательной в позиционной войне и скорее напоминала методы Наполеона, чем Мольтке. Как правило, охват на поле сражения начинался из одного места, и лишь редко отдельные части наступали с разных сторон.

Установленный Мольтке закон стратегии, что искусство руководителя больших масс заключается в том, чтобы возможно дольше держать войска разделенными, не всегда подтверждался опытом мировой войны. Стремление заблаговременно соединить фронты породило новые методы стратегии. Основное положение о разделении войск не особенно подчеркивалось и в учении Шлиффена. В этом отношении он правильно предвидел будущие изменения в руководстве военными операциями. Соединение отдельных фронтов привело к стратегии сплошных линий. Она пугливо избегала расчлененного расположения войсковых частей и стремилась немедленно ликвидировать всякую возможность разрыва фронтов, что означало полный отказ от методов Мольтке. Однако новые

стратегические взгляды, чуждые XIX в., не оправдали себя на ряде театров военных действий. На восточном фронте до конца 1916 и даже начала 1917 г. велась маневренная война, в которой сражения разыгрывались в духе оперативных идей Мольтке. Неоднократно операции, особенно имевшие решающее значение, проводились расчлененными войсковыми соединениями. При маневренной войне операции на внешних и внутренних линиях, о которых трактовало учение Шлиффена, применялись в равной степени. Тактические победы постоянно достигались наступлением с нескольких сторон, охватом одного крыла или обоих. Наибольшие результаты, однако, давало наступление, производимое с противоположных сторон. Уничтожающие результаты случайно достигались при фронтальном наступлении, сопровождавшемся двойным обходом, когда препятствие, расположенное в тылу противника, не позволяло ему своевременно уйти от оказываемого давления с флангов. Таким путем еще при Седане было достигнуто полное окружение неприятеля, тем же приемом была уничтожена у крепости Тутракан стесненная на очень узком пространстве 17-я румынская пехотная дивизия. Она была атакована с трех сторон, а в тылу у нее протекал Дунай, переправа через который отсутствовала. Двойной охват во время боя в Мазурских болотах в феврале 1915 г. позволил добиться лишь относительной победы с уничтожением противника, ввиду того что в тылу русских войск не было препятствия. Это позволило некоторым частям, своевременно начавшим отступление, уйти от окружения.

В мировую войну чаще всего пытались принудить противника к сдаче обходом одного из его крыльев. Этот прием заканчивался в большинстве случаев победой, которая часто имела характер искаженных и неудачных Канн. Противник заранее мог определить намерение наступающего и провести необходимые мероприятия. Пользуясь тем, что его тыл оставался свободным, он уходил из окружения или, подтянув резервы, переходил в контрнаступление против охватывавших его крылья частей.

Во время мировой войны все наступления на флангах проводились недостаточными силами, что давало неблагоприятные результаты. Поэтому, хотя такие наступления приводили к сравнительно большим победам, сражение никогда не велось с перевернутым фронтом, что Шлиффен рассматривал как идеальный «стратегический Лейтен».

Уже во времена Мольтке, когда фронт сражения имел лишь незначительное протяжение, было трудно охватить неприятельские крылья из фронтального положения, чтобы напасть на его фланг, и поэтому Мольтке и вышедшие из его школы блестящие теоретики учили, что наступление с охватом, как правило, можно успешно провести наступлением отдельных войсковых частей и против фронта и против фланга¹. Шлиффен также предусмотрел, что при о современных огромных армиях и колоссальном протяжении

¹ Вильгельм фон-Блюм, Стратегия, 3-е изд., 1912, стр. 171.

поля сражения почти невозможно из сосредоточенного положения охватить фланг противника.

Это было уже доказано в русско-японской войне 1904—1905 гг. Предпринятые японцами попытки из фронтального положения окружить противника привели к отеснению атакованных крыльев русских войск, а не к полному и глубокому охвату. В мировой войне имеется тоже немало примеров (например сражение у Вильно) того, что охват трудно осуществить на всю глубину и ширину расположения противника. Повидимому, в настоящее время, еще больше, чем во времена Мольтке и Шлиффена, охват можно удачно осуществить при движении к полю боя стратегически разделенных частей. В этих случаях возможность осуществления сражения на уничтожение возрастает с увеличением угла, образуемого оперативными линиями, по которым подводятся к месту боя войсковые части. Для повторения сражения у Лейтена, по Шлиффену, достаточно направить войска, назначенные к наступлению, на крыло противника под прямым углом к его фронту. Шансы на полную победу возрастают с увеличением возможности наступления в противоположных направлениях на фронт и тыл противника. Это положение, установленное со времен Лейпцига, Ричмонда и Лангензальца, было подтверждено в мировую войну сражением у Танненберга. Здесь задача строго согласованного во времени наступления отдельных войсковых частей в противоположных направлениях была полностью разрешена. В сражении при Германштадте сил альпийского корпуса, направленного в тыл румынам, нехватило для выполнения поставленной задачи. Одновременное наступление против фронта и тыла противника во время мировой войны не часто приводило к сражению на уничтожение. Это объясняется тем, что наивысшего успеха удается достигнуть лишь изредка. Однако на основании того, что это случается редко, неправильно делать вывод, что основной закон Мольтке о наступлении из различных пунктов и учение Шлиффена о ведении наступления с нескольких сторон в настоящее время утратили свое значение.

Вопрос о том, какое влияние на взаимодействие разделенных войсковых частей оказывают расстояния между ними, никогда не стоял так остро во время мировой войны, как летом 1915 г. Требовалось увязать наступление армейской группы Макензена с наступлением сил главного командования восточного фронта. Мнения командующих войсками центральных государств на востоке разошлись. В конце июня на востоке и в Средней Галиции создалась ситуация, весьма похожая на положение в начале войны. У австрийцев возникла мысль ударить на север между Бугом и Вислой, используя захват Львова 22 июня. Этому способствовало выдающееся далеко на запад расположение русских, сходное с положением в августе 1914 г. Австрийский Генеральный штаб считал необходимым сжать противника в клещи путем одновременного наступления из Восточной Пруссии. В переговорах 28 июня оба начальника Генеральных штабов согласились, что одновременные действия войск главного командования восточного фронта будут значительно содействовать достижению большого оперативного

успеха против русских главных сил в Польше. В то время как генерал фон-Конрад считал желательным наступление армейской группы Гальвица по обеим сторонам Прасныша через Нарев на Седлец, генерал фон-Фалькенгайн, помимо этого, предлагал наступать вдоль Пилицы через Вислу и одновременно через нижнее течение

р. Бобр у Осовца. Узнав об этом, главнокомандующий восточным фронтом пришел к выводу, что раз наступление по нижнему течению р. Нарев на Седлец в оперативном отношении мало реально, следует вместо этого наступать севернее Ковно (схема 13). Генерал Фалькенгайн считал, что наступление, продолжавшееся уже два месяца, с большим успехом и быстро можно завершить скорее всего в районе рек Буга, Вислы и Нарева. Главнокомандующий восточным фронтом думал наступлением на Ковно открыть дорогу на Вильно и в тыл главным силам русской армии. Он предполагал, что последняя должна будет начать большое отступление. Если же при этом удастся нанести ей удар во

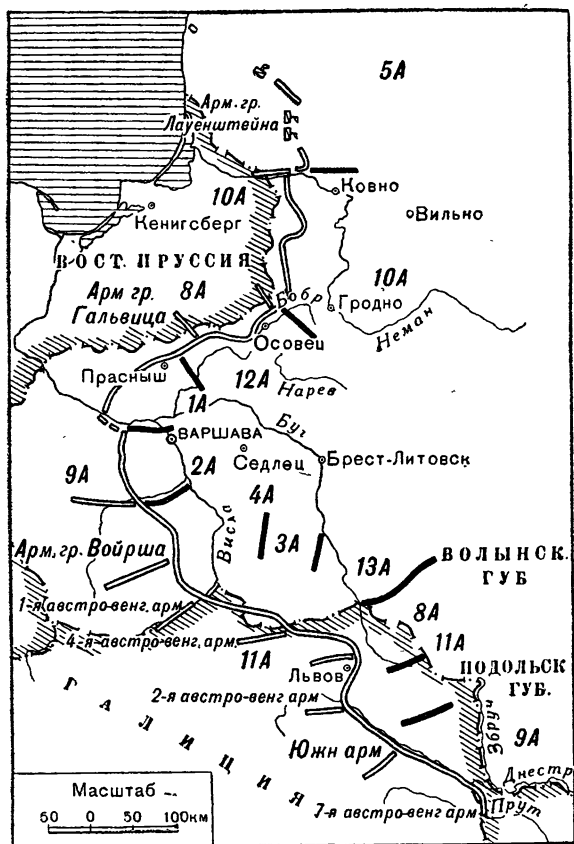

Схема 13. Положение на восточном фронте 22 июня 1915 г.

фланг с севера через Вильно, то летний поход 1915 г. закончится с тяжелыми потерями для русских.

Генерал Фалькенгайн отклонил мысль о наступлении через Ковно и севернее его. Он желал сохранить положение, при котором легко мог направить свои силы на любой другой фронт. Помимо этого, он сомневался в том, что план, предложенный главным командованием восточного фронта, «вообще окажет какое-нибудь влияние на основные операции». Надежды главного командования восточного фронта весной 1915 г. достигнуть решительной победы над Россией путем введения новых корпусов

в Восточную Пруссию не оправдались. Накопленный опыт говорил против предложения главного командования восточного фронта. Если оценить предложение наступления через Вильно с точки зрения учения Клаузевица и Шлиффена, придется сделать вывод, что «между армейской группой Макензена у Львова и войсками, расположенными севернее Ковно, «исчезнут почти все следы взаимодействия».

Шлиффен на это предложение возразил бы, что «нецелесообразно атаковать сильного противника без всякой связи и возможности взаимной поддержки на столь большом расстоянии». Он не ожидал бы многого и от взаимодействия наступающей из Галиции между реками Бугом и Вислой армейской группы Макензена с шедшей через р. Нарев на Седлец армейской группой Гальвица. Летом 1915 г. он, вероятно, не разделил бы надежд генерала Фалькенгайна одновременным наступлением с юга и северо-запада: сдать войска противника в Польше и, если возможно, отрезать им отступление. Он, несомненно, предвидел бы, что при удачном форсировании р. Нарев «противник отступит не на юг, где он может попасть в руки австрийцев, а на восток, к конечным станциям железных дорог, по которым он был доставлен»¹. Эти предсказания Шлиффена вполне подтвердил ход войны на востоке в 1915 г. На успех, ожидаемый генералом Фалькенгайном, можно было бы рассчитывать, если бы р. Буг выше Брест-Литовска являлась границей нейтрального государства, проходившей на север к Гродно, и отступление на восток поэтому для русских стало бы невозможно. Лишь в этом случае можно было повторить Седан в сражении у Седлеца.

Рассматривая спор о наступлении в направлении Седлеца или Вильно, генерал Гальвиц впоследствии указал, что при обсуждении этой проблемы важно выяснить наличные силы. На основании собственного опыта наступления на р. Нарев генерал фон-Гальвиц сомневался в том, что предпринятый через Вильно в июне 1915 г. охват мог привести к ожидаемой цели. Он привел бы к контр-наступлению на юге и вызвал бы огромное удлинение фронта. Сомнительно, хватило ли бы тогда сил для соединения обоих крыльев,двигающихся с севера и юга. Фон-Гальвиц делал отсюда вывод, что применение идеи Канн ограничено масштабом операций.

Мысль генерала Гальвица, что идею Канн можно применить только при ограниченном масштабе операций, заслуживает внимательного изучения. Стоит вспомнить, что идея Канн рассматривалась ее создателем только тактически. Канны были для Шлиффена образцом сражения на уничтожение. Поэтому в исследованиях о Каннах он говорит только о постоянстве условий больших сражений. План сражения, составленный Ганнибалом, включал одновременное наступление с четырех сторон. Шлиффен считал поэтому образцом Канн нападение с фронта, с флангов и тыла, при котором достигалось «полное окружение и уничтожение противника». Мысль, что величина современных армий препятствует

¹ Шлиффен, Записки, декабрь 1892 г.

проведению атаки с разных сторон, повидимому, не являлась мнением, присущим генералу Гальвицу. Ни один полководец не жаловался на то, что ему сдалось слишком много войск¹. В равной мере генерал, желающий атаковать противника с четырех сторон, что является шедевром стратегии, не станет жаловаться на наличие слишком большого количества войск в своем распоряжении. Таким образом, численность войск во всяком случае не является причиной ограниченного применения идеи Канн. Возможно, что величина пространств, на которых летом 1915 г. разыгрывались события, повлияла на генерала Гальвица и Фрейтага. Без сомнения, расстояние, разделяющее отдельно оперирующие армии, имеет огромное значение. Выработать для данного случая определенные правила вряд ли возможно². В общем можно считать, что влияние расстояния на оперативные действия армейской части зависит от размеров последней и скорости ее передвижения. Правильно определить это расстояние — чрезвычайно важная, труднейшая задача полководца. Командование восточного фронта недооценивало влияния расстояния. В особенности это имело место в боях у Седлеца и Вильно. Возможно, что в будущем возрастающая моторизация войск уменьшит влияние расстояния на операции. Но в мировую войну Восточная Пруссия и Галиция находились очень далеко одна от другой. Значение расстояний в 1915 г. и во второй половине XIX в. было одинаковым. Войска Гинденбурга передвигались с такой же скоростью, как и армия Мольтке. Для войск, наступавших из Восточной Пруссии и Галиции, вполне применимы указания фельдмаршала Мольтке, что части, «наступающие отдельно одна от другой на большом расстоянии, действуют сначала в собственных интересах. Лишь после того как обе части одержали победу, можно думать о непосредственных совместных действиях». Шлиффен, как и Мольтке, считал, что взаимодействие армий, вторгающихся в Польшу из Восточной Пруссии и Галиции, «весьма сомнительно» и в конце концов даже «совершенно исключено». Этот взгляд обоих наших великих учителей полностью подтверждала мировая война. Связь между отдельными частями, наступавшими на севере и юге, фактически отсутствовала.

Выражение генерала Гальвица «взять в клещи» встречается в военной литературе еще до появления исследования о Каннах. Сначала им обозначали только двойной охват. В дальнейшем его расширили, согласно пониманию Шлиффеном Канн, в концентрическое нападение с нескольких сторон. Шлиффен сам никогда не применял выражения «взять в клещи». «Взять в клещи», как нам кажется, может быть только тактическим понятием, перенесение которого в стратегию нецелесообразно. Движение отдельных воин-

¹ Шлиффен, О миллионных армиях. Статья была впервые опубликована в июне 1911 г. Русский перевод. «Канна», с приложением избранных статей и речей, Воениздат, 2-е изд., 1938, стр. 373. — Прим. ред.

² При докладе императору 2 июля, когда было принято решение о наступлении из района Прасныша, была сказана следующая фраза: «Более осязательными были бы результаты атаки на фронте р. Нарев или севернее Немана». Не удалось установить, были ли сказаны эти слова императором Вильгельмом или генерал-фельдмаршалом Гинденбургом.

ских частей с внешней стороны, операции на внешних линиях еще не имеют ничего общего с идеей о Каннах или с взятием в клещи. Приведет ли концентрическая операция к атаке с нескольких сторон и к сжатию клещей, зависит от того, будет ли противник пассивно занимать центральное положение. Канны Шлиффена, при которых противник окружается и целиком уничтожается, является последней стадией операции на внешних линиях. Она удается лишь, когда расчлененные войсковые соединения одновременно соединяются на общем поле сражения, а противник своевременно принял контрмероприятие (отступление или использование внутренней линии).

В июле 1915 г. даже при значительном усилении армейской группы Макензена, как считал необходимым генерал Гальвиц для успешного наступления на Вильно, нельзя было рассчитывать захватить противника в клещи. Многие сотни километров все же разделяли части, оперировавшие против русских войск, находившихся в Польше, Волынской и Подольской губерниях. Учет этого фактора явился причиной отказа Шлиффена в своих трудах от декабря 1892 г. и ноября 1893 г. от старого плана Мольтке, который впоследствии назвали планом захвата противника в клещи. Шлиффен так убедительно доказал, что наступления из Галиции и Восточной Пруссии совершенно между собой не связаны, что австрийский Генеральный штаб в конце концов с ним согласился. «Несмотря на кажущееся действие клещей, до настоящего времени нельзя рассчитывать на взаимодействие армий, далеко отстоящих одна от другой». Так заявил тогда начальник австрийского Генерального штаба. При огромном протяжении восточного фронта центральных держав летом 1915 г. трудно было рассчитывать на взаимодействие частей, наступавших на флангах, при условии, что находившийся на внутренней линии противник имеет хорошее руководство и мало уступает по численности, духу и вооружению.

Совершенно иным было положение на значительно меньшем по размеру итальянском театре военных действий. Там можно было выполнить все требования теории для достижения полного уничтожения итальянских войск при одновременной атаке достаточных сил центральных держав с Изонцо и Тироля. Концентрическим наступлением с противоположных направлений, вероятно, удалось бы добиться хороших результатов. Противнику не оставалось ничего другого, как отражать наступление, стоя на месте. Своевременное добровольное отступление исключалось по политическим соображениям. В разгаре сражения все пути отступления на запад закрыли бы для итальянцев части, наступавшие из Тироля. Действительно, верховное командование итальянских войск было очень озабочено возможностью одновременного наступления сильных германских и австро-венгерских частей из Трентино и с Изонцо.

Готовя Канны любого вида, Шлиффен считал желательным иметь численное превосходство над противником, но задача полководца, даже располагающего численным превосходством, остается

весьма сложной. Требуется перебросить наиболее сильные части в решающее направление и обеспечить взаимодействие разбросанных частей у цели. Это не удалось во время похода против сербов осенью 1915 г. Ход этих операций очень поучителен, так как он подтверждает старую истину, что на войне очень трудно выполнить требования теории. В теории для доказательств бе-

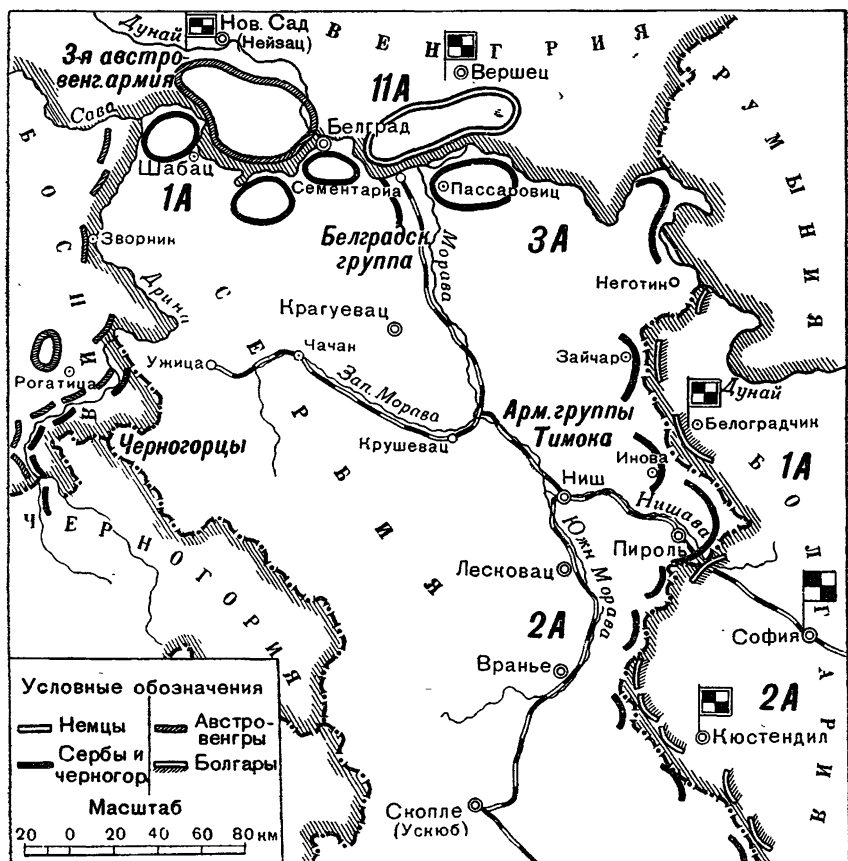

Схема 14. Сосредоточение войск перед походом на Сербию. Положение на 7 октября 1915 г.

рутся лучшие примеры из истории войн. На практике приходится иметь дело с конкретной обстановкой и стремиться лучше ее использовать. Слова Шиллера: «Различные мысли легко укладываются в голове, но жестоко сталкиваются факты в жизни», метко выражают затруднения, с которыми встречается командование во время войны.

Очертание границ Сербии навело центральные державы на мысль применить в оперативном плане двойной стратегический охват (схема 14). Казалось, что сербские войска будут сосредото-

чены на севере страны, на одной трети ее территории¹. Согласно учению Шлиффена, фронт противника за реками Савой и Дунаем не должен служить целью главной атаки. Предполагалось сконцентрировать силы против флангов и оттеснить последние в глубину расположения сербских войск. После этого рассчитывали начать наступление внезапно и одновременно из Болгарии и Боснии, продвигаясь южнее линии София—Ниш—Крушевац—Ужица.

При таком направлении сил и быстром продвижении охватывающих армий, несмотря на бездорожье, в горах удалось бы отрезать сербским войскам отступление на юг и юго-запад и, окружив их, полностью разгромить. Смелый план, рассчитанный на полное уничтожение противника, встретил ряд возражений. Расстояние между границами Боснии к Болгарии в самом узком месте составляло 200 км. Сербь, расположенные на внутренней линии в собственной стране, могли обратиться превосходными силами сначала против одной, а затем другой группы наступающих войск центральных держав. Вероятно, учитывая эту опасность, фельдцейхмейстер Потюрек, дважды потерпевший неудачу при наступлении из Боснии, рекомендовал своим преемникам в случае нового наступления на Сербию двигаться только на Белград.

По существенным причинам наступление на сербскую армию нельзя было организовать согласно требованиям учения Шлиффена. Железные дороги, ведущие в Боснию, имели малую пропускную способность. На сосредоточение ударной группы в Боснии, следовательно, потребовалось много времени, которым командование войск центральных держав не располагало. Приближалась зима. Соглашение, подписанное с Болгарией, требовало немедленных действий. Предоставленные для наступления силы вскоре требовалось освободить для выполнения других задач. Наступить скорее всего можно было против фронта Сава—Дунай, куда и направили германские и австро-венгерские силы. На этот фронт, по учению Шлиффена, желательно было направить второстепенный удар. Возможно, что на такое решение несколько повлияла мысль, что для труднейшего перехода через одну из самых широких рек мира необходимо располагать возможно большими силами. От взаимодействия главного удара с востока с наступлением болгар ожидали получить чрезвычайно большой эффект. Несмотря на слабость и низкие боевые качества австро-венгерских войск, в Боснии питали надежду подготовить сербской армии Седан. Больших результатов, однако, план похода не обещал. Для окружения противника требовалось наступление на фронт, а восточный фланг надо было дополнить сильным наступлением из Боснии против западного фланга. При отказе от наступления из Боснии под давлением с севера и востока сербы, решившие не уклоняться от сражения, были бы оттеснены на юго-запад. Идея наступления из Боснии против левого фланга и тыла сербов, конечно, обсуждалась в руководящих кругах центральных держав.

¹ На самом деле 6 дивизий были готовы отразить нападение с севера, а 5 дивизий прикрывали страну со стороны Болгарии.

Перейти к действиям не удалось, и прекрасную идею оставили, когда австрийские силы в Боснии были ослаблены отозванием единственной полноценной дивизии, экипированной для операций в горных условиях, на р. Саву к 3-й австро-венгерской армии. Для похода было весьма неблагоприятно, что войска, находившиеся на границе Боснии, на правом крыле 3-й австро-венгерской армии, состояли из частей, которые «только в случае крайней нужды можно было использовать в маневренной войне».

Поэтому необходимое для полного окружения сербов давление на западный фланг противника совершенно не имело места.

На востоке события развивались вопреки ожиданиям. Хотя наступление болгар, проведенное широким фронтом, поразило сербов, но оно развивалось чрезвычайно медленно, особенно северной армии. Высказанное генерал-фельдмаршалом Макензеном 22 октября намерение «оттеснить сербские главные силы к центру страны и там окончательно разгромить» можно было осуществить лишь при более энергичном наступлении на болгарском фронте. С целью скорейшего открытия Дуная для транспортов, шедших в Турцию, генерал Фалькенгайн решил расположить на левом крыле 11-й армии альпийский корпус, направленный в армейскую группу Макензена, «чтобы можно было скорее подать руку первой болгарской армии». Подобные планы постоянно встречаются со времени Лейпцига и Кениггреца при оперировании расчлененными частями. Они не имеют ничего общего с идеей концентрических операций, которая предполагает взаимодействие лишь у самой цели. Отказ от выгрузки в Боснии альпийского корпуса понятен, если учесть, что для его перехода потребовалось бы 17 дней. В момент принятия этого решения невозможно было предвидеть, что эта часть, несмотря на предстоящий длинный переход, своевременно прибудет в Боснию, чтобы принять участие в последних боях с сербской армией. Почему альпийский корпус не направили на правое крыло австро-венгерской 3-й армии, установить не удается из-за отсутствия протокола о переговорах по этому вопросу.

Обстановка на 1 ноября видна из схемы 15. Командование войсковых групп еще 30 октября рассчитывало начать решительное сражение у Крагуеваца и соответствующим распределением войск обеспечило соединение возможно более крупных сил на поле боя.

В случае пребывания сосредоточенной сербской армии в Крагуеваце, возможно, удалось бы на основании приведенного приказа о наступлении осуществить то, что Мольтке называл наивысшим достижением стратегии: «соединение разъединенных сил на поле сражения». Правда, болгарская 1-я армия находилась довольно далеко от намеченного поля сражения и могла принять участие лишь своим правым крылом в последней стадии боев. Но против западного фланга сербов отсутствовали достаточные силы, способные по образцу Канн обойти фланг противника. Ввиду того что сербы не принимали решающего сражения у Кра-

гуеваца, не оставалось ничего другого, как препятствовать их движению на юго-запад.

Но и для этого на западном крыле наступающих нехватало сил. Поэтому оно едва продвинулось и в конце похода против сербской армии находилось в том же месте, что и 7 недель назад.

Проведенные центральными державами крупные операции по охвату сербской армии дали важные результаты. Противник был

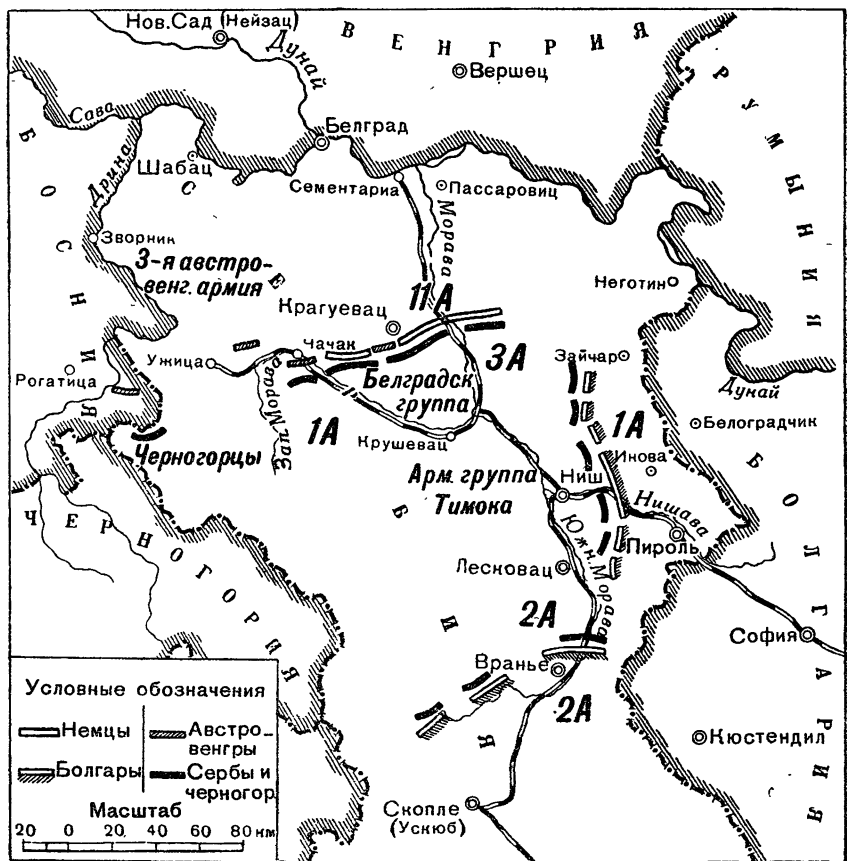

Схема 15. Положение на сербском фронте на 1 ноября 1915 г.

оттеснен в малонаселенную местность, лишен способности сопротивляться, но не был полностью уничтожен. Окружения противника, как в Каннах, не удалось достигнуть ни при Крагуеваце, ни в долине Западной Моравы, ни у Амзельфельда. Около 140 000 сербов избежало окружения и достигло берегов Адриатического моря.

Успешным concentрическим операциям мешали чрезвычайно тяжелый рельеф страны, глубокая осень и сопротивление храброго противника. Но основными причинами неудачи операций по окружению противника были недостаточность сил, отказ от наступа-

тельных действий группы войск боснийского крыла и слишком запоздавшее наступление болгар во фланг и тыл сербов.

Несомненно, в походе на Сербию решающее значение имело западное крыло. Здесь нехватало наступления с запада, из Боснии, войск, хорошо подготовленных для маневренной войны, которые дополнили бы проводившиеся с севера, востока, а позднее и с юга наступательные операции.

Нападение на тыл противника, составляющее существенную часть каждого сражения на уничтожение, наиболее удачно можно было осуществить из Боснии. Генерал-фельдмаршал Макензен энергично руководил операциями, но встречал много затруднений. Например, чтобы принять решение, требовалось получить согласие всех трех командующих армиями, на которых влияли скорее политические, чем военные соображения.

Исходное положение войск при походе на Румынию (схема 16) явело на мысль использовать сильно выдающуюся на запад Валахию и, наступая из Болгарии и Трансильвании на Бухарест, захватить одним ударом столицу и большую часть страны противника. Такая мысль возникла довольно давно. Предлагались различные планы этих операций. Генерал-фельдмаршал Макензен сосредоточенными войсками в Болгарии должен был нанести главный удар, а слабые силы, находившиеся в Трансильвании, должны были поддерживать его только демонстративно. Против этого возражал генерал-полковник Конрад, требовавший наступления крупных германских и австро-венгерских сил из Трансильвании, через Альпы.

Ввиду напряженного положения на западном и восточном фронтах, однако, нехватало сил для осуществления плана Конрада. Пришлось вернуться к плану нападения сначала только группы Макензена. Рассчитывали поддержать ее при благоприятной обстановке ударом на юго-восток из района Германштадта.

Официальные германские труды о войне правильно называют достигнутое 28 августа 1916 г. соглашение между генералом Фалькенгайном и генерал-полковником Конрадом о нападении на Румынию через Дунай, с целью облегчения трансильванского фронта, «чрезвычайно рискованным предприятием», которое в лучшем случае позволит захватить предместное укрепление на северном берегу Дуная. Новое верховное германское командование, назначенное на следующий день, иначе оценивало положение. Оно считало, что наступление за Дунай может стать успешным, если будет дополнено одновременным вторжением через Трансильванские Альпы. Новое верховное командование германских вооруженных сил осталось на этой точке зрения, несмотря на возражения, выдвинутые генерал-полковником Конрадом. Наступление с юга поэтому задержали до того, как операции в Трансильвании достигнут соответствующего развития. Дальнейший ход войны показал, что новое верховное командование наиболее правильно оценило положение. Насколько труден переход через р. Дунай, показывает неудачное румынское наступление через него у Фламанда. Чрезвычайно серьезное положение дунайской армии в битве при

р. Аргес стало бы еще тяжелее, если бы одновременно не последовало нападение 9-й армии с севера.

Оценка положения в начале похода в Валахию с точки зрения довоенной теории дает следующие результаты. Расстояние между войсками центральных держав в Болгарии и Трансильвании не было чересчур большим. Однако их взаимодействие затрудняли

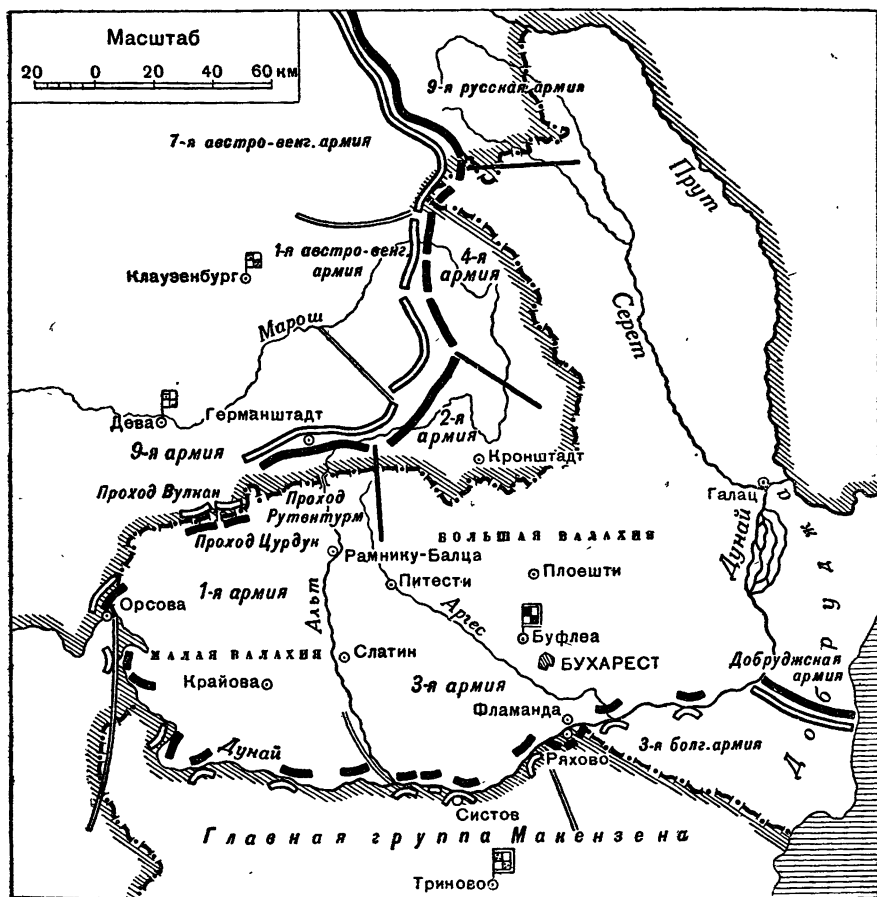

Схема 16. Поход на Румынию в 1916/17 г. Положение на 19 сентября 1916 г.

широкий горный хребет и многоводная река. Поэтому группы войск могли действовать лишь раздельно и в собственных интересах. Только после крупных побед — прорыв через Трансильванские Альпы и форсирование Дуная — могло осуществиться непосредственное взаимодействие расчлененных сил для соединения на одном поле сражения при движении с разных сторон. Оно вполне соответствовало взглядам Мольтке и Шлиффена, если бы вначале оба войсковых соединения действовали совершенно само-

стоятельно. Не в сочетании операций, а в одновременном их проведении заключалось преимущество командования центральных держав. Румыны в глазах центральных держав были безусловно серьезным противником.

Центральные державы считали, что противник в Валахии располагает силами, равными 9-й армии и армейской группе Макензена, вместе взятым. Безусловно, центральное положение румын давало значительные преимущества при наступательном образе действий. При таком положении центральных держав Шлиффен, как и в своих оперативных планах 1895 г., вероятно, предложил бы, помимо сосредоточенных в Болгарии и Трансильвании армий, двинуть третью группу войск с запада, из района Орсова через Малую Валахию на Бухарест. Этим самым сложная задача одновременной переправы через р. Дунай и прорыва через Трансильванские Альпы значительно облегчалась.

При отсутствии достаточных сил для создания третьей группы войск он, вероятно, потребовал бы отложить переправу через Дунай, пока сосредоточенные в Трансильвании части не достигли южных проходов через горный хребет. Только с этого момента можно было уверенно рассчитывать на совместные действия раздельных колонн.

Армейская группа Макензена начала переправу через Дунай (23 ноября), когда правое крыло 9-й армии (группа Кюне) пробилось через горы у прохода Цурдук (между 11 и 14 ноября), причем ее передовые части продвинулись до Крайова (вечером 21 ноября). Правда, в это время группа Кюне все еще находилась по ту сторону гор и могла следовать за дунайской армией на Бухарест значительно левее. Она не могла воспрепятствовать тому, что дунайская армия юго-западнее Бухареста попала в весьма тяжелое положение. С другими частями 9-й армии дунайская армия вначале не имела никакой связи. Бои в горах несколько улучшили общее положение центральных государств. Румынские резервы постепенно использовались в Трансильванских Альпах и в решающий момент, когда началась переправа дунайской армии, оказались исчерпанными. Группу румынских войск, защищавшую переправу, быстро усилить не смогли, и они не перешли в контрнаступление. О том, в каком направлении следовало наступать отдельным войсковым соединениям, чтобы у намеченной цели начать совместные действия, существовали различные мнения. В начале октября, после боя у Кронштадта, румынская армия была отброшена в горы. Вследствие быстрого продвижения армейской группы Макензена в Добруджу возникла мысль наметить Галац целью совместных действий расчлененных войсковых сил, чтобы отрезать все румынские войска Валахии. Этот план, обещавший огромный оперативный успех, был совершенно невыполним ввиду трудностей наступления и снабжения в лишенных дорог Восточных Карпатах и недостатка войск у центральных держав для выполнения этой задачи.

Поэтому решили наступать на Бухарест с севера и с юга. Для этого направление через Кронштадтские перевалы на Плоешти ка-

залось наиболее целесообразным для наступления 9-й армии. Переправа через Дунай армейской группы Макензена заблаговременно намечалась в районе Систова, где технические условия перехода реки были особенно благоприятны¹. Правда, путь на Бухарест из Систова не был кратчайшим. Для этого следовало бы переправиться значительно ниже по течению, примерно в районе Ряхово — Фламанда. Соединению расчлененных соединений у Бухареста более благоприятствовала переправа несколько восточнее.

Преследование разбитых трансильванских румынских частей было приостановлено на перевалах Трансильванских Альп. Главнокомандующий 9-й армией генерал Фалькенгайн сомневался, удастся ли в ближайшее время, ввиду сильного сопротивления румын южнее Кронштадта, осуществить прорыв в этом месте. Условия местности благоприятствовали переходу через горы западнее, у проходов Вулкан и Цурдук. Горы здесь были ниже, а противник казался более слабым. Генерал Фалькенгайн решил перенести сюда центр нападения своей армии. Командующий фронтом эрцгерцог Карл с начальником своего штаба генералом Сектом и генерал-полковник Конрад считали, что главный удар следует нанести через Кронштадтский проход. Верховное командование² присоединилось к мнению Секта и Конрада. Позднее оно все же разрешило генералу Фалькенгайну, для облегчения прорыва через Кронштадт, наступать также через Цурдук и Рутентурмский проход, но настаивало, чтобы главные операции велись в направлении Кронштадт — Бухарест. Главнокомандующий 9-й армией упорно защищал план проведения основного наступления через Цурдукский проход. В конце концов его предложение приняло и верховное командование, хотя командующий фронтом эрцгерцог Карл считал, что стратегически целесообразнее центром тяжести наступления оставить Кронштадт. Ему не удалось убедить генерала Фалькенгайна или заставить его подчиниться. Вследствие расхождения взглядов генерал Фалькенгайн вынужден был пойти на компромисс, в результате осуществления которого мнения о том, куда направить бывшие новые дивизии, снова разошлись.

Рассматривая сейчас вопрос, как могла скорее всего соединиться 9-я армия с группой Макензена, приходим к выводу, что простейшим решением было бы движение обоих войсковых соединений по направлению одно к другому с севера и с юга и встреча на полпути в направлении Питести. Задача командования, несомненно, сильно затруднялась тем, что районом совместных действий войсковых соединений наметили Бухарест. Оперативные линии обоих войсковых соединений, вследствие того, что целью наступления наметили Бухарест, отклонялись на северо-восток и юго-восток. Чем больше направление наступления 9-й армии через горы отклонялось на запад, тем длиннее становился ее путь к месту соединения. Таким образом, наступление, намеченное

¹ В том же месте русские в 1870 г. успешно совершили переход через Дунай, но в противоположном направлении, нежели войска Макензена.

² Командующий фронтом эрцгерцог Карл 13 октября отдал приказ о переименовании 1, 7 и 3-й армий в 9-ю австро-венгерскую.

прежде в направлении с севера на юг, превратилось в наступление с запада на восток. Необходимость поворота фронта при операциях 9-й армии стала яснее, когда прорыв через горы сначала удался лишь через проход Цурдук. Вышедшая на валахскую равнину группа Кюне, помимо задачи начать совместные действия с армейской группой Макензена, получила приказ открыть выход из гор остальным частям 9-й армии. Таким образом, помимо основного стремления начать совместные действия с дунайской армией, у генерала Фалькенгайна появилось законное желание соединить все четыре отдельные наступающие части своей армии для движения на Бухарест.

В первом случае группа Кюне должна была двигаться на Крайова—Слатин в «направлении Макензена», во втором случае правое крыло 9-й армии требовалось повернуть ближе к горам, на восток, в направлении Рамнику-Балца. Верховное командование настаивало, чтобы группа Кюне возможно скорее продвигалась на восток для облегчения частям Крафта и Моргена, входившим в состав 9-й армии, выхода из гор. Командующий фронтом эрцгерцог Карл не был удовлетворен движением группы Кюне на восток. Чтобы направить 9-ю армию против главных сил противника, он хотел заставить левое крыло группы Кюне продвигаться в северо-восточном направлении на Питести, а основную массу 9-й армии на Плоешти. Различные указания о наступлении 9-й армии, без сомнения, мешали сочетанию ее движения с дунайской армией, особенно если учесть, что верховное командование над ней и армейской группой Макензена было установлено слишком поздно.

Помимо обычных трений, возникающих при коалиционных войнах, в румынском походе интересы отдельных династий мешали созданию твердого единого руководства раздельно действующими частями. Вечером 30 ноября 9-я армия соединилась с армейской группой Макензена. На их стыке создалось критическое положение. Его удалось бы избежать при наличии единого командования обеими армиями. Возможно, что перемена в подчинении, последовавшая в чрезвычайно неблагоприятный момент, не позволила победителю в сражении при р. Аргес захватить еще больше трофеев. Румыны потерпели значительное поражение, но не хватило крупных войсковых частей, чтобы их отрезать и уничтожить. Путь, идя по которому достигли соединения расчлененных сил, едва ли мог привести к победе на уничтожение по типу Лейпцига. В некоторых местах возникали шансы на большую победу. В одном из указаний верховного командования, направленном Макензену 28 ноября, высказана мысль, что наступление дунайской армии совместно с 9-й армией надо организовать так, чтобы добиться решающего разгрома отступающих из гор главных сил противника. Генерал Фалькенгайн в одной из своих сводок 29 ноября употребляет выражение: «придерживаюсь идеи разгрома». Теоретически можно достигнуть сражения на уничтожение при полном окружении противника, когда операции проводятся расчлененными силами, заканчивающимися концентрическими операциями соединением

у общей цели, причем важно добиться атаки противника и с тыла. Для повторения Лейпцига на валахской равнине существовали при исходном положении войск вполне благоприятные предпосылки. При наступлении 9-й армии из Трансильванских Альп на юг, а дунайской армии одновременно через Дунай на север, вероятно, где-нибудь в Валахии румыны подверглись бы атаке в противоположных направлениях сразу с фронта и с тыла. В этом сражении фронт проходил бы с запада на восток. Тыловые коммуникации румын в этом случае шли бы через их фланги и скоро оказались бы под угрозой. Направление рек и дорог в Валахии благоприятствовало нанесению центральными державами удара в этом направлении.

Чтобы добиться победы с полным поражением противника, во всяком случае требовалось быстрое подавление сопротивления румын в горах восточным крылом 9-й армии и выход на равнину достаточных сил.

Авторитетные лица придерживались, однако, противоположного мнения. Кто был прав, не известно. Но возможность достижения победы с полным уничтожением противника была очевидной в случае наступления через проходы южнее Кронштадта, которым открывались горные перевалы с востока.

Решение о подавлении румынской обороны в горах с запада вызвало поворот фронта 9-й армии на восток. Выбор переправы у Систова также потребовал поворота дунайской армии в этом направлении. К этому следует добавить, что наступление основных сил 9-й армии групп Крафта, Моргена и Стабса развивалось медленнее, чем ожидал генерал Фалькенгайн. Поэтому румыны смогли постепенно повернуть свой фронт на запад, сохраняя тыловые коммуникации. Они поступали здесь так, как Шлиффен предсказывал поведение русских в аналогичном положении, когда в своем меморандуме в декабре 1892 г. отказался от оперативного плана Вальдерзее. Румыны отступали перед 9-й армией не на юг, где они могли попасть под удар дунайской армии, а на восток, где подходило к конечным пунктам железных дорог, по которым происходило их сосредоточение.

Поэтому центральные державы не достигли в Бухаресте победы с полным уничтожением противника, не окружили румынской армии, а провели западнее столицы фронтальные бои против неприятеля, который мог отступать в свои восточные провинции.

В войне с Абиссинией Муссолини дал итальянскому главному командованию категорический приказ: «победить и притом быстро»¹. Главнокомандующий имел единственную задачу — в большом и хорошо подготовленном сражении достигнуть быстрого и полного уничтожения противника.

По правилам теории, концентрическая атака с нескольких сторон представлялась наиболее надежной. На связанный с этим риск итальянцы легко могли пойти, имея значительное превосходство в вооружении и лучшее руководство. Поэтому в войне с Абис-

¹ Пиетро Бадольо, Война с Абиссинией, Предисловие, Мюнхен, 1937.

синией они неоднократно проводили такие операции. В сражении при Эндерта, в середине февраля 1936 г., маршал Бадольо предпринял двойной охват армии раса Мулугета, занимавшего горы Амба-Арадам. Операция таила ряд опасностей. Оба корпуса, принимавшие участие в операции, должны были обойти с востока и запада гигантский бастион Амба и соединиться южнее горного хребта. В связи с тем что операция проводилась в местности весьма сложного рельефа, маршал Бадольо до начала сражения так приблизил оба корпуса к горам, что охват мог быть проведен в течение одного дня. Это уменьшало опасность контратаки противника по внутренней линии. Осуществить двойной охват, однако, не удалось. Противник очистил свои позиции до того, как итальянские корпуса соединились в его тылу. Армия раса Мулугета все же была уничтожена итальянской авиацией, которая непрерывно, в течение нескольких дней, бомбила противника и превратила его отступление в беспорядочное бегство. Если бы тогда итальянцы имели парашютные войска, в настоящее время организованные большинством государств, то в сражении при Эндерта они могли бы удачно атаковать абиссинцев, когда те еще удерживали свои позиции. В таких случаях не требуется сбрасывания в тылу противника особенно крупных сил. Даже слабые, но активные отряды увеличат панику в рядах неприятеля и ускорят его разгром.

Маршалу Бадольо требовалось осуществить стратегическое сражение и уничтожить остальные абиссинские силы на северном фронте. Это были войска раса Касса в Тембиене и войска раса Имру в Шире. Впервые в колониальной войне была предпринята одновременная генеральная атака пяти армейских корпусов на фронте протяжением 250 км. Итальянцы продвигались с севера на юг, с юга на север, с востока на запад и с северо-запада на юго-восток.

Идея операции предусматривала атаку со всех сторон для полного уничтожения противника. Силы последнего состояли из двух групп. Поэтому итальянская генеральная атака привела к двум сражениям в разных местах.

Смелые операции итальянских войск по охвату противника сражением при Тембиене и при Шире, в местности с тяжелым рельефом, вызывают восхищение, хотя полное окружение не было достигнуто. Во втором сражении у Тембиена в конце февраля 1936 г. 3-й и эритрейский пехотные корпуса наступали в противоположных направлениях против фронта и тыла абиссинских войск, которыми командовали расы Касса и Сеюум. Соединение отдельных корпусов намечалось на полпути у Абби-Адди. Оно там и было осуществлено на третий день сражения. В результате обратившиеся в бегство армии расов Касса и Сеюума были полностью уничтожены.

Только небольшие группы, спасшиеся бегством по горным тропинкам, избежали смерти или плена. И здесь авиация также способствовала уничтожению отступавших войск.

В сражении у Шире с войсками раса Имру в начале марта 1936 г. итальянцы также применили атаку в противоположных направлениях. Когда наступающий с востока 2-й корпус находился

вблизи врага, 4-й корпус, двигавшийся с северо-запада, должен был по совершенно незнакомой, сильно пересеченной и густо покрытой растительностью местности покрыть в три раза большее расстояние. Снабжение этого корпуса продовольствием и фуражом осуществлялось только авиацией. Оба корпуса наступали по направлению горы Коеца. Маршал Бадольо отметил исходное положение для сражения при Шире следующим образом: «Соотношение сил, времени и расстояний между нашими двумя войсковыми группами и силами противника были неравны, вследствие чего концентрические операции обоих корпусов чрезвычайно затруднились».

Маршал лично отправился на поле сражения, чтобы отдать обоим корпусам необходимые приказания. 2-й корпус вскоре встретил стойкое сопротивление, а 4-й корпус двигался, преодолевая большие трудности. Оба корпуса на общем поле сражения не дрались, так как абиссинцы не выдержали фронтальной атаки 2-го корпуса и, испуганные приближением в тылу 4-го корпуса, начали отступление до момента их соединения.

По мнению итальянского полководца, абиссинская кампания является «войной, из которой можно сделать большие выводы для будущих кампаний и даже не в колониях». Во всяком случае итальянские победы полностью подтвердили основные законы руководства военными операциями, установленные учением о войне Шлиффена.

С точки зрения исследуемой нами проблемы о взаимодействии отдельных воинских частей, можно полностью присоединиться к требованию маршала Бадольо, предъявленному на основе опыта абиссинской войны высшему командованию. Маневренная война, помимо других качеств, требует, в особенности от высшего командования, веры в себя, ответственности за свои действия, т. е. активности. Без активности ни один командир, как бы образован он ни был, не может начать операцию, в которой способен потерять чувство меры и может быть принужден принять решение, выходящее за пределы его возможностей.

Опыт больших сражений мировой войны, в которых нашло отражение учение Шлиффена о руководстве военными операциями, имеет сходство с опытом, накопленным итальянским маршалом. Концентрические операции всегда представляют собой балансирование на острие ножа и требуют от полководца и подчиненных ему командиров смелости и большой ответственности. Самое смелое учение о войне не принесет результатов, если у начальников нет качеств, которые заставят действовать в решающий момент.

Заключение

Наш обзор концентрических операций в последних войнах свидетельствует, что учение Шлиффена о войне и выдвинутые им законы полностью подтверждаются на практике. Он учил, что «каждый случай на войне следует рассматривать и обдумывать с учетом его особенностей». Следование этому принципу привело к успешному применению признанных в прежние времена методов

руководства военными операциями. В одном случае это были операции на внутренней линии, в другом случае — «стратегический Лейтен», но наибольший эффект давало нападение с нескольких сторон, двойной охват, дополненный атакой с тыла. В самом деле, учение Шлиффена об уничтожении противника концентрическим наступлением с нескольких сторон, по образцу Канн или Лейпцига, не может быть превзойдено. Такой план сражения будет представлять для полководца редко достигаемый идеал и в будущих войнах. Повидимому, концентрические операции, вследствие резких изменений организации и вооружения современных армий, в будущем будут проводиться быстрее. Поэтому при правильном распределении сил можно провести действительно решающие сражения на уничтожение. Большие перспективы добиться быстрых и действительно решающих успехов дают планы сражения, разработанные Шлиффеном на основе Канн. Где имеется возможность проводить концентрическое наступление, этот стратегический прием дает наибольший шанс на победу с полным уничтожением противника.

Имеется много указаний на то, что перспективы операций на внешних линиях в последние 20 лет, со времени мировой войны, значительно улучшились. Главное возражение Жоинни против операций на внешних линиях — отсутствие связи между высшим командованием и отдельными маневрирующими колоннами — на сегодня отпало. Современные средства связи обеспечивают координирование операций и активное руководство. Если армии, наступающие на внешних линиях, обладают превосходством в воздухе, то они смогут захватить противника врасплох. С другой стороны, воздушная и моторизованная разведка позволяет проводящему концентрические операции защищаться против активного противника, облегчает ему координирование действий своих разъединенных армий как по отношению одна к другой, так и по отношению к неприятелю. Риск, связанный раньше с разделением войск и с величиной театра военных действий, имеется и сейчас, но стал значительно меньше. Большая подвижность современной армии позволяет весьма быстро передвигать войска, своевременно поддерживать отдельные части, находящиеся в опасном положении, и накапливать в решающих местах большие силы.

Возможность быстро проводить операции и внезапно наносить удары благоприятствует действиям на внешних линиях в большей степени, чем на внутренней. Войска, наступающие с внешней стороны, меньше зависят от пространства, чем расположенные на внутренней стороне.

Последние принуждены чрезвычайно быстро принимать решения, что затруднительно при разрушающем действии современного оружия. Нам кажется, что таким образом несколько теряет свое значение точка зрения Клаузевица о том, что «преимущество большей сосредоточенности и внутренней линии по большей части скорее ведет к достижению победы, чем концентрическая форма наступления». Это правильно признали Гольц и Шлихтинг еще до мировой войны. Повидимому, соотношение обоих стратегических

методов изменилось, когда сосредоточение больших масс стало более опасным, чем преувеличенное их разделение.

Моторизация войск подвергает противника, находящегося в стесненном положении, опасности молниеносного захвата сброшенной сетью и потери свободы оперирования. При этом чрезвычайно полезно использовать самого младшего ребенка «бога войны» Марса — парашютные войска, позволяющие окружить противника. Парашютные войска при двойном охвате лучше всего могут осуществить нападение с тыла или отрезать пути отступления противника, стремящегося уйти от атаки, производимой с нескольких фронтов. Окружение неприятеля, которое Шлиффен называл наивысшим достижением победы с полным уничтожением противника, редко удавалось в последних войнах, потому что направленные в тыл силы были очень слабы либо их совсем не было.

Это обстоятельство надо учесть в будущем, при стремлении достигнуть полной победы. Сейчас для этого имеется новое средство — парашютные и моторизованные войска. Последние могут быстро передвигаться и неожиданно появляться в тылу противника. Прежние размеры операционных пространств современная техника совершенно изменила. Моторизация сократила их влияние и благоприятствует операциям на внешних линиях больше, чем на внутренней. Как мы показали на примере польского театра военных действий во время мировой войны, существуют определенные пределы для совместных действий расчлененных войсковых сил, наступающих с разных сторон. Моторизация, повидимому, расширит эти пределы и допустит в будущем совместные действия там, где они во время мировой войны казались невозможными. В то же время войскам, оперирующим на внутренней стороне, становится труднее препятствовать соединению расчлененных сил противника до одержания полной победы над одной из них, что безусловно необходимо для проведения современной операции на внутренней линии.

Эти затруднения преодолели войска центральных держав во время летнего похода 1914 г. в Галиции и на Висле. Операция генерала Презана в сражении при р. Аргес закончилась неудачно, потому что группа Кюне появилась на поле сражения до полного разгрома дунайской армии.

В настоящее время для войск, оперирующих на внутренней линии, самое губительное — это втянуться в второстепенный бой. Это даст войскам, расположенным на внешней стороне, время сжать район операции и перейти в концентрическое наступление. Большой размер богемского театра военных действий в 1866 г., вероятно, позволял удачно провести операции на внутренней линии. Можно предположить, что одновременное вторжение в Богемию и Моравию с севера, запада и юга при сопротивлении противника позволило бы немедленно его окружить.

Для операции на внешних линиях в будущем желательно иметь количественное и качественное превосходство на земле и в воздухе. Кто обладает абсолютным превосходством, не должен удовлетворяться обычными победами, но должен ставить себе наивысшие

задачи. Концентрические операции являются средством достижения победы с полным уничтожением всех вооруженных сил противника или главных его частей.

Нет ни малейшего сомнения, что на многие операции центральных держав во время мировой войны оказало особое влияние учение Шлиффена. Наши величайшие победы во время маневренной войны были достигнуты правильным применением его правил и законов для наступления с нескольких сторон. Заявление, что многие победы в мировую войну можно было превратить в победы с полным поражением противника при большем следовании советам Шлиффена, не вызывает возражений. Школа Шлиффена воспитала смелость у руководителей военных операций, характерную для полководцев на восточном фронте центральных держав. Она дала нам перевес над нашими противниками. Командование руководителями военными операциями при Танненберге, Комарове, Лодзи, Лиманове-Лопанове, зимним сражением в Мазурских болотах, у Вильно, Шавлей, Германштадта и на р. Аргес на основе учения Шлиффена. Теория Канн, таким образом, вполне оправдана на войне и принесла богатые плоды, несмотря на то, что образцовых, совершенных побед с полным уничтожением противника удавалось достигать редко.

Один недостаток операций, проводимых расчлененными силами, установленный еще при возникновении этого стратегического метода, имеет место и сейчас. Наступление отдельных колоннами требует, чтобы «младшие начальники были дисциплинированы, являлись знатоками своего дела и понимали замыслы полководца»¹.

Колоссальное увеличение армий и все растущее влияние техники требуют повышения знаний высшего начальствующего состава. Обучение высшего начальствующего состава и офицеров Генерального штаба для полного овладения широкими оперативными замыслами и глубокого понимания задач руководства военными операциями является в настоящее время особенно важным. Недостаточно иметь одного полководца. Надо стремиться иметь их возможно больше, чтобы обнаружить тех, которых судьба предназначила для этого поста, и подготовить их для осуществления поставленных задач².

Тезис Клаузевица, что концентрическое наступление наиболее рискованно, но всегда сулит наибольший успех, действителен и сейчас. Полководец, стремящийся к быстрой и полной победе, должен решить, оправдывается ли связанный с этой операцией риск и благоприятствует ли ей общая обстановка. Операции на внешних линиях всегда будут рискованными, и при Танненберге

¹ «Канн», 2-е изд., русск. перев., Воениздат, 1938, стр. 350. — Прим. ред.

² Число крупных военных деятелей, способных занять высшие посты в руководстве армией, является показателем, характеризующим ее творческие силы. В классическую эпоху Мольтке их было достаточно. Генерал Верди в своем «Учении о войне» (ч. II, стр. 159) называет, кроме Мольтке, имена еще шести генералов, которым, по его мнению, в 1870 г. можно было без опасений поручить руководство Генеральным штабом. В конце «эпохи Мольтке» их число не уменьшилось. Из статей генерала Шлихтинга известно, что фельдмаршал составил целый список фамилий генералов, способных его заменить.

положение не раз было критическим. Правильно сознавая опасность собственного положения, генерал Людендорф доносил верховному командованию до начала сражения, что его «печальный исход не исключен». Часть, наступающая против фланга или тыла противника, чувствует себя в опасности, причем страх быть отрезанным часто ведет к приостановке наступления или отступлению. Полководец, желающий действовать наверняка и побеждать без риска, хорошо поступит, отказавшись от таких смелых планов руководства и соединив свои силы до боя. Он, может быть, достигнет побед, но никогда не одержит победы с полным уничтожением противника. Напротив, полководец, стремящийся окружить противника наступлением с нескольких сторон и уничтожить его, найдет в себе достаточно силы для такого смелого поступка, вспомнив слова Шлиффена: «Когда хочешь достигнуть успехов, и больших успехов, необходимо всегда немного рисковать».

СОДЕРЖАНИЕ

	<i>Стр.</i>
Предисловие к русскому переводу	3
Предисловие	5
Введение	7
Проблема во времена Фридриха II	8
Проблема в эпоху Наполеона	14
От Наполеона до Мольтке	29
Разрешение проблемы Мольтке	35
Дискуссия в германской печати на грани XIX и XX столетий	49
Учение Шлиффена о войне	54
Концентрические операции в новейших войнах	69
Заключение	87

К ЧИТАТЕЛЯМ

*Издательство просит присылать
отзывы на эту книгу по адресу:
Москва, Орликов пер., 3, Воениздат.*

Редактор Ю. И. Зеленский

Подписано к печати 13.3.41.
В печ. листе 48000 экз.

ГЗ18. Объем 5³/₄ печ. л., 6,5 уч.-авт. л.
Зак. 806

Отпечатано в 1-й типографии Военного изд-ва НКО СССР имени С. К. Тимошенко
Москва, ул. Скворцова-Степанова, д. 3

Цена 1 руб. 65 коп.

12